

Т. Лопухина-Родзянко

Духовные основы
творчества
Солженицына

Т. Лопухина-Родзянко

Духовные основы
творчества
Солженицына

ПОСЕМ

© Possev-Verlag, V. Gorachek K.G., 1974
Frankfurt/Main
Printed in Germany

ВСТУПЛЕНИЕ

В «Нобелевской лекции» Солженицын призывает всех писателей и художников мира понять ответственность своего призвания и это призвание исполнить. Он вспоминает слова Достоевского: «Мир спасет красота» — и открывает значение этих слов для современности. Он утверждает, что подлинное Искусство способно вразумить и спасти человечество, которое в наше время слепо идет к катастрофе. С этим убеждением он обращается с нобелевской кафедры ко всем одаренным свыше людям: «Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!»¹.

Глубокое понимание Искусства, которое Солженицын пишет с прописной буквы, у него традиционно-романтическое. Это то понимание Искусства, которое впервые выразили словами философы античной культуры и к которому позднее добавляли европейские мыслители свои новые откровения². Искусство для Солженицына не

¹ Александр Солженицын, *Собрание сочинений* (в шести томах. 2-е изд.: Франкфурт/М.: Посев, 1970-73), т. 6, стр. 367. Все указания на том и страницы в дальнейшем — по этому изданию.

² Ernst Cassirer, *The Philosophy of the Enlightenment*. Tr. Fritz C. A. Koelln and James P. Pettegrove (Boston: Beacon Press, 1955), pp. 275-360.

только эстетика, и роль его не только украшение жизни, и не средство для распространения идей, а — самостоятельная отрасль. Искусство существует само по себе как особый дар Творца людям, через который человек может познать высшие тайны творения мира. Солженицын пишет:

Еще в прэдутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: за чем нам этот дар? как обращаться с ним?

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что Искусство разложится, изживет свои формы, умрет. Умрем — мы, а оно — останется. И еще пойдем ли мы до нашей гибели все стороны и все назначенья его?

Не все — называется. Иное влечет дальше слов. Искусство растепляет даже захоложенную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством Искусства иногда посылаются нам — смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению. (6, 351-352)

Искусство вошло в человека с живой душой, которую вдунул в него Творец, создавая его. Потому настоящий художник у Солженицына скромный работник, исполняющий волю могучего, разумного Созидателя мира. Он «...знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога...» (6, 351).

Это простыми словами выраженное романтическое кредо А. С. Пушкина, который тоже слышит над собой голос Бога и принимает своим преображенным слухом и зрением приказания Его:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей³.

Так понимали свою роль художника многие русские писатели, следуя примеру Пушкина. Именно так толкует князь Е. Трубецкой роль древнерусских иконописцев в созданном ими Искусстве. Он пишет:

Икона XV века всегда вызывает в памяти бессмертные слова Достоевского: «красота спасет мир». Ничего, кроме этой красоты Божьего замысла, спасающего мир, наши предки XV века в иконе не искали. Оттого она и в самом деле была выражением великого творческого замысла⁴.

С таким пониманием Искусства Солженицын исполняет свой писательский долг. Творчество его не только художественные произведения, достойные тщательного исследования литературоведа. Оно несет в себе тяжелую ответственность за передачу человечеству того, что ему, как художнику, было открыто свыше. Художник не творит сам, пишет Солженицын,

...не им этот мир создан, не им управляется,.. нет сомненья в его основах, художнику дано лишь острее других ошутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям. (6, 351)

³ А. С. Пушкин, *Избранные произведения* (в двух томах; Москва: Издательство «Художественная литература», 1968), 1, 106.

⁴ Кн. Евгений Трубецкой, *Умозрение в красках*. Три очерка о русской иконе (Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1965), стр. 155.

Именно такое и только такое задание исполняет Солженицын своим творчеством. В письме IV съезду писателей СССР он говорит, что художественной литературой может называться только та литература, которая правдиво и честно передает правду о мироздании.

Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырье. (6, 11)

Редкий писатель в истории европейской культуры ощущал такую тесную, непосредственную связь с мировой литературой, как Солженицын. Чувство единой мировой литературы делает его веру в силу Искусства еще более значительной. И в прошедшие века существовало понятие общеевропейской культуры. Изучались влияния литературных направлений и мысли одной нации на другую. Но никогда еще не было такого быстрого отзыва на литературные явления мира, как в наше время. Современные возможности коммуникации дают возможность того, чтобы новая мысль или новое произведение литературы стало общедоступным во всем культурном мире. Произведения Солженицына, появившиеся за последнее десятилетие, уже известны почти на всем земном шаре. И это — несмотря на все усилия власти в его стране не допустить его произведений к печати. Это дает право Солженицыну свидетельствовать в

«Нобелевской лекции» о новом явлении нашего века:

Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества. (6, 366)

В этом растущем духе единства человечества видит Солженицын залог спасения от современных заблуждений. Он вносит свой вклад в него: духовные ценности своего народа, добытые суровыми годами потрясшей страну революции и страшного сталинского произвола над людьми.

Взойдя на кафедру нобелевского лауреата, Солженицын обращается ко всему миру и указывает на болезнь века — на основное заблуждение его. Человечество, став на земном шаре единой огромной семьей, не имеет общей шкалы нравственных оценок. Что в одном конце земли считается морально недопустимым, подлежащим суду, то в другом конце ее творится на глазах у всех и равнодушно замалчивается. В таком двоении шкалы оценок Солженицын усматривает близкую катастрофу для человечества.

...для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью... Мы не уживем на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами. (6, 358)

Общей шкалой оценок для всего человечества должна быть одна, вечная справедливость, которая не меняется из века в век, не исчезает, но существует извечно, как Искусство. Без такой общей

и вечной справедливости нельзя человечеству выжить. Солженицын видит возможность преодолеть этот разноречивый действием Искусства. Художник может передать опыт своего народа другим и таким образом шкала оценок сможет найти общий знаменатель. Эту возможность обнаружил Солженицын в растущем единстве мировой литературы.

Во многих произведениях у Солженицына встречаются по-новому освещенные духовные ценности средневековья. Его привлекает целостность миропонимания людей тех времен, их устремленность к духовному и пренебрежение земным. Этой устремленности к духовному не хватает современному человечеству. Костоготов, восстанавливая в своей памяти древнюю повесть о Китоврасе из «Толковой палеи», откуда идет в народе поговорка «Мягкое слово кость ломит, а жестокое гнев вздвигает», делает для себя вывод:

И вот размышлял Олег: этот Китоврас и эти писцы пятнадцатого века — насколько ж они люди были, а мы перед ними — волки.

Кто это теперь даст ребро себе сломать в ответ на мягкое слово?.. (2, 456)

Потеря устремленности к духовному влечет за собой упадок нравов и Искусства. Такой упадок наблюдает Костоготов. О таком же упадке нравов и Искусства свидетельствует Е. Трубецкой, сравнивая древнее русское искусство с более поздним и современным:

В этих памятниках современности ярко выразилась сущность того настроения, которое имело своим последствием гибель великого религиозного искусства; тут мы имеем не простую утрату вкуса, а нечто неизмеримо большее — глу-

бокое духовное падение. ...Причина этого упадка повсеместно одна: повсюду угасание жизни духовной коренится в той победе мещанства, которая обуславливается возрастанием житейского благополучия⁵.

В «Нобелевской лекции» Солженицын снова объединяет расторгнутое триединство в Искусстве: Истину, Добро и Красоту. Со времен увлечения рационализмом их разделили на три отдельных дисциплины: истину стали искать в науке, добро выделили в область морали, а для красоты нашли пристанище в эстетике. Солженицын снова видит их нераздельными в подлинном Искусстве. «Так, может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты — не просто парадная обветшалая формула... — пишет он. — И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота»? Ведь ему дано было многое видеть, озаряло его удивительно» (6, 353).

Творцы средневековой готики не думали отдельно об эстетике, создавая архитектуру своих храмов. Они в них вкладывали свое целостное мировоззрение, свое стремление к духовной высоте. Древние русские иконописцы тоже передавали в иконах духовные ценности своего времени. О древней русской иконописи говорят как об «умозрении в красках»⁶. И мастера готики, и рус-

⁵ Трубецкой, стр. 106-107.

⁶ Е. Трубецкой; Прот. Георгий Флоровский, *Пути русского богословия* (Париж: Белград: Типография Светлость, 1937), стр. 1; N. S. Trubetzkoy, „Introduction to the History of Old Russian Literature“, *Harvard Slavic Studies*, Man. Ed. Horace G. Lunt (2 vols.; Cambridge: Harvard University Press, 1954), II, pp. 91-103.

ские иконописцы создали бессмертное искусство. Солженицын ценит это древнее искусство, его глубокое, целостное содержание и зовет на нем поучиться. В пьесе «Свеча на ветру» он говорит словами Алекса, отбывшего десять лет тюремного заключения: «Оказывается мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику» (5, 178).

Глубже и шире открывается устремленность Солженицына к средневековью в романе «Август четырнадцатого». В нем выразители этих идей: пожилой Варсонофьев и молодая профессор Андозерская. Первый беседует со студентами: толстовцем-народником и гегельянцем; вторая — с курсистками, увлеченными социализмом. Оба в разговорах выдвигают духовные ценности средневековья, идущие вразрез с модными идеями времени. Молодые, в свою очередь, стоят за свои идеи, но жадно ждут услышать от собеседников что-нибудь веское. В этом ожидании молодых слышится отношение автора к модным направлениям: даже увлеченные ими молодые не удовлетворены, они ищут чего-то более содержательного и полного. «Да в какую я компанию попал! — все направления!»⁷ — говорит Варсонофьев. И осторожно, но едва ли оспоримо, разбивает в разговоре основы этих направлений. Гегельянцу Коте он говорит:

⁷ А. Солженицын, *Август четырнадцатого*. (Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1971), стр. 371. Все указания на страницы в дальнейшем по этому изданию.

...если вы гегельянец, вы ж должны утверждать государство.

— Я и... и утверждаю, — с некоторой заминкой согласился Котя.

— А государство — оно не любит резкого разрыва с прошлым. Оно именно постепенность любит. Перерыв, скачок — это для него разрушительно. (370)

Солженицын постоянно подчеркивает важность непрерывного исторического развития страны и сохранения традиций народа. То, что случилось после революции 1917 года (особенно в тридцатые годы), губительно, потому что тогда резко порвали с историческим прошлым русского народа. Гнали все, что имело общее с духовной культурой страны: религию и искусство. Е. Замятин еще в 1921 году написал в статье «Я боюсь»:

...если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правоверным, должен быть сегодня — полезным, не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатоль Франс — тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра заворачивают глиняное мыло... А если неизлечима эта болезнь — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое⁸.

Но и прошлое может пропасть, если нет настоящего, то есть нет живой культуры, умеющей ценить прекрасное. В. Вейдле в своей книге «Russia: Absent and Present» называет это порабощение Искусства — анти-культурой. В это понятие входит в основном замена одной культуры другой.

⁸ Е. Замятин, *Лица*. (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955), стр. 189-190.

Анти-культура — это нигилистическое отрицание всего, что не имеет прямого утилитарного применения в советской действительности⁹.

Толстовцу-народнику Сане Варсонофьев указывает на полное отсутствие разумной основы этого направления. Народники хотят осчастливить народ, не понимая до конца, что входит в значение слова «народ». «Да все мы научность любим, — говорит он, — а вот народа никто строго не определил» (373).

На смену модным научным увлечениям Варсонофьев предлагает обратиться к тщательному изучению общего исторического развития человечества. Он предлагает в прошлом искать разгадку современных событий. Варсонофьев образно сравнивает историческое развитие с естественным ростом дерева и течением реки, у которых свои натуральные законы роста и течения. Эти законы, не людьми созданные, надо стараться понять и разгадать их направление. Любое вмешательство человеческого разума в эти естественные законы действует разрушительно на дальнейшее общее развитие. Оно как топор для дерева, — пишет Солженицын. Но у отдельного человека есть возможность прислушаться к течению истории и разгадать неземные законы, направляющие его. Солженицын, говоря устами своего героя, указывает путь к разгадке этих тайн мироздания. Варсонофьев видит в обращенности к своей душе самый

⁹ Wladimir Weidle, *Russia: Absent and Present*, Tr. A. Gordon Smith (New York: The John Day Company, 1961), p. 124.

глубокий смысл короткой жизни человека на земле, так как через совершенствование души может открыться человеку некая частица тайны мироздания. В этом заключается глубокий смысл выделенных в речи Варсонофьева слов «СТРОЙ ДУШИ». Он говорит так:

— Слово СТРОЙ имеет применение еще лучшее и первое — СТРОЙ ДУШИ. И для человека нет нич-чего дороже строя его души, даже благо через-будущих поколений... Мы всего-то и позваны — усовершенствовать строй своей души.

— Как — позваны? — перебил Котя.

— Загадка! — остановил Варсонофьев пальцем. — Вот почему, молясь на народ и для блага народа всем жертвуя, ах, не затопчите собственную душу: а вдруг из вас кому-то и суждено что-то услышать в сокровенном порядке мира? (375-376)

Забота о духовном совершенстве своей души есть одна из основных ценностей средневековья.

Профессор Андозерская еще раз повторяет мысль Варсонофьева несколько в другом освещении. Она занимается изучением западного средневековья. Этот факт удивляет молодых курсисток, которые не видят возможности применить знание папских булл к современным нуждам общества. С точки зрения курсисток-социалисток, историю надо начинать изучать со времен Просвещения или с Французской революции. Средние века, заклеенные ярлыками: темные, мракобесные, с кострами инквизиции — не имеют для них никакой ценности. О том, с какого времени надо начинать изучать историю, Андозерская говорит:

— Ошибка поспешного мышления: обнаружить ветвь и выдавать ее за все дерево. Западное просветительство — только ВЕТВЬ западной культуры и отнюдь не самая плодоносная, может быть. Она отходит от ствола, не идет от корня. (503)

Как и Варсонофьев, она выдвигает взамен увлечения курсисток социализмом — обращенность к своей душе. На вопрос курсисток, что в истории важнее, она говорит:

— Да, если хотите, главней — духовная жизнь Средневековья. Такой интенсивной духовной жизни, с перевесом над материальным существованием, человечество не знало ни до, ни после... ЛИЧНАЯ ответственность каждого — за то, что делает он, и что делают при нем другие. ...Ведь вы могли помочь, могли помешать, могли руки умыть. (503-504)

Эти два диалога с молодежью многое объясняют в мировоззрении Солженицына. С той точки зрения, которую представляют Варсонофьев и Андозерская, нужно подходить к объяснению духовных идеалов в его художественном творчестве. Болезнь современного человечества — разные шкалы оценок — происходит из-за отрыва нынешней культуры от общих исторических корней. В прислушивании к общему течению истории, в возрождении положительных явлений общего прошлого можно найти правильный путь в будущее. Самое интересное в этой философии Солженицына — это роль и ответственность отдельного человека, личности в общем течении истории человечества. Роль отдельного человека — совершенствование строя собственной души, духовная жизнь его. От-

ветственность каждого человека — разгадка тайны мироздания. Совершенствование строя души требует от человека много усилий и много жертв. Основная суть работы человека над собой — это постоянное поддержание и восстановление общечеловеческой справедливости. Той справедливости, которую Варсонофьев определяет как

...не своя, которую б мы измыслили для удобного земного рая. А та справедливость, дух которой существует до нас, без нас и сам по себе. А нам ее надо — угадать! (378)

В свете такого понимания справедливости и стремления к совершенствованию строя души следует рассматривать внутренний душевный мир героев Солженицына. С этой точки зрения надо разбирать и личную совесть, которая определяет поступки их. Личная совесть каждого героя Солженицына тесно связана с общечеловеческой, высшей справедливостью. Когда у человека получается отрыв от нее, когда он перестает ею руководиться, на смену ей приходит эгоистическое, личное, своевольное желание человека. Тогда жизненным девизом делается: «...нам жизнь дается только раз! Поэтому, от жизни надо... взять все...» (4, 477)

Героев Солженицына можно довольно четко разделить на две группы: на праведников, живущих по вечной справедливости и заботящихся о строе своей души; и на тех, которые потеряли связь с этой вечной ценностью и заменили ее временной. У последних жадность к наживе и страх перед страданиями и смертью становятся руково-

дящими факторами их поступков. С другой стороны, праведники, воспитывая свою душу, становятся сильными духом.

Люди и их духовный мир — главный интерес Солженицына. Он видит, как и почему человек теряет или приобретает свое духовное содержание. В этом заключается главное откровение его художественного творчества. Соблюдая или обретая гармонический строй души, человек может быть счастлив в любых обстоятельствах, как счастливы бывают Нержин, Костоготов, Иван Денисович, Матрена и, превыше всех, старики Кадмины и доктор Орещенков. Для состояния счастья нет необходимости знать «Фауста» Гете — Нержин имеет самое отдаленное знакомство с этим бессмертным произведением немецкой литературы. Не обязательно знание Эпикура — Володин в нем разочаровался, когда на Лубянке в первый раз улыбнулся новому содержанию своей жизни. Чтобы сохранять строй своей души, надо никогда не терять чувства высшей справедливости, надо уметь, или научиться, разбираться (как герой «Августа четырнадцатого» Воротынцев определил) — «между порядочностью и непорядочностью...» (446). Не знали древние писцы XV века ни Гете, ни Толстого, ни социализма, а были ЛЮДЬМИ и о вечной справедливости имели более ясное, не двоящееся понятие.

Глава первая

ПРАВЕДНИКИ

И сказал Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег; ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем. (Бытие 7 : 1)

По Божию указанию праведный Ной построил ковчег и скрылся в нем от всемирного потопа, уничтожившего все живое на земле. Солженицын ввел ветхозаветный ковчег как образ спасения в роман «В круге первом». Там тюрьма — спасительный ковчег; вселенная за пределами ее — губительный потоп, историческое течение XX века. Люди, оказавшиеся внутри тюрьмы-ковчеха, могут быть ограждены от этого потопа. Состояние заключенных в ковчеге праведных напоминает утраченный людьми райский душевный покой, так как души и умы их не обременены никакими житейскими заботами.

Те, кто плыли в ковчеге, были невесомы сами и обладали невесомыми мыслями. Они не были голодны и не были сыты. Они не обладали счастьем и потому не испытывали тревоги его потерять. Головы их не были заняты мелкими служебными расчетами, интригами, продвижением, плечи их не были обременены заботами о жилище, топливе, хлебе и одежде для детишек. Любовь, составляющая искони на-

слаждение и страдание человечества, была бессильна передать им свой трепет или свою агонию...

Отсюда, из ковчега, уверенно прокладывающего путь сквозь тьму, легко озирается извилистый заблудившийся поток проклятой Истории — сразу весь, как с огромной высоты, и подробно, до камешка на дне, будто в него окунались. (4, 411-412)

Ковчег у Солженицына — символ особого состояния души человека, когда он подымается на духовную высоту, с которой виден «заблудившийся поток проклятой Истории». По-видимому, это состояние и есть тот «СТРОЙ ДУШИ», о котором говорит у Солженицына Варсонофьев, и та личная ответственность за происходящее при нас, о которой говорит Андозерская. Есть и иное толкование образа ковчега у Солженицына. Жорж Нива в статье о символах у Солженицына, указывая на символ ковчега, пишет, что лучшим героям Солженицына удается создать себе ковчег, который их спасает от хаоса и отчаяния в страшном течении истории XX века. Оба романа Солженицына («В круге первом» и «Раковый корпус») он считает ковчегами спасения; где общение людей, спаянных аналогичной судьбой, прокладывает путь через хаос XX века к возрождению и пониманию истинных ценностей, которые возможны только после полного унижения и разрушения, как у библейского Иова. Дружба и расположение праведников в романах — спасительные ковчеги героев¹⁰.

¹⁰ Georges Nivat, „Essai sur la Symbolique de Soljénitsyne“, *Soljénitsyne* (Série Slave), Eds. Georges Nivat et Michel Aucouturier (Paris: Editions de L'Herne, 1971), 358.

Таким образом, ковчег спасения у героев Солженицына — это праведная жизнь, сохраняющая «точку зрения», которая дороже жизни, и искренняя дружба людей между собою. Солженицын кончает главу «Ковчег» в романе «В круге первом» словами: «Может быть, это и было то блаженство, которое тщетно пытались определить и указать все философы древности?» (4, 412) В произведениях Солженицына можно выделить целый ряд героев-праведников, которые обладают ковчегом спасения.

Из всех своих положительных героев Солженицын только Матрену называет праведницей в знаменитой концовке рассказа.

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша. (1, 231)

Пословица взята из толкового словаря В. Даля, где даны очень поэтические толкования понятию «праведный»:

Праведный, оправданный житием, праведный на деле. «У праведна мужа душа красавица».

Праведник, -ница, праведно живущий; во всем по закону Божию поступающий, безгрешник.

«Не стоит город без святого, селение без праведника».

Но не то важно, что Матрена названа праведницей, а то, что без таких, как она «...не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». По этой причине был всемирный потоп. И поэтому не устояли библейские города Содом и Гомора. В них не ока-

залось и десяти праведников, только один Лот с женой и дочерьми (Бытие 18 : 20-33, 19 : 1-25).

Праведный всегда велик тем, что ему удалось разрешить в своей жизни сложнейший вопрос отношений человека к таинственной природе бытия. Это и составляет обыкновенно ту «точку зрения» человека, которая ему дороже жизни. Томас Карлейль в своей книге о почитании героев пишет, что великие люди определяются, в первую очередь, своей религией, которая по существу есть их отношение к тайне Мироздания.

...это то, что человеку действительно близко сердцу, то, в чем он уверен и что (касательно его жизненных отношений с этой таинственной Вселенной, его долга и назначения в ней) — во всех случаях является для него первичным решающим фактором и творчески определяет все остальное¹¹. (Перевод — Т. Л.-Р.)

Если человек нашел такую точку зрения в своей жизни, которая по природе добра и справедлива, и твердо придерживается ее — он уже этим одним праведен и велик среди несознательных миллионов, «в роде сем». Таких праведников выделяет в своем творчестве Солженицын и показывает их путь среди жестокостей и заблуждений XX века.

Солженицын — мастер короткими, яркими деталями изображать образы своих героев, находящихся в постоянном движении меняющейся жизни. Особая структура его романов, которую он

¹¹ Thomas Carlyle, *On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History* (5th ed.; London W. C.: J. M. Dent and Co., 1906), p. 3.

назвал полифонической, где все действующие лица одинаково важны для содержания произведения (нет одного главного героя), — позволяет ему описывать большое количество людей. Л. Келер пишет, разбирая роман «В круге первом»:

Роман написан в той манере «многопланности», которая вообще характерна для более обширных произведений А. Солженицына. Сам автор выразился об этом в интервью со словацким журналистом П. Личко: «Какой жанр я считаю наиболее интересным? Полифонический роман с точными данными о месте действия и о времени... Что я подразумеваю под полифоничностью? Каждое действующее лицо становится главным, когда действие коснется его»¹².

Это существенно для Солженицына, так как люди, оставшиеся в тяжелых условиях нравственными и способными на подвиг ради сохранения своей основной «точки зрения», — главный объект его творчества.

В другой статье о Солженицыне Л. Келер пишет, что произведения его «...о духовном, о внутреннем человеке, о вечных ценностях»¹³. При этом Солженицын абсолютно нелицеприятен. Принадлежность к какой-то одной религии не составляет преимущества одного героя перед другим. Вообще исповедание какой бы то ни было религии играет очень незначительную роль у Солженицына. Вероисповеданием отмечен только Алеша-баптист. Но

¹² Л. Келер, «Торжество духа», *Возрождение* № 202 (май, 1969), 72. Термин «полифонический роман» в литературе впервые применил М. Бахтин в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского», Москва, 1963 г.

¹³ Л. Келер, «Раковый корпус Солженицына», *Возрождение* № 205, (январь, 1969), 158.

баптизм его стоит рядом с его именем как некая кличка. Он самый одухотворенный из числа праведников Солженицына, потому что ему вера его дороже жизни. Еще менее выделяет Солженицын своих героев-праведников принадлежностью к какому-нибудь классу, профессии или народу. Они выделены среди людей высоко нравственным образом их жизни, который сохраняет идеал добра во враждебном им мире.

Сохранять идеал добра или «точку зрения», которая дороже жизни, в советской действительности нелегко. Более того, это настоящий подвиг, требующий постоянных жертв. Подвиг — это образ жизни, утверждающий нравственный принцип или идею вечной справедливости во враждебном лагере, и потому он влечет за собой целый ряд последствий. Каждое последствие — это новая трудность, пока нравственный принцип не восторжествует. Но до тех пор подвижник находится в постоянном состоянии терпеливого преодоления этих трудностей. Этим подвиг отличается от геройского поступка, который не имеет предвидимых последствий, так как не совершается для борьбы за истину. Не все люди способны к такому подвигу. И те, кто способны к нему, каждый по-своему его совершает. Солженицын пишет об этом в романе «В круге первом»:

Наша способность к подвигу, то есть к поступку, чрезвычайному для сил единичного человека, отчасти создается нашей волею, отчасти же, видимо, уже при рождении заложена или не заложена в нас. Тяжелей всего дается нам подвиг, если он добыт неподготовленным усилием нашей воли.

Легче — если был последствием усилия многолетнего, равномерно-направленного. И с благословенной легкостью, если подвиг был для нас естествен и произошел просто, как вдох и выдох. (4, 680-681)

По этой схеме можно рассматривать героев-праведников Солженицына.

Параграфом этим открывает Солженицын главу «Ученик Эпикура» — о Володине, который предчувствует свой арест. Именно ему и таким, как он, подвиг дается тяжелее всего. Неподготовлен он никак переносить лишения физические и тем менее — нравственные. Солженицын пишет:

Он совершил свой подвиг быстрым взлетом чувства — и чувства же бросили его теперь в опустошение, в изнеможение. Когда он звонил, он даже и представить себе не мог, что так вырастет в нем, что так будет разорять и выжигать его страх. (Да ни за что бы и не звонил, если бы предвидел!) (4, 681)

Володин только начинает труднейший жизненный путь праведника в советской действительности, еще не испробовав тюрьмы, следствий и концлагерей с самыми небывалыми издевательствами и надругательствами над человеческой личностью. И откуда ему взять степенной кротости праведника, как у Матрены, Ивана Денисовича или Алеши-баптиста, когда подготовкой ему в жизни был Эпикур? Пока жизнь была легка и учение Эпикура было подходящим. Но вот Володин столкнулся с угрозой ареста и темной неизвестностью за чертой тюрьмы, как за чертой смерти, а может быть, и еще хуже — и изречения Эпикура в его записной книжечке звучат пусто, не поддер-

живают. Они потеряли свою силу. Перелистывая свою старую записную книжку, Володин читает:

«Не должно бояться телесных страданий. Кто знает предел страдания, тот предохранен от страха. Продолжительное страдание — всегда незначительно, сильное — непродолжительно. Мудрый не утратит душевного покоя даже во время пытки. Память вернет ему его прежние чувственные и духовные удовольствия и, вопреки сегодняшнему телесному страданию, восстановит равновесие души». (4, 686)

Никакого душевного равновесия эти строки не приносили Володину. Он только понял, что именно телесных страданий он и боялся и никакие воспоминания прежних наслаждений не облегчат их, не дадут терпения их переносить. И с досадой мысленно добавил: «Куда, как легко! Философствовать. В саду...» (4, 687).

Неподготовленность Володина к испытаниям сквозит из всего его облика, из литературного портрета, которым Солженицын его одарил в романе. В первой главе романа, где более выпукла по содержанию его внутренняя борьба со своей совестью, вскользь упоминается, что Володин более «казался состоятельным молодым бездельником» (3, 5), чем дипломатом, занимающим ответственный пост. Упоминаются также, между прочим, его «нервные пальцы» и «плечи, непривычные к тяжестим» (3, 7). Слова «нежный» и «изнеженный» не раз встречаются эпитетами к описанию чего-нибудь в облике Володина. И взгляд, брошенный назад, на его жизнь до последних роковых трех дней, полностью завершает уже создавшееся впечатление о нем у читателя. Он ни-

когда не знал никаких забот: жил на всем готовом и постель свою впервые постелил на Лубянке. Жена ему попалась тоже не зная ни нужды, ни горя: ни своего, ни чужого. И это все в годы войны, когда надо было быть духовно и телесно слепым, чтобы не отозваться и не заметить горя людей, если и сам ты оказался счастливецом. И все же Володина и его жену Дотти несчастье их народа не коснулось.

И шесть лучших лет мужского и женского возраста они давали друг другу все, чего хотел другой из них. Эти шесть лет почти все были — те самые годы, когда человечество рыдало в разлуках, умирало на фронтах и под обвалами городов, когда обезумевшие взрослые крали у детей просфорки черного хлеба. И горе мира никак не овеяло лиц Иннокентия и Дотнары.

Ведь жизнь дается нам только раз!.. (4, 477)

Это жизненный принцип, который смертелен для души человека. Так живут люди, потерявшие свое божественное подобие. Они антиподы праведников. Именно за такое предательство своего божественного происхождения были погублены жители Содома и Гоморры и люди до всемирного потопа. Володин понял из книг своей матери, что принцип его жизни ложен, и отрекся от него, совершив свой подвиг. Он встал на путь страданий и лишений, который с таким достоинством проходят Иван Денисович, Нержин, Герасимович, Спиридон, Алеша-баптист и другие. Но, как предполагает Солженицын, тяжелее всех будет Володину, никогда не испытывавшему никакой борьбы за свое существование. Немыслимым кажется, что

он когда-нибудь сможет перековаться и стать хладнокровным, расчетливым ээком. Но такое перевоспитание сразу началось, как только он попал на Лубянку.

Первое столкновение Володина с Лубянкой, когда он вышел в решимости позвонить профессору Доброумову и увидел вдалеке здание тюрьмы, предвещает его судьбу.

...Иннокентий поднял глаза и вздрогнул. Новый смысл представился ему в новом здании Большой Лубянки, выходящем на Фуркасовский. Эта серо-черная девятиэтажная туша была линкор, и восемнадцать пилястров как восемнадцать орудийных башен высились по правому его борту. И одинокий утлый челночек Иннокентия так и тянуло туда, через маленькую площадь, под нос тяжелого быстрого корабля. (3, 7-8)

Быстрый корабль линкор — это будущий ковчег спасения души Володина, куда его непреодолимо влечет. Глава, где описан арест Володина, называется «Да оставит надежду входящий!» — фраза из «Божественной комедии» Данте: это надпись на вратах ада. Всякий прошедший через ад, как Данте, никогда уже не вернется к своему прежнему образу жизни. Он подыметесь на новую духовную высоту. Володин, пройдя через ад Лубянки, никогда больше не будет жить принципом: «Ведь жизнь дается нам только раз!» Для той жизни Володин умер. Потому надпись — «Приемная арестованных» воспринимается как «Мертвецкая» и пометка «Хранить вечно» на бланке с отпечатками пальцев воспринимается Володиным как эпитафия. («Его поразила вер-

ность эпитафии: «Хранить вечно» (4, 751 и 752). Мысль о смерти часто приходит к Володину, но мало его страшит. Он боится только телесных страданий, которые рисуются ему в воображении непомерными, так как он их не знает.

При всей неподготовленности Володина к последствиям его поступка, поведение его кажется отчаянно храбрым. Глубина перерождения его взглядов — необъятна. Переход его от изнеженно-го дипломата с убеждением, что «жизнь дается нам только раз», к бесправным зэкам с исповеданием «и совесть тоже дается нам один только раз!» (4, 484) — подвиг праведника. Володин пережил переоценку ценностей и пошел по новому пути, для которого вся его жизнь до сих пор — груда обломков, а фундамент для нового — старые дневники его матери и люди, с которыми он мечтает встретиться в тюрьме.

К праведникам, которым подвиг их жизни легче, так как является «последствием многолетнего усилия», относится Нержин. На этапе своей жизни в шарашке он уже отсидел пять лет срока, многое передумал и многое открылось ему благодаря перенесенным страданиям в тюрьме. «Благословенье тюрьме! Она дала мне задуматься», — говорит он в споре с Рубиным.

Не философы Веданты или там Санкхья, а я, я лично, арестант пятого года упряжки, Глеб Нержин, поднялся на ту ступень развития, когда плохое уже начинает рассматриваться и как хорошее, — и я лично придерживаюсь той точки зрения, что люди сами не знают, к чему стремиться. Они исходят в пустой колотье за горстку благ и умирают, не узнав своего собственного душевного богатства. (3, 51)

Нержин уже почти достиг состояния тех, которые плыли в ковчеге спасения. Воспринимать тюрьму как благо может только тот, кто уже достиг некоторой духовной высоты сам. Нержин всю свою жизнь посвятил раскрытию загадки «Немого набата» (3, 278), который послышался ему в юности. После пяти лет тюрьмы он уже достиг такого «строения души», при котором ему многое стало понятным из происходящего в мире. На беспокойство Сологодина о судьбе его записок об истории он отвечает:

...преимущества моего никакими шмонами не отнимут: горе, которое я испытал на себе и вижу на других, может мне немало подсказать догадок об истории... (3, 193)

Нержин открыл для себя новый смысл значения понятия Народ. Литературный образ Народа, страдающего и угнетенного, который был создан в XIX веке, быстро потерял свое значение для него. Живя с Народом бок о бок в лагерях, Нержин понял, что, несмотря на умелость рук своих и выносливость, «в большинстве им (русским мужикам. — Т. Л.-Р.) не хватало той точки зрения, которая становится дороже самой жизни» (4, 543).

И пройдя в своей жизни через восхищение перед Народом, сначала книжное и затем живое, он, наконец, пришел к новому выводу о понятии Народ.

Отболев, в который раз, каким увлечением, Нержин — окончательно или нет? — понял Народ еще по-новому, как не читал нигде: Народ — это не все, говорящие на нашем языке, но и не избранцы, отмеченные огненным знаком ге-

ния. Не по рождению, не по труду своих рук, и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ.

А — по душе.

Душу же выковывает себе каждый сам, год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком.

И через то — крупницей своего народа. (4, 543-544)

Это идеал, к которому Нержин стремится и который он нашел тяжелым, не добровольно на себя взятым подвигом концлагерной жизни. Он уже «закалил» и «отграничил» себе душу, достойную высокого звания человека. Это и значит создать себе ковчег спасения. Его пример становится еще более выпуклым рядом с друзьями, которым далеко до духовной высоты Нержина. Рубин и Сологдин искренне к нему привязаны, они отдают должное его решению отправиться в лагеря, но сами они до такого подвига еще не доросли.

Рубин, может быть, и способен на подвиг, но идеал, который он отстаивает, ошибочен. Рубин — книжник и законник. Для него опыт всего человечества заключен в книгах. Он защищает теоретический социализм и ленинизм и не видит его практических заблуждений. Потому образ своей трагической судьбы он увидел в басне Крылова «Булат».

И Булат ответил ему так, как сотни раз мысленно отвечал сам Рубин:

В руках бы воина врагам я был ужасен!

А здесь мой дар — напрасен...

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому.

Кто не умел понять, на что я годен!... (4, 580)

Но и здесь Рубин заблуждается, так как он хочет снять с себя ответственность за свои поступки, которые тяжелым бременем лежат на его совести. Герои же Солженицына лично несут ответственность за сделанное ими и в жизни им совесть дается только раз. Потому Рубин трагически остается со своими мучениями и заблуждениями и не замечает ковчега спасения, в котором плывет. О трагедии Рубина подробнее будет сказано во второй главе.

Сологдин же не дорос до самоотречения. Умом он дошел до стройной системы самовоспитания. Он знает, как воспринимать трудности, как достигнуть совершенства в намеченном труде. Эту теорию он испытал, тайно работая над своим изобретением в шарашке. Но он слишком занят собой, слишком гордится своими достижениями и знаниями. Потому он так настойчиво хотел спорить с Рубиным: ему хотелось блеснуть своими знаниями, а до истины дойти в данном споре ему не важно. Спор для него — игра. Не так спорят Нержин и Рубин в начале романа. Их спор — это поиски правды. Сологдин спорит с Рубиным, чтобы помериться знаниями, а Нержина он поучает. Он готов послужить своими знаниями даже палачам, если ему не надо при этом унижаться. Он соглашается разработать свой проект за обещанную свободу и только тогда, когда Яконов униженно умоляет его об этом. Это достаточное оправдание для совести Сологдина. О дальнейшей судьбе своего изобретения и его применении палачами он не задумывается, как это делает Гераси-

мович. Сологдин уже отсидел двенадцать лет и о тюрьме как о благословении не думает. При пилке дров поставлены затаенные мысли двух героев рядом.

Нержин... сейчас думал, что лагеря только в первый год могли оглушить его, что теперь у него совсем другое дыхание. ...И еще он думал о Сологдине, что усвоил нечто от его несуетливого понимания жизни; что именно от Сологдина получил он первый толчок задуматься, что человеку не надо рассматривать тюрьму только как проклятие, а еще и как благословение.

Так он размышлял, в очередь потягивая пилу. И никак бы не мог вообразить, что напарник его, потягивая пилу в свою сторону, думал сейчас о тюрьме только как о чистом проклятии, из-под которого надо же когда-то вырваться.

Сологдин думал сейчас о том большом и обещающем ему свободу успехе, которого он совершенно скрытно достиг... С буйной какой-то гордостью думал сейчас Сологдин о своем мозге... (4, 191-192)

Сологдин думает о своем мозге, а Нержин — о душе. В этом решительная разница между двумя героями. Они тянут одну пилу, но смотрят в разные стороны. Сологдин сознательно отказывается от ковчега спасения. А Нержин своим примером зовет Рубина и Сологдина к пути самоотречения ради высшей Справедливости, которую он с высоты своего положения в ковчеге видит. На прощанье, уезжая из шарашки, Нержин отвечает Сологдину на предложение устроить его на работу в новом проекте Сологдина.

— Спасибо, Митяй. Такая возможность у меня была. Но что-то я и сам уже настроился на эксперимент. Говорит пословица: не море топит, а лужа. Хочу попробовать пуститься в море. (4, 787)

Жорж Нива́ пишет, что Нержин приглашает своих друзей спуститься в круги ада, как Галаад собирает вокруг себя и зовет искать Грааль¹⁴.

Нержин видит возможность через страдания и лишения познать настоящее счастье; через стойкость в лагерях стать Человеком. Потому ему открывается другой смысл картины Кондрашева-Иванова «Изувеченный дуб»: он в нем видит образ сильного, не гнущего спину зэка.

— И вот этот искаженный Дуб — какой он к чертям кавказский?.. Если даже здесь, в самом просвещенном уголке ГУЛага, нас каждого..? — Он махнул рукой. — А — в лагере? Там не только душевную стройность, но последние остатки совести от нас требуют за двести грамм черного хлеба. (3, 358)

Душевная стройность и совесть — это самое дорогое, что у человека есть, что у него дороже жизни. Стойкие люди — праведники — сохраняют эти сокровища в концлагерях. Таким стойким дубом представляется прямой старик из повести «Один день Ивана Денисовича», который с таким достоинством сидит за столом без шапки и ест свою скудную «законную» баланду; который отбывает в лагере «несчетное» количество лет — ему все добавляли срок.

Он мерно ел пустую баланду... но не уходил головой в миску, как все, а высоко носил ложки ко рту. Зубов у него не было ни сверху, ни снизу ни одного: окостеневшие десны жевали хлеб за зубы. Лицо его все вымотано было, но не до слабости фтиля-инвалида, а до камня тесаного, темного. И по рукам, большим, в трещинах и черноте, видать

¹⁴ Nivat, p. 364.

было, что немного выпадало ему за все годы отсиживаться придурком. А засело-таки в нем, не примирится: трехсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол в роспесках, а — на тряпочку стирающую. (1, 113)

Таким же непреклонным дубом кажется бригадир Ивана Денисовича — Андрей Прокофьевич Тюрин. Сидит он за то только, что был сыном кулака. Один факт, что его выбрали бригадиром, свидетельствует о его силе: он не только сам себя держит с достоинством, но и других за собой ведет. «Тоже он в шапке есть не научился, Андрей Прокофьич» (1, 65). Независим и непреклонен инженер Бобынин в романе «В круге первом». Сила его духа выступает при свидании с министром Абакумовым. Бобынин абсолютно свободен от земного животного страха и всего, что может привязать человека к земной жизни. Потому он вне сферы влияния своих поработителей. Когда Абакумов пытается ему чем-то пригрозить, он только убеждается, сколь система их бессильна перед таким человеком.

— Сколько нужно — и вас заставим (говорит Абакумов. — Т. Л.-Р.)

— Ошибаетесь, гражданин министр! — И сильные глаза Бобынина сверкнули ненавистью. — У меня ничего нет, вы понимаете — нет ничего! Жену мою и моего ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои — уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок... Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самого. ... Вообще, поймите и персдайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не все. Но человек, у которого вы отобрали все — уже не подвластен вам, он снова свободен. (3, 118-119)

Нержин у Солженицына — герой-глашатай, который призывает своим примером других к такому полному освобождению. Сам Нержин еще не полностью свободен — у него есть любимая и любящая жена. Он еще уязвим. Но он понимает свободу Бобынина и готов к ней — едет в тайгу и дает согласие жене на фиктивный развод, который, он понимает, может так легко стать действительным. Это последняя жертва Нержина. Без жены у него уже больше ничего не останется, чем он будет привязан к миру вольняшск. Он станет таким же абсолютно свободным, как Бобынин. Это его подвиг, который он несет на своих плечах. Но плечи его привыкли за пять лет «упряжки» переносить новые и новые лишения. Плечи его подготовлены к ним и потому Нержину подвиг дастся легче, чем баловню судьбы Володину.

Празедников, которые совершают подвиг в течение всей своей жизни, «усилием многолетним, равномерно-направленным», больше среди людей, чем таких, как Володин. И совсем не обязательно им для этого проходить круги ада тюрем и концлагерей. Ведь жизнь на так называемой воле тоже тяжела и не свободна. История жизни Шулубина показывает, как живет в мире вольняшек, как отнимается у человека его воля и достоинство. Жизнь на воле — тоже своего рода ад. Костоготов признает, что морально Шулубину было тяжелее, чем заключенным. Раковый корпус — тоже ад. Все обитатели его стоят на грани духовного возрождения или духовной гибели. Каждый из них либо плывет в ковчеге спасения, либо слепо остается в

потопе духовной гибели. И если может человек в такой тяжелой жизни думать не об облегчении своей жизни, а направлять свои усилия на помощь более несчастным, чем он, — то он обрел ковчег спасения. Таковы образы преданных своим больным докторов в повести «Раковый корпус». Л. Келер пишет о них:

Вот они, те праведники, на которых держится жизнь, как об этом сказал Солженицын в рассказе «Матренин двор» еще¹⁵.

Вера Корнильевна Гангарт искренно любит своих пациентов. Жизнь ее так сложилась, что она одинока: жених был убит на войне, мать умерла, брат погиб в концлагере. По натуре Вера Корнильевна — однолюб. Агава и Вега называет ее Солженицын. Агава — это тропическое растение, которое цветет один раз, и в этом вся жизнь его. Вега — звезда первой величины из северного созвездия Лиры. Вера Гангарт — одна из целого ряда женщин, оставленных войной одинокими.

Было столько одиноких женщин в стране... Милосердная к мужчинам, война унесла их. А женщин оставила домучиваться. (2, 385)

Вера Корнильевна — ослепительно белая (как ее определил Костоготов), нравственно чистой несла свой крест одиночества. Она находила свое утешение в служении больным и полностью отдавалась ему. Каждый пациент для нее был человек, нуждающийся в ее сочувствии. С каждым из них она обходилась ласково и внимательно. Она ле-

¹⁵ Л. Келер, «Раковый корпус Солженицына», стр. 68.

чила не только телесные болезни своих пациентов, но и душевные, как это было в случае Костоглотова. Не раз упоминаются ее сочувствующие светло-кофейные глаза.

Что было в этих глазах? Неторопливость. Внимание. Первая непроверенная тревога. Глаза врача.

Но помимо этого всего они были светло-кофейные. Если на стакан кофе налить молока пальца два. Впрочем, давно Олег кофе не пил, цвета не помнил, а вот — дружеские! очень старо-дружеские глаза! (2, 365-366)

Участливые, дружеские глаза и добрая мягкая улыбка всегда сопутствуют Вере Корнильевне на обходах в больнице. Общение с больными для нее — общение с людьми, радость жизни.

Никакой врач не любит исписывать разграфленные бланки, но Вера Корнильевна примирялась с ними за то, что эти три месяца у нее были свои больные, не бледное сплетение светов и теней на экране, а свои живые постоянные люди, которые верили ей, ждали ее голоса и взгляда. И когда ей приходилось передавать обязанности лечащего врача, ей всегда было жалко расставаться с теми, кого она не долечила. (2, 50-51)

Чистота и доброта Веры Гангарт помогли Костоглотову смириться с его новым лишением после курса лечения. Ему казалось, что он платит слишком высокую цену за свое выздоровление и возвращение к жизни. Зачем жить, если жизнь лишена свободы, родины, родных и муки и наслаждения любви? — бросает он мучающий его вопрос Вере. И она, сознательно отказывающая себе в этой возможности, отвечает:

— Должен кто-то думать и иначе! Пусть кучка, горсточка — но иначе! А если только так — то среди кого ж тогда жить? Зачем?.. И можно ли!.. (2, 373)

Эти слова повторяют мысль концовки рассказа «Матренин двор» и народной поговорки, включенной в нее. Не стоит земля наша без кучки праведников, которые думают и живут иначе, чем большинство. Словами этими Вега победила в душе Костоглотова губительную философию масс, которая предполагает, что жизнь дана человеку для эгоистических и телесных удовлетворений. Вега спасла Костоглотова от пустого очарования белесо-солнечным пятном на потолке, которое сопутствует их разговору в повести. Оно как символ очарования Олега земными ценностями. Вега напомнила ему о светлом и душевном отношении к людям, о котором он забыл в концлагерях. Она возродила в нем утерянную ценность целомудрия и духовного смысла жизни. Очарование Олега пустыми временными удовольствиями жизни ушло.

Странное бледно-солнечное пятно на потолке вдруг зарябило, где-то сверкнуло ярко-серебряными точками, и они побежали. И по этой бегущей ряби, по крохотным волнышкам, понял, наконец, Олег, что загадочная возвышенная туманность на потолке была просто отблеском лужи, не высохшей за окном у забора. Преображением простой лужи. А сейчас начал дуть ветерок. (2, 374)

Это пример того благотворного влияния возвышенной женщины на окружающий мир, о котором пишет Жаклин де Пруаяр в своей статье об образах женщин в творчестве Солженицына. В мире, где люди разделены на два противоположных полюса: на сохраняющих духовные ценности и подменивших их на земные — женщина появляется в зоне борьбы двух полюсов. От нее зависит, бу-

дет ли она в этой борьбе Зоей или Верой Гангарт и Надей Нержиной¹⁶.

Людмила Афанасьевна Донцова — мудрый и опытный врач. Она борется за жизнь каждого больного, как мать за своего ребенка, и, как мать, наставляет своих учениц, молодых докторов. Мамой не раз называет ее Солженицын, создавая ее образ. Она мать в своей семье, она мать своим ученицам и она мать своим больным.

...была боязнь за маму — так звали между собой Людмилу Афанасьевну три ее ординатора-лучевика. Мамой она приходилась им и по возрасту... и по тому особенному рвению, с которым натаскивала их на работу... (2, 67)

Есть у нее безнадежно больной пациент — татарин Шараф Сибгатов, который болен раком крестца. За три года лечения Людмила Афанасьевна смогла только немного продлить ему жизнь и немного облегчить его страдания. Безропотное терпение этого молодого умирающего человека необыкновенно.

Каким Шараф Сибгатов был раньше — уж теперь нельзя было догадаться, не по чему судить; страдание его было такое долгое, что от прежней жизни уже как бы ничего и не оставалось. Но после трех лет непрерывной гнетучей болезни этот молодой татарин был самый кроткий, самый вежливый человек во всей клинике. Он часто слабо-слабо улыбался, как бы извиняясь за долгие хлопоты с собой. (2, 35)

¹⁶ Jacqueline de Proyart, „La femme, L'amour et L'enfer“, *Soljénitsyne* (Série Slave), Eds. Georges Nivat et Michel Aucouturie (Paris: Editions de L'Herne, 1971), 439.

Людмила Афанасьевна особенно переживала неудачу в лечении Сибгатова. Она пересматривала историю его болезни, убеждалась, что всё было сделано для него, что нужно, и сделано правильно, и все же умирал на ее глазах кроткий, молодой человек, который мог бы быть ее сыном. На своем последнем больничном обходе (она тоже заболевает раком) Людмила Афанасьевна прощается глазами с Сибгатовым. Этот разговор глазами передает их душевное отношение друг ко другу, их дружескую поддержку друг другу перед неизбежным тяжелым будущим.

Ничего не говоря, они гляделись друг в друга, разбитые, но верные союзники, перед тем как хлыст победителя разгонит их в разные края.

«Ты видишь, Шараф, — говорили глаза Донцовой, — я сделала, что могла. Но я ранена и падаю тоже».

«Я знаю, мать, — отвечали глаза татарина, — и тот, кто меня родил, не сделал для меня больше. А я вот спасти тебя — не могу». (2, 500).

Такая дружеская поддержка людей в тяжелых условиях реальности есть тоже пример ковчега спасения, о котором говорит Жорж Нива. (См. сн. 10).

Упоминается в повести «Раковый корпус» некий доктор Масленников, перед подвигом которого преклоняется Костоглотов. Доктор Масленников открыл способ лечения рака чагой (березовым грибом) и в свое внеслужебное время и за свой счет отвечал всем, кто его запрашивал о его способе лечения. Доктор Масленников сокрушается только о том, что те, кому помогло лечение, перестают ему отвечать.

Костоготов внутренне уверял себя, что бескорыстие и трудолюбие Масленникова трогают его теплотой, хочется говорить о нем и хвалить. Значит, сам он не настолько испорчен. Но уже испорчен настолько, что не мог бы, как Масленников, иссилиться для других день ото дня. (2, 162)

Доктор Орещенков, учитель Людмилы Афанасьевны, еще один праведник из повести «Раковый корпус». «Старый доктор» называется глава о нем. Доктор Орещенков прожил такую же полную служения другим людям жизнь, какую ведут теперь его ученицы. У него особый взгляд на назначение врача в жизни и на социальную медицину. Доктор Орещенков считает, что роль врача не только в том, чтобы лечить телесные болезни людей, но быть им и другом, и наставником. Эту роль хорошо исполняют уже два поколения врачей, учеников Орещенкова: Донцова и Вера Гангарт. Социальная медицина, по его мнению, вредна и совершенно обезличена. В ней нет места для душевных отношений между больным и доктором и поэтому нет в ней места простому теплomu человеческому сочувствию. Социальная медицина выписывает безнадежно больных, чтобы лучше выглядела статистика больницы: меньше смертных случаев. Поддубев же умирает на вокзале, а скрюченный от болей Азовкин — дома. Не так отнесся доктор Орещенков к заболевшей доктору Донцовой, и за такое отношение к больным его преследовали. Солженицын пишет:

— меж всех этих преследований самое настойчивое и стискивающее было за то, что Орещенков упорно держался

своего права вести частную врачебную практику, хотя она все жесточе повсеместно запрещалась как источник предпринимательства и обогащения... (2, 461)

Отношения доктора Орещенкова к жизни и к смерти особые. В жизни ему не нужно звания «заслуженный деятель». Он считает, что звания и почести лишают человека права признаваться в незнании чего-либо, отнимают у него время свободно исследовать новые области своей специальности для более совершенного и беспрепятственного служения людям.

Так вот ничего этого не хотел себе Орещенков, а только медной дощечки на двери и звонка, доступного прохожему. (2, 462).

Смерть для него естественна и проста. Отношение Орещенкова к ней представляет в повести контраст с мечущимися в страхе перед ней Поддуревым, Русановым, Вадимом. На вопрос Людмилы Афанасьевны о его здоровье он ответил, думая не о продолжении своей жизни, а о конце ее. «Я вообще решил не болеть перед смертью. Умру, как говорится, в одночасье» (2, 474). В глубине души он готов к смерти — она его не пугает. Он занят лишь мыслью: пройдя свой жизненный путь, остался ли он Человеком, сохранил ли образ Совершенства, с которым человек приходит на землю. Только об этом думал он, оставаясь сам с собою.

В такие минуты весь смысл существования — его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей представлялся ему не в их главной деятельности, которою

они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным — изображение вечности, зароненное каждому.

Как серебряный месяц в спокойном пруду. (2, 475)

Эти мысли доктора Орещенкова — самый лучший ответ на вопрос, которым заняты больные ракового корпуса, вопрос, поставленный Ефремом Поддусевым после чтения рассказа Л. Толстого: чем люди живы? Это самый важный вопрос, занимающий Солженицына в повести «Раковый корпус» и в других произведениях его. «Неомутненное . . . изображение вечности» в человеке — это тот же, иначе выраженный, «СТРОЙ ДУШИ», о котором говорит Солженицын в романе «Август четырнадцатого» или тот же ковчег спасения, о котором он пишет в романе «В круге первом».

Праведники Солженицына сохраняют в себе чистым «изображение вечности». Это главная задача их жизни. Каждый по-своему, они свидетели высшего Добра на земле. Доктора Орещенкова не сломали всяческие преследования, которым он подвергался. Он остался тверд и верен своему идеалу до старости. У него свой домик, где он принимает частным образом пациентов. У Солженицына, как у Гоголя, часто имя, описания внешнего облика человека и обстановки его дома служат раскрытию внутреннего содержания самого героя.

В домике Орещенкова рядом были калитка и парадная дверь с медной ручкой, с бугровидными филенками, по-

старинному. В таких домах такие немолодые двери чаще всего забиты, и идти надо через калитку. Но здесь не заросли травой и мхом две каменные ступеньки к двери, и по-прежнему была начищена медная дощечка с каллиграфической косою гравировкой: «Доктор Д. Т. Орещенков». И чашечка электрического звонка была не застаревшая. (2, 458)

Дверь, надпись и звонок — здесь детали, по которым мы узнаем человека. Доктор Орещенков отстаивал право частной врачебной практики и право быть таким врачом, каков был его идеал врача. Парадная дверь здесь — образ открытой борьбы за свой идеал. Он не скрывая принимает больных в своем доме. Потому к нему входят через парадную дверь, а не через калитку.

Нельзя не включить в плеяду добрых докторов ссыльных супругов Кадминых. Но с ними мы пересходим к разряду праведников, которым подвиг дается «...с благословенной легкостью, ... как вдох и выдох» (4, 681). Слова эти из романа «В круге первом» относятся к Руське Доронину, 23-летнему ээку с 25-летним сроком. За полгода, которые ему удалось побыть в шарашке, он и совершил свой подвиг. Он разоблачил стукачей и за это претерпел побои, угрозу расстрела, этап. Но причислить Руську к праведникам трудно. Крепких убеждений, которые он отстаивал бы, у него еще нет. Он слишком молод для этого. Свой подвиг он совершил, как и все до сих пор делал в своей жизни, «...особой авантюрной гениальностью своей натуры» (4, 679). По этой же причине легко Руська переносит последствия своего подвига. Руська — это скорее попавший в сталинский

концлагерь Остап Бендер, который найдет выход из любого затруднительного положения.

Но есть на свете удивительные люди, в которых заложено что-то до крайности простое: обезоруживающая кротость и детская непосредственная жизнерадостность. В них нет никакого самолюбия, никакой гордости, никакой зависти. Достоевский, создавая образ Макара Ивановича в романе «Подросток», сказал о нем то, что можно повторить о всех кротких праведниках Солженицына.

Прежде всего, привлекало в нем... его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было «веселие» сердца, а потому и «благообразие»¹⁷.

Таким людям дается подвиг с благословенной легкостью дыхания. Р. В. Плетнев пишет, анализируя «Записки из мертвого дома» Достоевского и, в частности, упоминая о молодом татарине Алее, который отбывает каторгу за преступление своих братьев.

Ведь в тюрьме, и в остроге побеждают духовно и светят КРОТКИЕ, не трусливые, не гневные, не гордые, не сильные и мудрые даже, а кроткие¹⁸.

К таким кротким праведникам относятся супруги Кадмины. Имя им дано со значением. Кадмий — металл белого цвета: твердость и чистота.

¹⁷ Ф. М. Достоевский, *Подросток* (Москва—Ленинград: ОГИЗ, 1947), стр. 366.

¹⁸ Р. В. Плетнев, *Лекции по истории русской литературы* (Торонто: Издание Русско-Просветительного Общества, 1959), стр. 179.

Кадмины, совершенно безвинно арестованные, перенесли заключение и концлагерь и остались жизнерадостными и отзывчивыми, как дети. С такой благодарностью и восторгом говорят они о своей землянке с круглым столом, лампой и огородом, что воспринимается она как поместье и старички сами как люди из XIX века. Р. В. Плетнев в своей книге «А. И. Солженицын» пишет:

С точки зрения литературных образов чета Кадминых связана теснейшими узами с русской традицией Золотого века литературы. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна из «Старосветских помещиков» Гоголя с крепкой привычкой, нежной привязанностью старичков друг к другу. Отклик и Фомушки и Фимушки из романа И. С. Тургенева «Ночь», да и легкие скользящие отблески и от четы Туберозовых в «Соборях» Н. С. Лескова¹⁹.

Несомненно, есть в общем облике четы Кадминых сходство с упомянутыми литературными героями XIX века. Их трогательная привязанность друг к другу невольно наводит читателя на такое литературное сравнение. Л. Келер, говоря о Кадминых в своей статье, тоже это замечает. Она пишет: «Это — типичные идиллические новосветские помещики»²⁰. Но как далеко вперед ушли Николай Иванович и Елена Александровна Кадмины от гоголевских Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны в своем духовном развитии! Николай Иванович не проводит дней своих пра-

¹⁹ Р. В. Плетнев, *А. И. Солженицын* (Мюнхен: Башкирцев, 1970), стр. 49.

²⁰ Л. Келер, «Раковый корпус Солженицына», стр. 67.

здно, как Афанасий Иванович. Он служит людям, как Донцова и Вера Гангарт. Он интересуется вопросами культуры, ведет метеожурнал, занимается огородом и переплетением книг. У Николая Ивановича узнает Костоглотов, откуда идет выражение «мягкое слово кость ломит». А Елена Александровна отвечает на десять писем друзьям за два вечера. Благодарно пишет Олег Костоглотов в письме Кадминым:

Елена Александровна замечает, что за два вечера написала десять писем. И я подумал: кто теперь так помнит дальних и отдает им вечер за вечером? Оттого и приятно писать вам долгие письма, что знаешь, как вы прочтете их вслух, и еще перчитете, и еще по фразам переберете и ответите на все. (2, 334)

Самое главное, чем Кадмины духовно выше своих литературных предков, — это их исключительное сострадание к людям и к животным. Они научили Олега Костоглотова любить животных и понимать значение для людей такой любви. Костоглотов думает:

Любовь к животным мы теперь не ставим в людях ни в грош, а над привязанностью к кошкам даже непременно смеемся. Но разлюбив сперва животных — не неизбежно ли мы потом разлюбываем и людей?

Кадмины любят в каждом своем звере не шкурку, а личность. И та общая душевность, которую излучают супруги, безо всякой дрессировки, почти мгновенно усваивается и их животными. (2, 305)

Особое место отводится в повести описанию животных в доме Кадминых. Животные у них как дети в семье: каждый со своим особым характером, между ними особые отношения и все они

послушны примеру своих господ. Потому Костоглов воспринимает гибель собаки Жука как потерю друга, а Елена Александровна сообщает об этом событии как о смерти дорогого члена семьи.

Такое отношение к животным встречается в произведениях Солженицына часто. В пьесе «Свеча на ветру» говорится о тете Христине, которая из жалости смотрит за искалеченными кошками. У Матрены живет колченогая кошка, которую Матрена пригрела из жалости. Спиридон во сне видит свою любимую лошадь, к которой он относился как к другу-сотруднику. Пес доктора Орещенкова тоже описан как дорогой член семьи доктора с такой благородной осанкой, которая редко встречается среди людей. Он

...как человек, зачем-то ставший на четыре ноги. ...этот пес становился на задние лапы не служить, а в знак дружбы положить передние на плечи человека. Орещенков именно угостил его пирогом как равного — и тот как равный неторопливо снял зубами с ладони-тарелки, может быть, и не голодный, но из вежливости. (2, 473-474)

Такое отношение человека к животным есть тоже возрождение старого христианского идеала, который нашел свое выражение в древнерусской иконописи и архитектуре храмов. Подробно пишет об этом Е. Трубецкой, приводя примеры храмов и икон, воплотивших идеальное отношение человека и животного к Творцу вселенной. Оно выражается в основном в следующем:

На смену тому узко-утилитарному воззрению, которое ценит животное лишь в качестве пищи или орудия челове-

ческого хозяйства, здесь идет то новое мироощущение, для которого животные суть меньшие братья человека²¹.

В таком же мирном братском сожительстве спасался Ной с животными всех видов в своем ковчеге от всемирного потопа. Особое состояние души Ноя и членов его семьи, послушное голосу Бога, обуславливало взаимное расположение людей и животных. Дух этих мирных отношений ведет свое начало из Библии и древней житийной литературы. Е. Трубецкой пишет:

...мы . . . часто встречаем образ святого, вокруг которого собираются звери лесные и доверчиво лижут ему руки. По объяснению св. Исаака Сирина здесь восстанавливается то первоначальное райское отношение, которое существовало когда-то между человеком и тварью²².

Пять праведников из русского народа в творчестве Солженицына принадлежат тоже к тем, которым подвиг «естествен как вдох и выдох» — это Шухов, баптист Алеша, Спиридон, Благодарев и, конечно, Матрена.

Иван Денисович Шухов, со всей своей внешней простотой, один из самых сложных героев Солженицына. В деталях жизни его лагерного дня раскрывается его душа. Сравнение его с другими заключенными в тех же условиях углубляет его образ. Но всякое литературное сравнение Шухова с типами из народа нашей литературы XIX века заводит в тупик понимание его образа. Шухов не Каратаев Л. Толстого, не крестьянин из «Записок

²¹ Е. Трубецкой, стр. 40.

²² Там же.

охотника» Тургенева и не мужичок Некрасова. Шухов — самобытная личность. Он по языку своему, любви к земледелию и отсутствию образования — мужик. Обстоятельства сталинского режима выявили в нем качества, которых не могли проследить в русских крестьянах писатели XIX века. Они часто рассматривали русских крестьян коллективно, как целую группу одинаковых людей — народ. Солженицын свободен от такого взгляда на народ. У Шухова есть своя твердая точка зрения, которая ему дороже жизни. Обладая естественным здравым смыслом, он разбирается в людях, с которыми работает, и не ошибается в них. Тем же природным умом понимает Шухов несправедливость, происходящую с ним и его товарищами, много о ней думает и даже видит возможность спасения от нее. Размышляя о страданиях людей в концлагерях и о тех, кто малодушно из трусости и жадности помогает работодателям закабалить честных людей, Шухов мысленно восклицает: «Кто арестанту главный враг? Другой арестант. Если б арестанты друг с другом не сучились — э-эх!..» (1, 96) В мире абсолютного беззакония Шухов сохраняет в себе чувство справедливости. За счет жизни невинных людей он свою жизнь спасти не будет и даже облегчать свою участь за счет сил других людей не станет. Наоборот, он все свои силы полагает на облегчение тягот товарищей по несчастью. Именно это — главный двигатель поведения Шухова. Оттого жене он приказал не посылать ему посылки. Оттого бригадир Тюрин говорит Шухо-

ву, смеясь: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!» (1, 82)

Повесть «Один день Ивана Денисовича» — произведение, создавшее Солженицыну мировую славу. Об этой повести много отзывов в печати. В Советском Союзе критика быстро подчинилась политическому заказу партии и, сохраняя видимость литературного разбора повести, сосредоточилась на споре вокруг вопроса: Шухов — положительный герой социалистического реализма или отрицательный? Совершенно полный отчет об этом споре дан Н. Тарасовой в обширной статье «Вхождение А. Солженицына в советскую литературу и дискуссии о нем»²³.

Интереснее толкует образ Шухова автор самиздатовской статьи о Солженицыне Д. Благов (псевдоним). Он рассматривает Шухова именно с точки зрения его духовного содержания и, отдавая ему должное за многие его добродетели, находит в чем его упрекнуть. «Некоторые читатели сентиментально любят им и готовы приписать ему несуществующие у него добродетели» (6, 519), — пишет он. Для Благова Шухов «представитель основной, коренной — в геологическом смысле... материковой породы русского народа». Далее Благов рассматривает мораль Шухова тоже как народную, стихийную, которая «...может быть

²³ Н. Тарасова, «Вхождение А. Солженицына в советскую литературу и дискуссии о нем», А. Солженицын, *Собрание сочинений*, (Франкфурт/М.: Посев, 1970), VI, стр. 197-243.

совращена, соблазнена» (6, 520). Так, по-видимому, случалось со многими, о которых Солженицын пишет, что «в большинстве им не хватало той точки зрения, которая становится дороже самой жизни» (4, 543). Потому Благов утверждает, что Шухов перенял жестокость заключенных, перенял у них суровый лагерный закон, не жалеющий доходяг Фетюковых. Близок к такой точке зрения о Шухове и критик Р. Плетнев, который пишет:

Да, Шухов не смиренный Алешка: кому надо и можно и сдачи даст. Порою от слабейшего и поднос вырвет. Но не предаст, не продаст, и не продается²⁴.

Так рассуждая о Шухове, упускают из вида то, что все поступки Шухова мотивируются чувством справедливости и желанием помочь товарищам. Если он в душе досадует на Фетюкова, то потому, что тот в бригаде помеха. Когда нужно общими усилиями добиться лучших условий работы, Фетюков не принимает участия в общем старании. Он досадует на Фетюкова за то, что у того нет чувства товарищества, такого необходимого в условиях лагерей. Шухов именно за это необходимое товарищество стоит. В его уме рождается идея, что бригада — вторая семья. За нее он стоит горой, для нее готов рисковать, ее интересами занят. И не чужд Шухов чувства жалости к доходяге Фетюкову. Солженицын дает Шухову пожалеть его. Вечером, когда стадная жизнь эков кончается, когда они уже предоставлены каждый

²⁴ Плетнев, Солженицын, стр. 19.

сам себе, на своей отдельной вагонке, проходит мимо Шухова избитый, плачущий Фетюков. Шухов, наблюдая за ним, мысленно жалеет Фетюкова. «Разобраться, так жаль его. Срока ему не дожить. Не умеет он себя поставить» (1, 119). Шухов жалеет Фетюкова, потому что тот не понимает подхода к жизни, который так ясен и естествен Шухову.

Разговор Ивана Денисовича с баптистом Алешей — ключ к раскрытию образа Шухова. Это не спор о вере в Бога, а разговор об образе жизни на земле. Алеша проповедует духовную жизнь с полным отрицанием материального. Иван Денисович переводит слова о духовном на язык земной, так как ищет справедливости на земле. Никто из говорящих не переубеждает другого. Оба героя равно близки Солженицыну. Алеша утверждает со всей пылкостью своей души и твердой веры, что

— Из всего земного и брэнного молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!» — Пайку, значит? — спросил Шухов.

А Алешка свое . . .

...Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал...

Шухов спокойно смотрел, курия, на Алешкино волнение.

— Алеша, — . . . — Я ж не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай и ад нам сулите? Вот что мне не нравится.

...— В общем, — решил он, — сколько ни молись, а сроку не скинут. Так от звонка до звонка и досидишь.

— А об этом и молиться не надо! — ужаснулся Алешка. — Чтò тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями

заглохнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!..

Шухов молча смотрел в потолок. . . .

Не врет Алешка, и по его голосу и по глазам его видеть, что радый он в тюрьме сидеть.

— Вишь, Алешка, — Шухов ему разъяснил, — у тебя как-то ладно получается: Христос тебе сидеть велел, за Христа ты и сел. А я за что сел? За то, что в сорок первом к войне не приготовились, за это? А я при чем? (1, 128-130)

Склад ума и сознание несправедливости не дают Шухову воспринять тюрьму как благо, как говорит Алеша. Но высотой души своей Шухов близок к Алеше.

Стоит только наступить хоть короткому облегчению в жизни Шухова, как он уже забывает зло, причиненное ему. Как только отпускает Шухова ежечасная борьба с холодом, голодом, конвоем, надзирателями — и ожесточение души его отходит и думает он не о том, где можно что-то подработать или кого отпихнуть, чтобы самому пройти, а что жить еще можно. И тогда благодарит Бога: «...слава Тебе, Господи, еще один день прошел! Спасибо, что не в карцере спать, здесь-то еще можно» (1, 127). Умеет Шухов по-детски забывать зло и благодарно принимать маленькие радости своего тяжелого существования. Вот он ест свою вечернюю баланду.

Начал он есть. Сперва жижицу одну прямо пил, пил. Как горячее пошло, разлилось по телу — аж нутро его все трепыхается навстречу баланде. Хор-рошо! Вот он, миг короткий, для которого и живет ээк!

Сейчас ни на что Шухов не в обиде: ни что срок долгий, ни что день долгий, ни что воскресенья опять не бу-

дет. Сейчас он думает: переживем! Переживем все, даст Бог, кончится! (1, 111)

Пример Алеши ему нравится. Он замечает, как тот «...чистенький, приумытый, читал свою записную книжку, где у него была переписана половина Евангелия» (1, 20). Замечает Шухов, как Алеша радуется восходу солнца. Знает он, что Алеша живет на паек, подрабатыванием питания не занимается, никогда не ловчит — только искуснейшим образом прячет свою заветную записную книжку — Евангелие. В бригаде Алеша один из лучших работников, потому что безропотный, на все работы согласен, себя не щадит, всем готов помочь.

Безотказный этот Алешка, о чем его не попроси. Каб все на свете такие были, и Шухов бы был такой. Если человек просит — отчего не пособить? Это верно у них. (1, 80)

Все это замечает Шухов в Алеше. Не замечает он только того, что и сам он такой же безотказный в помощи другим, как Алеша. Весь описанный лагерный день он то и дело помогал своим ближним. Он для бригады занимал место в столовой, доставал миски для всех, рискуя побоями, остался докладывать шлакоблоки, совсем бескорыстно помог Цезарю спасти его посылочные продукты от расхищения во время вечерней проверки, из чистого милосердия поделился печеньем с Алешей.

Оба они: баптист Алеша и Иван Денисович — праведники. Только один из них земной, заботящийся о справедливости на земле, а другой весь

духовный, устремленный в небо. Очень поэтично говорит о Шухове и Алеше критик Д. Благоев, где он намекает на аналогию образов Алеши-баптиста и Алеши Карамазова.

Два любимых сына у русской матери: старший — земной, материковый, плотский, он кормит, одевает, приют даст; младший — возвышенный, небесный, он радость душе дает. Без первого не прокормишься, не проживешь, без второго — солнца не увидишь, проживешь, как свинья, уткнувшись рылом в землю. Первому подобает имя Иван, второму — Алексей («Алексей — человек Божий», так же звали и младшего Карамазова). Ваня и Алеша. (6, 524)

Без сомнения, сходство между светлыми образами баптиста Алеши и Алеши Карамазова есть. Оба безотказны в помощи людям и сочувствии в их беде. Оба умеют радоваться творению Божию (Алеша Карамазов, проспав несколько часов в лесу, после смерти старца Зосимы; баптист Алеша радуется восходу солнца, идя на работу). Они родственны друг другу по особой одаренности их светлых душ. Такой же душой обладает у Достоевского татарин Алей — кроткий герой из «Записок из Мертвого дома». И то, что Достоевский пишет об Алее, можно повторить об Алеше Карамазове и об Алеше-баптисте.

Есть натуры до того прекрасные от природы, до того награжденные Богом, что даже одна мысль о том, что они могут измениться к худшему, вам кажется невозможной²⁵.

Не один Благоев заметил отзвуки Достоевского в повести «Один день...». Ю. Карякин пишет в

²⁵ Ф. Достоевский, *Записки из мертвого дома* (Москва: Издательство «Художественная литература», 1965), стр. 91.

журнале «Новый мир» относительно разговора Ивана Денисовича с баптистом Алешей.

Небезынтересно сопоставить этот спор с центральной главой «Братьев Карамазовых» Достоевского („Pro и contra“), в которой рисуется спор другого Ивана с другим Алешей. Трудно сказать «запланировал» ли автор эту ассоциацию, но совпадения здесь (даже с учетом всего различия ситуаций) весьма многозначительны. Иван Карамазов говорит брату: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, мира им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять...» Как видим только один диалог Ивана Денисовича с Алешей (настоящий идейный финал) поднимает массу «проклятых вопросов», старых и новых²⁶.

Настоящим идейным финалом повести называется Ю. Карякин разговор Ивана Денисовича с Алешей-баптистом. Оно так и есть. Не случайно называл Солженицын своих героев именами героев Достоевского. Отношение героев к мирозданию и вечности параллельны. Близки по духу оба Алеши и оба Ивана. Сознание несправедливости у Ивана Денисовича и его отрицание ада и рая — тот же бунт Ивана Карамазова, который возвращает билет на вход в рай и не может принять гармонии, построенной на страданиях невинных детей. Оба Ивана любят жизнь и людей, оба стремятся облегчить человеку жизнь на земле: Иван Карамазов — теоретически, как хотел это сделать его Великий Инквизитор; Иван Денисович — практически, помогая ближним по мере своих сил. Но оба Ивана упускают из виду, что

²⁶ Ю. Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей», *Новый мир* № 9, (1964), 238.

духовный рост души человека требует других средств, другой, высшей справедливости, которая не всегда совпадает со справедливостью земной. Солженицын написал об этом в «Ответе трем студентам»:

Любовь к справедливости мне представляется чувством отдельным от любви к людям (или совпадающим с нею лишь частично). (5, 269)

Потому образ жизни Алеши-баптиста ближе к идеалу вечной справедливости и он духовно выше Ивана Денисовича.

Алеша-баптист — самый прекрасный образ праведника в творчестве Солженицына. До его духовной высоты стремится дойти Нержин, пускаясь, по его выражению, в море, чтобы не утонуть в луже, когда едет в этап. Нержин тоже говорит «благословение тюрьме — она дала мне задуматься». Но он это говорит в шарашке — в первом круге ада. Алеша же говорит: «Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!» — будучи уже на тяжелых работах в лагере. Д. Благов кончает свой разбор образа Алеши-баптиста словами:

Таков второй русский сын. Тот, который согревает матери душу и не дает ей окаменеть, уйти в землю. Тот праведник, без которого (еще в большей мере, чем без Матрены) «не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». (6, 525)

И если считается, что Достоевский исследовал и показал в своих темных героях (Раскольникове, Свидригайлове, Ф. Карамазове, Смердякове, П. Верховенском и т. д.) возможности зла в чело-

веке — произвол свободной человеческой воли, устремленной ко злу; то Солженицын исследовал и показал в своих праведниках ту же свободную человеческую волю, направленную к добру. И Алеша-баптист на этом пути из всех праведников Солженицына достиг наибольшей духовной высоты.

Сложный и удивительно цельный характер — Спиридон. Роль его в романе «В круге первом» кажется на первый взгляд вспомогательной, так как в нем разрешаются долголетние поиски Нержиным ответа на загадку о русском народе. Солженицын пишет:

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благосудно называли «хождением в народ» и поисками той самой великой сермяжной правды, которую еще до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, Васисуалий Лоханкин. (4, 540)

С одной стороны, оно так и есть. С другой стороны, у Солженицына, по его собственному утверждению, нет второстепенных персонажей в романах (см. сн. 12). Поэтому Спиридон — герой равноценный Нержину, когда речь идет о нем. Отношения Нержина со Спиридоном — литературный прием Солженицына, так как через поиски Нержина познается душа Спиридона. Нержин слушает с неоскудевающим вниманием историю жизни Спиридона, полную роковых перемен. Жизнь ставила перед Спиридоном задачи, решение которых могло любой раз стоить ему жизни. «Какие водопады ни низвергались через него!

какие валы ни обтачивали рыжий окатыш головы Спиридона!» (4, 547)

И во всех случаях Спиридон поступал неожиданно для Нержина и, при этом, с неизъяснимой уверенностью в своей правоте.

В гражданскую войну ни сторона белых, ни сторона красных не играла роль в решении, куда идти Спиридону. И во вторую мировую войну, как поступить Спиридону, не решалось с точки зрения воюющих сторон. Если он воевал, то в силу обстоятельств, от него не зависящих. Всеми решениями Спиридона руководили: любовь его к земле, забота о любимой семье и внутреннее чутье справедливости. Все остальное в жизни его было начисто лишним. Ради любимой жены и трех детей попал он в партизаны, ради них же уехал в Германию и по их настоятельной просьбе, сознавая, что сам попадет в тюрьму, вернулся на родину. Единственный просчет его был в том, что не ожидал он, что за его грехи против родины будет отвечать перед Сталиным вся его любимая семья. Отбывая свой срок в лагерях и в шарашке, нисколько не страдает Спиридон за себя — а сердце его «ноет» о двадцатилетней дочери Вере, оторванной от отца и матери и сосланной в Пермскую область работать в лесхозе. Беззащитность ее мучает Спиридона. Расчищая снег утром на рассвете, думает он только о ней.

А мысли были о дочери. Жена, как и он, отжила уже свое. Сыновья, хоть и сидели за колючкой, но были мужики. Молодому крепиться — вперед пригодится. Но дочь?.. (4, 598)

Письмо от нее, которое не успел Нержин дочитать ему до конца перед отправкой на этап, двумя фразами подтверждает все опасения Спиридона.

Дорогой мой батюшка!

Не то, что писать вам, а и жить я больше не смею. Какие же люди есть на свете дурные, что говорят — и обманывают... (4, 790)

Тяжелую жизнь прожил Спиридон, не причинив никому никакого зла. Сам же он выстрадал свою правду, которая так поразила Нержина своей простотой. Нержин его спрашивает, сам теряясь в догадках, как жить в сложном и злом современном мире:

— ...Это мыслимо разве — человеку на земле разобраться: кто прав? кто виноват? Кто это может сказать?

— Да я тебе скажу! — с готовностью отозвался просветлевший Спиридон, с такой готовностью, будто спрашивали его, какой дежурняк заступит дежурить с утра. — Я тебе скажу: волкодав — прав, а людоед — нет! (4, 561)

В этой народной пословице нашлась для Нержина разгадка непонятной жизненной философии Спиридона и других стойких русских людей, «крупинок русского народа». Именно такие люди составляют тот народ, о котором Шулубин говорит Костоглотову: «Народ умен — да жить хочет. У больших народов такой закон: все пережить и остаться!» (2, 481) По пословице своей русский народ переживает все бедствия и остается. В критерии Спиридона нет места сомнениям: на чьей стороне правда, на чьей — ложь. В этой определенности заключается сила, способная руко-

водить человеком в современном мире, полном зла. Понятны становятся поступки Спиридона, если взглянуть на них через призму его критерия. Он всегда на стороне защиты семьи, человека, жизни. Он волкодав, охраняющий стадо, — не людоед, пожирающий себе подобных для сохранения своей жизни. С четырнадцатилетнего возраста, лишившись отца, он стал заботиться о семье. От призыва в армию уклонился — ушел в лес. Армия его увела бы от прямых его обязанностей: забот о семье. Во времена НЭПа — он счастливо женился и всей душой стал созидать свою семью, бережно охраняя ее благополучие. Но вот Спиридо-на назначили сгонять людей в колхозы. Такое дело не могло ужиться с его критерием — не мог он стать «людоедом». За плохое исполнение должности, которая противоречила его совести, Спиридон попал в тюрьму. В тюрьме он поступал так, чтобы скорее вернуться к семье и не быть орудием несчастья честных людей. В шарашке Спиридон ведет себя с большим достоинством. Хитро и умно держит он себя на допросе у майора Шикина. Спокойно переждав все психологические приемы Шикина для подавления духовного равновесия арестанта, Спиридон ни на один вопрос не ответил и ни на какую уловку не поймался. Солженицын пишет: «И целую жизнь привыкнув обманывать начальство, он и сейчас без труда вступил в эту горькую забаву» (4, 676). Так выживал Спиридон среди «людоедов», храня свой критерий — свой ковчег спасения.

Он никого не оговаривал. Никогда не лжесвидетельствовал. Сквернословил только в нужде. Убивал только на войне. Дрался только из-за невесты. Ни у какого человека он не мог ни лоскутка, ни крошки украть. (4, 554)

Сном Спиридона Солженицын еще больше открывает духовное содержание этого, выделенного среди других обитателей шарашки человека. Любовь к лошади, как к живому и понимающему сотруднику в работе на земле, показывает доброту его сердца, роднит его со стариками Кадмиными, для которых каждый пес — индивидуум. Спиридон по движению ушей своей лошади понимает, что та ему хочет сказать и никогда не применяет к ней кнута — это значило бы для него обидеть друга. Цель его поездки во сне — успеть привезти дров жене и дочери, пока не хватились в шарашке о его отсутствии. Память о жене у Спиридона такая же нежная, как и у Нержина. Потому, уезжая из шарашки, Нержин дал томик Есенина, который ему подарила жена, — именно Спиридону, хотя тот и слепой.

Спиридон — это находка Солженицына. Это ответ на поиски столь многих русских писателей на загадку о русском крестьянине. Спиридон — не гоголевский патриархальный религиозный мужик. Все, что осталось у Спиридона от патриархальности — это привычка указывать время событий православным церковным календарем. (На Петров день он женится, к Покрову хлеб собирает, к Рождеству его у него отбирают и т. д.) Спиридон — не несчастный придавленный и обездоленный мужик Некрасова, которого надо спасать и просве-

щать народникам. Спиридон — не святой, не от народа-богоносца, который спасает погибающую Европу, по идеям Достоевского. Он и не мужик Л. Толстого, типа Каратаева, не сопротивляющийся внешнему злу. Спиридон — крупца от русского народа: умный, хитрый, волевой, абсолютно не сентиментальный и не суеверный. Спиридон твердо определил своей природной интуицией, где добро и где зло, и неуклонно держится добра. Таковыми видит Солженицын лучших из русского народа и отнюдь не делает обобщения. Спиридон у него не весь русский народ, а только один из праведников, на которых сохраняется народ.

Близок к Спиридону и Шухову молодой солдат Арсений Благодарев. Только он из другого века русской истории, отдаленный от первых не столько временем, как условиями жизни, в которых представлен. По возрасту он почти Спиридонов сверстник (на десять лет старше) и встречаемся мы с ним в годы отрочества Спиридона. Но Благодарев еще не видал и не перенес такого разгула зла, которое привелось пережить и Шухову, и Спиридону. Потому он по сравнению с ними кажется не таким опытным, еще по-детски счастливым. Если вспомнить еще раз образ искаженно-го дуба с картины Кондрашева-Иванова, в котором Нержин увидел стойких, несдающихся эзков, то Благодарев представляется молодым стройным дубом, еще не тронутым бессердечной непогодой. Кстати, стройность его фигуры довольно часто

упоминается при описании Благодарева. В имени его Солженицын выдает свой замысел о нем.

Ловкая подхватистая фамилия, и так же подхватисто он выговорил ее, теплым помелом прошел по сердцу. Благодарев! — такой, видно, легкий на благодарность, вот уже готовый и Воротынцева чуть ли не благодарить. (220)

В Благодареве Воротынцев нашел солдата, которого искал для своей особой миссии. Он выделил его среди других солдат за острый и быстрый ум и за простую, непоказную смелость, которую заметил в нем под артиллерийским обстрелом. Воротынцев удивлялся, как Благодарев безошибочно знает, как и с кем себя держать, как поразительно прост и естествен он в обращении с людьми.

Простота держаться была у этого солдата дослужебная, дочиновная, дословная, догосударственная, невежественно-природная простота. (227)

Градация прилагательных, определяющих простоту поведения Благодарева такова, что заставляет думать, что отношения его с Воротынцевым играют более глубокую по значению роль, чем просто отношения полковника со своим вестовым. В их отношениях стерты все искусственные преграды и предрассудки, созданные людьми в течение истории государственности. Они уважают друг в друге не чины или происхождение, а только природные дарования и порядочность.

Благодарев, как Шухов, на все руки мастер, как Спиридон, он готов на все для спасения и сохранения жизни людей. Он согласен идти вперед на прорыв немецкой цепи и, в случае нужды, зарезать

ножом человека — в данном случае для него врага. «Да Господи, — выдохнул Арсений кузнечным мехом. — Они ж нас домой не пускают!» (476) Так просто объясняется у него убийство в данных условиях. Но радость, с которой Арсений, прорвавшись через линию фронта, выкинул уже больше не нужный нож, выдает его. Нелегко было бы ему убивать человека, если бы пришлось. Он — за жизнь и семью, как Спиридон. У него тоже, как у Спиридона, осталась в родном селе любимая жена, на которую он не мог нарадоваться. В Благодареве чувствуется способность к перенесению любых лишений и бед. Проснувшись от мертвого сна вдвоем с Воротынцевым после последнего боя, Благодарев предлагает Воротынцеву переждать конца катастрофы в лесу.

* — Ну, так и здесь переосеняем. Пока цепь снимут.

— Как это переосеняем?

— Да в шалаше сокроемся, до зимы. Кореньями да ягодами всегда живы будем.

— Три месяца?

Благодарев сощурился важно, будто вдаль:

— Жива-али люди. И годами... Коли надо — все можно.

(414)

Таков Благодарев: коли надо — все можно. Он тоже одна из крупниц, составляющих здоровую и сильную часть русского народа.

Воротынцев у Солженицына — тоже одаренный свыше человек, хотя и не из толщи народа. В Воротынцеве Солженицын объединил простоту народного характера и образованность. В этом оригинальность его образа. Воротынцев прост и вы-

нослив, как Благодарев и, вместе с тем, мудр до ясновидения. То, что не видят правители его времени, открывается ему. Воротынцев настолько ясно понимает создавшиеся военные обстоятельства, которых он оказался свидетелем, понимает губительное влияние их на ход истории России, что невольно кажется пришельцем в 1914-й год из другого, более позднего и, одновременно, более раннего времени. Он полностью уравнивает себя с Благодаревым в отсутствии свидетелей: они едят из одного котелка и, прощаясь, по-братски целуются. Это выделяет их из современного им общества, связанного в отношениях между собой военными чинами и сословным расстоянием. Воротынцев, игнорирующий эти различия, ушел вперед от своего времени. С другой стороны, Воротынцев и Благодарев вместе — древняя классическая пара: Дон Кихот и Санчо Панса. В характере Воротынцева есть что-то от Дон Кихота. В начале общей эпопеи Воротынцева и Благодарева вырастает на экране горящая мельница, символ их общего назначения в романе. Они вместе поедут спасать ключевое сражение войны 1914 года, которое по причине невежества, нечестности и трусости части командиров обречено на проигрыш. Особое задание Воротынцева из Ставки (быть военным наблюдателем) ставит его в независимое положение в действующей армии Самсонова. Он действует сам по себе и, как Дон Кихот, все старается спасти сражение, которое на его глазах проигрывается, и приходит в отчаяние от своего бессилия помочь делу.

Его отчаянное выступление в Ставке на военном совете — вторая попытка спасти положение. На этот раз Воротынцев пытается спасти нечто большее, чем одно сражение. Он думает, «...что сейчас он подымет тяжелую длань великого князя и опустит на все эти деревянные лбы...» (547) — на невежественных и непорядочных генералов, виновников поражения — и этим повернет ход истории. Но немыслимо это, как все благородные порывы Дон Кихота и

Длань Верховного не поднялась для расправы и для наставы. А разгон Воротынцева с размаха прошел в пустоту. Он разогнался, накапливая инерцию сдвинуть тяжелое большое, всем телом веря, как сейчас толкнет, — а тяжелое оказалось еще и гладким, и выставленные руки скользнули по закругленной поверхности. (548)

Это Воротынцев — Дон Кихот, средневековый рыцарь, борец за правду. У него даже есть и какая-то неизвестная идеальная ОНА, которую он видит во сне.

Но Воротынцев не Дон Кехана Сервантеса, вообразивший себя рыцарем Дон Кихотом и борющийся с воображаемым врагом. Воротынцев рыцарски воюет с существующим врагом и не все усилия его тщетны. Своим ясным разумом и работоспособностью он показывает, что не все стремления человека к добру разбиваются о человеческую реальность. Его собственный план — прорыв из окружения — полностью удался. Этим сожжена мельница Дон Кихота, и Воротынцев уже современный человек, более современный, чем время романа, в котором он живет. Воротынцев в

1914 году живет с опытом Солженицына из 60-х годов XX столетия и потому он так дальновиден и так прост в обращении с народом, так с ним сравнился. Нет и помину о разрыве между интеллигенцией и народом XIX века. Этот разрыв уравнила революция и 50 лет советской действительности. Воротынцев смотрит на Благодарева, как Нержин на Спиридона, «не сверху вниз и не снизу вверх... — а касаясь плеча плечом и глазами вровень» (4, 558). У Воротынцева существует лишь одно различие для людей: порядочный или непорядочный (446).

И, наконец, — Матрена, названная Солженицыным праведницей, героиня, которая совершает подвиг своей жизнью, сама того не замечая. Весь рассказ «Матренин двор» посвящен ей. Зачин и концовка, как рамка рассказа, заключают в себе память о ней.

На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы еще с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход почти как бы до ошупи. (1, 195)

«После того» — это после трагической кончины Матрены. Всем известная концовка — хвала праведнице. В рамках же этих заключено полное, законченное описание жизни Матрены. Такие форма и содержание рассказа очень близки древней житийной литературе, цель которой было дать поучительный и прекрасный пример из жизни. Матрена — тоже пример из жизни, которому, вероятно, Солженицын был свидетелем (6, 371). Пример этот подтверждает, что несмотря на зло,

царящее в мире, и глухой к духовному быт будничной жизни, есть на свете малозаметные люди, которые инстинктивно живут по правде и этим поддерживают веру других людей в высшую Справедливость. Солженицын пишет об этом в «Ответе трем студентам»: «Справедливость существует, если существуют хотя бы немногие, чувствующие ее» (5, 271).

Так как рассказ «Матренин двор» был впервые напечатан в Советском Союзе, то и образ Матрены не избежал пустословия советской критики. Н. Сергованцев, З. Кедрина, Л. Крячко, В. Бушин — все в один голос утверждают, что Матрена не тот праведник, на котором стоит советская земля²⁷. Они предлагают вместо Матрены вымышленного сказочного героя, который борется за улучшение жизни и обязательно побеждает. Но вся беда в том, что сказочного героя нельзя вселить в реальную жизнь, не исказив либо героя, либо жизнь, как уже сказал А. Синявский в своем блестящем очерке «Что такое социалистический реализм»²⁸. Матрена же не сказочна, а реальна. Она взята из мира, в котором живет Солженицын. И мир этот тоже не вымышлен, а тот, который

²⁷ В. Бушин, «Герой — жизнь — правда», *Подъем* № 5 (1965), 120; З. Кедрина, «Человек — современник — гражданин», *Вопросы литературы*, № 8 (1963), 29; Л. Крячко, «Позиция творца и бесплодие мешанина», *Октябрь* № 5 (1964), 210; Н. Сергованцев, «Трагедия одиночества и 'сплошной быт'», *Октябрь* № 4 (1963), 205.

²⁸ А. Терц, *Фантастический мир Абрама Терца* (New York: Inter-Language-Literary Associates, 1967), p. 399.

явился следствием исторического развития всей страны. Мир, в котором живет Матрена, — это разоренная русская деревня, загнанная в колхоз. Сама Матрена — русская крестьянка, характер которой складывался веками. Она, как Спиридон, Шухов, Алеша и Благодарев, любит работать. Как все они, она добра, отзывчива, терпелива и безотказна.

Матрену можно причислить к целому ряду прекрасных героинь-праведниц из русской литературы XIX века. Самая близкая по духу Матрене — это Тургеневская Лукерья из рассказа «Живые мощи». Структура рассказа Тургенева полностью повторяется и у Солженицына. Рассказ Тургенева тоже в рамке: зачин — барин Петр Петрович, охотясь, случайно находит Лукерью в плетеном сарайчике; конец — весть о кончине ее, через несколько недель. В рамке же — полное описание короткой жизни Лукерьи и ее страданий. Много общего в этих двух рассказах. Автор в «Матренином дворе» впервые видит Матрену больной, лежащей на печи без движения. Со временем он узнает все подробности ее жизни. Автор рассказа «Живые мощи» тоже сталкивается с Лукерьей, лежащей в болезни, и после этого узнает все подробности ее страданий. И Матрена, и Лукерья лишены счастья брачной жизни с любимым человеком. Ни одна, ни другая не жалуется на свою судьбу. И Тургенев Лукерью, и Солженицын Матрену представляют в своих рассказах праведницами. Безропотное, невыставляющееся терпение обеих праведниц одинаково. Лукерья говорит:

«Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает»²⁹. И Матрена совсем безмолвно и безропотно переносит свою болезнь.

И в эту жизнь, густую заботами, еще врывалась временами тяжелая немочь, Матрена валилась и сутки-двое лежала пластом. Она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти. В такие дни Маша, близкая подруга Матрены с самых молодых годков, приходила обихаживать козу да топить печь. Сама Матрена не пила, не ела и не просила ничего. (1, 208)

Разница между двумя праведницами в их отношении к религии. У Тургенева в снах Лукерьи, хотя и рассказанных автору без всяких претензий, есть желание сделать Лукерью святой еще при жизни. Название рассказа тоже указывает на это. Все это носит характер показной религиозности. Матрена у Солженицына абсолютно от этого свободна. Солженицын особенно подчеркивает мало-важность религиозности Матрены в ее подвижнической жизни.

Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово. Даже скорей была она язычница, брали в ней верх суеверия: ...Сколько жил я у нее — никогда не видел ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала «с Богом!» и мне всякий раз «с Богом!» норовила сказать, когда я шел в школу. Может быть, она и молилась, но не показано, стесняясь меня или боясь меня притеснить. Висели в избе иконы. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку.

²⁹ И. Тургенев, *Записки охотника* (Москва, Государственное Издательство Художественной Литературы, 1954), стр. 369.

Только грехов у нее было меньше, чем у ее колченогой кошки. Та — мышей душила... (1, 210)

Религиозность Матрены скрытая, внутренняя и бережно хранимая, как ее любимая старина. Образ ее самоотверженной жизни не зависит от внешней религиозности. Она интуитивно живет по правде Божией, сама того не замечая. В колхозе Матрена работала без оплаты, только потому, что надо помочь. Всем соседям помогала в их хозяйствах и денег за это не хотела брать — она себя прокормить и так может, зачем будут ей платить, она рада помочь. Корыстные люди не понимали богатства ее души, видя ее в убогой одежде и покосившемся домике. Говорили с презрением о добровольной бедности. У всех людей рядом с ней были более благоустроенные дома и хозяйства.

А она не имела... Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни. (1, 231)

Матрене было дороже этого «обзавода» жить «в ладах со своей совестью» (1, 219), которая подсказывала ей иной образ жизни, чем тот, которым жили ее соседи.

В Матрене выразился призыв Солженицына к современному миру, заменившему духовные ценности материальными. Русское слово «добро» удивительно объединяет в себе два трудно совместимых в жизни значения: вещественное — имущество (то, что Солженицын, вероятно, умышленно, называет «обзаводом» во избежание слова «добро»); и духовное — благо, то, что противопо-

ложно злomu. (Солженицын пишет: «Что добром нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше. И его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо» (1, 228). Если человек привязан к добру вещественному, он забывает о добре духовном. Легко заменить одно другим, в жизни, когда оно называется тем же словом. Отношение человека к добру решается его совестью, и по отношению человека к добру можно разгадать основную природу его. Матрена не преувеличивает ценность добра вещественного, потому добро душе ее во благо. Соседи Матрены привязаны к добру вещественному — и их добро не приводит их к лучшему. Жадность Фаддея к имуществу губительна. Поэтому не понимают Матрену сестры, золовка и Ефим, бросивший ее за непонятное ему отношение к вещам. По той же причине критикуют образ Матрены советские критики и хотят заменить ее героем, защищающим материальные интересы и достоинство человека перед людьми. А пример Матрены зовет к другим ценностям. Ее добровольный отказ от материального блага — ее ковчег спасения, подобный тому, который приобретают себе достойные зэки в концлагерях.

У Солженицына во многих произведениях можно найти слова: «стать человеком», «быть человеком» — и в эти слова вложено у него огромное значение. Костоглов, умудренный тяжелым концлагерем, дает Дёмке отеческий совет в своем прощальном письме: «Выздоровливай — и будь человеком! На тебя — надеюсь!» (2, 584) Нержин

в поисках своего понимания значения слова «Народ» приходит к тому, что: «Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком. И через то — крупницей своего народа» (4, 544). Иннокентий Володин, делая свой решительный шаг, думает: «Чего-то всегда остерегаясь — остаемся ли мы людьми?» (3, 8) В рассказе-крохотке «Путешествуя вдоль Оки» тоскует Солженицын о русском человеке, утерявшем с разрушением церквей в России свою человечность, свою духовную совесть. Наглядевшись на многочисленные разрушенные церкви, заканчивает рассказ Солженицын:

И всегда люди были корыстны и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом.

Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли — вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни. (5, 234)

Быть человеком для Солженицына — значит не потерять своего духовного облика, не «опуститься на четыре ноги», сохранить свою душу, не продать своей совести в мире, где господствует ложь и насилие. Праведники Солженицына — тем подвижники, что каждый из них сохранил в себе совесть и душу — даже без помогающего «звона вечернего» — никогда не забыл о вечности и своей жизнью, так или иначе, послужил ей.

Глава вторая

СОВЕСТЬ

Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?

(От Луки 9 : 25)

Чтобы быть Человеком в понимании Солженицына, надо в первую очередь соблюдать в себе чистую совесть. Следуя голосу совести, надо не только никогда не нарушать общечеловеческой справедливости, но и постоянно ограждать себя от всякого соучастия в несправедливости. Критерий Спиридона: «Волкодав прав — людоед нет» — открывает простой и верный путь сохранения чистой совести во враждебном добру мире. Волкодав убивает, защищая стадо, — людоед поглощает себе подобных для утоления своего жадного, эгоистического голода. Критерий этот прост, но не легок для исполнения. Трудности его преодолевают лучшие из героев Солженицына.

Двадцатый век отмечен небывалой до сих пор в истории человечества жестокостью. Сталинских или гитлеровских пенитенциарных систем люди до нашего века еще не знали, вернее, не предполагали, что человек человеку может причинить столько зла и страданий. Приступая к описанию некоторых ужасов этапа в романе «В круге пер-

вом», Солженицын вспоминает «Записки из мертвого дома» Достоевского.

Когда читаешь описание ужасов каторжной жизни у Достоевского, — поражаешься: как покойно им было отбывать срок! Ведь за десять лет у них не бывало ни одного этапа! (4, 773)

То, что казалось пределом ужаса в XIX веке, ээкам в XX веке нипочем. Этап для ээков страшнее самых тяжелых лагерей — там кормят регулярно, хоть и баландой. А этап едет неизвестно куда и как долго, иногда даже без хлеба, в холодном вагоне, и никто из едущих не знает, чем этот этап для него кончится.

Может быть, он и не доедет до места назначения? В телячьем вагоне умрет от дизентерии? Оттого, что шесть суток эшелон будут гнать без хлеба? Или конвой забудет его молотками за чей-то побег? Или в конце пути из нетопленной теплушки будут выбрасывать, как дрова, окоченевшие трупы ээков?

Красные эшелоны идут до Сов-Гавани месяц...

Помяни, Господи, тех, кто не доехал! (4, 775)

При этом этап — это только одно из многих страшных страданий, которые ээку приходится переносить. Очень немного воображения дорисует картину, набросанную Солженицыным только несколькими примерами в следующих словах.

Несчастливым образом для людей и счастливым образом для властителей, человек устроен так, что пока жив, у него всегда есть еще, что отнять. Даже пожизненно-заключенного, лишенного движения, неба, семьи и имущества, можно, например, еще перевести в мокрый карцер, лишить горячей пищи, бить палками — и эти мелкие последние наказания так же чувствительны человеку, как прежде низвержение с

высоты свободы и преуспеяния. И, чтобы избежать этих досадных последних наказаний, арестант равномерно выполняет ненавистный ему, унижительный тюремный режим, медленно убивающий в нем человека. (4, 760-761)

Зная эту слабость человека, палачи выдумывают новые и новые способы подчинить себе свободную волю человека. И весь ужас создавшегося положения в том, что, во-первых, есть люди, которые согласны мучить других, себе подобных людей; и, во-вторых, что в этой системе добрые и злые люди стали трудно отличимы. Среди чинов МВД и охранников бывают хорошие люди (Наделашин), а среди заключенных ээков есть стукачи. Как среди фарисеев и книжников был Никодим, приходивший к Иисусу Христу по ночам, а среди апостолов был предатель Иуда. Это мир, в котором нелегко разобраться, о котором пишет А. Ахматова в «Реквиеме».

Все перепуталось навек.
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать³⁰.

Это мир, к которому старые философские мерки Добра и Зла, счастья и благополучия — больше не применимы. По-новому надо подойти к человеку, который принужден жить в этом небывалом мире угнетения, где владычествует закон самодурной воли одного человека, а не справедливый Божий Закон. Шулубин теряется в догадках:

³⁰ А. Ахматова, *Сочинения* (2 vols.; Munich: Inter-Language-Literary Associates, 1968), I, pp. 356-357.

И скажите, в чем загадка чередования этих периодов Истории? В одном и том же народе за каких-нибудь десять лет спадает вся общественная энергия, и импульсы доблести, сменивши знак, становятся импульсами трусости. ...Как мы могли поддаться? И — чему больше? Страху? Идолам рынка? Идолам театра? (2, 486)

Это новые условия нахлынули на человека. Условия, к которым он не был подготовлен многовековой мировой культурой, построенной на понятии, что человек в основном разумен и добр. Жалкое учение Эпикура, такое приемлемое в обществе на Калужской заставе в семье Макарыгиных, разбилось совершенно в уме перерожденного Володина на Лубянке.

Еще одна неопровергнутая и вчера на воле трудная для понимания, всплыла в памяти мысль Эпикура:

«Внутренние чувства удовольствия и неудовольствия суть высшие критерии добра и зла.»

Значит, по Эпикуру, то, что мне нравится — то только и добро, а что не нравится мне — то зло.

Философия дикаря!..

Сталину приятно убивать — значит, для него это добро? А сесть в тюрьму за то, что хотел спасти человека, не приносит же все-таки удовольствия, значит — это зло?

Нет! Добро и зло для Иннокентия теперь вещно обособились и зримо разделились этой светло-серой дверью, этими оливковыми стенами, этой первой тюремной ночью.

С высоты борьбы и страдания, куда он вознесся, мудрость великого философа древности казалась лепетом ребенка. (4, 769)

Но и Володин еще не готов судить, хотя как будто он и разобрался в Эпикуре. Ему еще не хватает долголетнего опыта бесправного зэка, ему нужен опыт Ивана Денисовича, Нержина или муд-

рого Спиридона. Ему еще предстоит «учиться жить», учиться разбираться в людях в жестоком мире Волковых-людоедов. Об этом Анна Ахматова пишет:

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить³¹.

Вот в этом небывалом, злом мире, где «закон-тайга» (1, 6) — Солженицын разобрался, научился в нем жить. Научился разбираться в людях и разглядел за грубой пеленой, которую налагает на человека суровая жизнь, — праведников. Он определил, кто в мире Волковых сохранил свою совесть, не продал ее за облегчение своей тяжелой участи, не предал своей человечности, не перестал быть Человеком.

«Но и совесть дается один только раз!» — так называется у Солженицына одна глава в романе «В круге первом». Она посвящена Иннокентию Володину, который в три описанных в романе дня находится на решительном рубеже своей жизни. Эти дни совпадают с рождественскими святками. Это знаменательно. Весь роман построен на стержне судьбы Володина. В рождественский сочельник он позвонил доктору Доброумову и этим родился для новой жизни, для новой своей правды. Он проводит свой последний вечер среди вольных: телом с ними, а душой уже от них отступив. Он проводит последнюю ночь со своей женой

³¹ Там же, стр. 357.

— и тоже: телом с ней, а душою от нее отойдя. В этот вечер Володин только еще с виду остался эпикурейцем, в душе же своей он уже совершил переоценку ценностей и пошел по пути тяжелой борьбы за неоскверненную совесть.

Раньше истина Иннокентия была, что жизнь дается нам только раз.

Теперь созревшим новым чувством он ощутил в себе и в мире новый закон: что и совесть тоже дается нам один только раз. (4, 484)

До момента, когда Иннокентий подошел к пыльной полке книг своей матери, он, как бессознательный ребенок, играл в жизнь: и на службе, и с женой. Потому имя ему дано Иннокентий — невинный. Но настало время, проснулось сознание, и в душе Володина произошла борьба двух миров: мира его отца и мира его матери:

Несколько суток просидел он так на скамеечке у распахнутых шкафов, дыша, дыша и отравляясь этим воздухом, этим маминым мирком, в который когда-то отец его, опоясанный гранатами, в черном дождевике, вошел по ордеру на обыск. (4, 482)

Мир отца все кругом хвалили и он сам им гордился, а мира матери до сих пор вообще не знал, даже не подозревал, что он существует. И вдруг он выступил перед ним из дневников, из книг и журналов с пыльной полки.

Родителям его почти никогда, очень мало пришлось жить вместе... Их женитьба была не женитьба, а что-то вихреподобное, как все в те годы... И узнавал теперь Иннокентий, что мать всю жизнь любила другого человека, так и не сумев никогда с ним соединиться... Бескорыстное искусство ликовало с этих страниц...

А дневники вели его дальше и дальше. Были такие странички: «Этические записи».

«Жалость — первое движение доброй души» — говорилось там. ...

«Что дороже всего в мире? Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть — не через тебя». (4, 480-481)

Образы родителей Иннокентия вообще не имеют в романе живого воплощения, даже фотографии их отсутствуют. Когда они упоминаются, речь идет о мире одного и мире другого. Это делает образы их символическими. Они представляют собой два столкнувшихся мира: мать — духовный дореволюционный мир России, серебряный век русской культуры; отец — революция, ворвавшаяся в этот мир с гранатами, с насилием. В этой схеме Иннокентий — целое новое поколение, не по своей вине оторванное от культурного и духовного наследия своего народа, которое заново должно открыть для себя это богатство и *переродиться* вследствие этого. То, на что Варсонофьев в романе «Август четырнадцатого» указал своим собеседникам Сане и Коте как на самое вредное в историческом развитии народа (370) — искусственный отрыв от общего прошлого — это Иннокентий преодолевает, возвращаясь к забытым и запрещенным ценностям ушедшего поколения.

Перерождение Иннокентия произошло в его душе. Окружающий его мир: жена, тесть и друзья-дипломаты — не поймут, что с ним произошло, даже если узнают, что он арестован за то, что звонил Доброумову. Звонок по телефону был уже

следствием душевного перерождения, о котором известно только одному Володину — оно произошло внутри него. В его душе родилась совесть. Рождалось понятие Добра и Зла. Мир отца оказался Злом, мир матери — Добром. Он выбрал мир матери и пошел по пути, который она указала. Дневники ее гласили: «Жалость — первое движение доброй души» — и он пожалел Доброумова. В дневниках написано, что дороже всего в мире «...сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях . . . они были и будут, но пусть — не через тебя» — и Володин отказывается быть даже отдаленным соучастником провокации, подстраиваемой Доброумову. В этих словах из дневника слышится Евангельское учение:

Сказал также Иисус ученикам Своим: невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят. (От Луки 17 : 1)

Чутка новорожденная совесть Володина, которую ему предстоит отстаивать в тюрьме на каждом шагу и которая уже ему стала дороже его свободной жизни. Он уже обменял свою свободу и эпикурейский образ жизни на чистую совесть.

Путь Володина, может быть, ярче других примеров иллюстрирует христианское вдохновение творчества Солженицына, указанное о. Александром Шмеманом. Он называет Солженицына «христианским писателем», потому что творчество Солженицына отразило «...восприятие мира, человека и жизни, которое в истории человеческой культуры родилось и выросло из библейско-хри-

стианского откровения о них и только из него»³². Христианское восприятие мира, которое создало христианскую культуру, о. Александр называет «...трисединой интуицией сотворенности, падшести и возрожденности. (И утверждает: Т. Л.-Р.) Я убежден, что именно эта интуиция лежит в основе творчества Солженицына»³³. С этим нельзя не согласиться.

Интуицией сотворенности о. Александр называет идеал добра, гармонии созданного мира и красоты, заложенных в каждом человеке. Идеал, к которому человек устремлен и который он старается хранить всю жизнь. Интуиция сотворенности — это радость бытия и пребывание в Добре. Об этой интуиции думал художник Кондрашев-Иванов из романа «В круге первом», когда говорил Нержину:

— В человеке от рождения вложена некоторая Сущность! Это как бы ядро человека, это его Я! И неизвестно еще, кто кого формирует! Жизнь — человека, или сильный духом человек — жизнь! Потому что ... ему есть с чем себя сравнить. Есть куда оглянуться сл. Потому что есть в нем Образ Совершенства, который в редкое мгновение вдруг выступает. Перед духовным взором. (2, 359)

Об интуиции сотворенности думает доктор Орещенков, когда в душе своей он определяет, что главный смысл существования его в том, чтобы «...сохранить неомутненным, непродрогнувшим,

³² А. Шмеман. «О Солженицыне», Вестник РСХД, № 98 (апрель 1970), 83.

³³ Там же.

неискаженным — изображение вечности, зароненное...» (2, 475) в него.

Интуицией падшести о. Александр называет отпадение, добровольный отход человека от Добра. Потерю им Образа Совершенства, омутнение изображения вечности в нем. О. Александр пишет:

Для христианства зло — это всегда и прежде всего именно падшесть. Падшесть же может только то, что высоко... Зло — это падение высокого, драгоценного и прекрасного и это — страданье, ужас и горе, падением этим вызванные³⁴.

Зло, как первородный грех, явилось в результате свободного выбора человеком Добра или Зла. Оно явилось через человека и через человека пребывает в мире. Так и в произведениях Солженицына зло, окружающее Ивана Денисовича, Матрену, героев «Ракового корпуса» и героев романа «В круге первом» — исходит от других людей, которые сами избрали зло и согласились его творить. О. Александр пишет:

А кошмар Маврина в том, что люди — живые, конкретные, «личные» люди мучают других людей и в том особенно, что они могли бы, если бы только захотели, не мучить³⁵.

Каждый из героев Солженицына, не взирая на то, с какой стороны «светло-серой двери» и «оливковых стен» он находится, — переживает в душе своей момент сомнения: а правильно ли он поступает в своей единственной жизни на земле? Не

³⁴ Там же, стр. 85.

³⁵ Там же, стр. 86.

лишен этих сомнений почти никто у Солженицына, разве только Сталин, оторванный от всего человечества, которое он по своей нерациональной эгоистической воле мучает. И Русанов — послушный исполнитель сталинского режима. Упорный призыв Солженицына — «быть человеком» — значит для него не упасть, не продать своей совести, не потерять образа духовного Совершенства.

И наконец, под возрожденностью Шмеман подразумевает постоянную возможность изменить свою жизнь, направить ее к добру. Той же свободной волей отказаться содействовать злу. То, что сделал Иннокентий Володин. В нем блеснул Образ Совершенства, заложенный в него от рождения — блеснул образ прекрасного, доброго мира матери — и он возродился. Зло будет существовать, потому что будут люди, которые согласятся его творить, но оно будет не через Володина. Он ему не будет содействовать. Только, повторяю, он еще невинный, неопытный ребенок на своем новом пути.

На новом пути Володину предстоит весь его долгий срок, всю жизнь ограждать свою совесть, борясь с соблазнами, подобными искушениям Христа в пустыне. Евангелист Матфей пишет о них:

1. Тогда Иисус возведен был духом в пустыню, для искушения от диавола,
2. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.
3. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

4. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».
5. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма,
6. И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».
7. Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего».
8. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их,
9. И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне.
10. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». (От Матфея, 4 : 1-10)

В Евангелии от Марка говорится очень коротко об искушении Иисуса, но сравнение это интересно. Апостол Марк пишет:

Немедленно после того (Крещения. — Т. Л.-Р.) Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему. (От Марка, 1 : 12-13)

В такой редакции искушения кажутся не тремя единичными случаями, а целым периодом в сорок дней непрерывного искушения. В Евангелии от Луки повествование об искушении сходно с тем, что написано в Евангелии от Матфея. Разница только в порядке искушений. У Апостола Луки вторые два искушения переменились местами: после искушения хлебом следует искушение миром земным и затем искушение возможным чудом по

вере твоей. (Бросься с крыши и увидишь, будет чудо или нет.) В Евангелии от Иоанна описания искушений Христа в пустыне нет.

Все, что случается с Володиным, происходит именно по Евангельскому пути Христа. Христос после Крещения ведется Духом в пустыню и терпит искушения. Володин после своего духовного перерождения попадает на Лубянку, где получает «крещение» (его заставляют догола раздеться, вымыться и затем одеться уже в тюремное белье), — он как бы омылся-очистился и засвидетельствовал всенародно свой новый путь. Теперь он готов идти на искушения к сатане. Солженицын пишет:

Иннокентию не оставалось ничего другого, как сесть на лавку обнаженно-скульптурным, подобно роденовскому «Мыслителю», и размышлять, обсыхая. (4, 748)

Известно, что скульптура Огюста Родена «Мыслитель» одна из целого ряда его работ на тему «Божественной комедии» Данте, где «Мыслитель» представляет самого Данте, который в сопровождении Вергилия прошел через все круги ада. Теперь Иннокентию предстоит пройти через Евангельские искушения Христа: хлебом, благами земного мира и чудом, чтобы сохранить свою добрую совесть. Не проходят ли через всё это все эки и их родные, оставшиеся во враждебном к ним вольном мире?

Ивану Денисовичу запомнился совет его первого бригадира Куземина, отсидевшего в концлагере уже двенадцать лет своего срока.

— Здесь, ребята, закон — тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто погибает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать. (1, 6)

Если разобраться в этих трех условиях, разве это не те же три Евангельских искушения в порядке, представленном у апостола Матфея? Бригадир здесь советует не как физически выжить, а как сохранить свою чистую совесть и остаться Человеком. Потому фраза: «Но люди и здесь живут». Шухов воспринимает этот совет по-своему, чисто практически. Потому он мысленно добавляет: «Насчет кума — это, конечно, он загнул. Те-то себя сберегают. Только береженье их — на чужой крови». Стукачи, если и выживают физически, — духовно давно погибли. Они уже недостойны называться людьми.

Первое искушение — это: «кто миски лижет» — тот, кто сдался перед голодом, потерял свое человеческое достоинство, стал есть, не разбираясь, как добыта пища и что добыто для еды. Такой человек забыл ответ Христа сатане: «Не хлебом одним будет жить человек...» Это очень трудное испытание в условиях лагеря. Шухов большую часть лагерного дня посвящает добыванию своего «хлеба». Думая о выработке условных процентов на постройке, он рассуждает:

А разобраться — для кого эти все проценты? Для лагеря. Лагерь через то со строительства тысячи лишние выгребает, да своим лейтенантам премии выписывает. Тому ж Волковому за его плетку. А тебе — хлеба двести грамм лишних в вечер. Двести грамм жизнью правят. (1, 47)

Нержин восклицает в своем разговоре с художником Кондрашевым-Ивановым о стойкости человека в тюремных и лагерных условиях:

— А — в лагере? Там не только душевную стройность, но последние остатки совести от нас требуют за двести грамм черного хлеба. (3, 358)

Второе условие для выживания Человека в лагере: не надеяться на санчасть. Это значит не надеяться на вмешательство посторонних сил для облегчения своей участи. Не надеяться на чудо для тебя одного. Как говорит Э. Хамильтон: духовная истина не доказывается чудом, она сама о себе свидетельствует³⁶. В этом смысл ответа Христа в Евангелии: «Не искушай Господа Бога твоего». Санчасть в концлагере (если ты не болен действительно) — чудесное, легкое избавление от холода и усталости. Но такое избавление одновременно и расслабление твоей воли к преодолению трудностей. Именно так надеется с утра Иван Денисович на санчасть и одновременно стыдится своей этой надежды. Сидя на краю чистой скамеечки санчасти и меря температуру, он тем самым показывает, «...что санчасть ему чужая...» (1, 18). В конце описанного дня он радуется, что обошелся без нее, не заболел. Надеяться на чудо унижительно для Человека. Не чудесами, облегчающими тяжелую судьбу, остается человек — Человеком. Санчасть в концлагере — отдача последней свобо-

³⁶ Edith Hamilton, *Witness to the Truth* („The Norton Library“; New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1962), p. 65.

ды человека распоряжаться своей судьбой: либо это болезнь, либо — продажа совести.

И, наконец, третье условие бригадира Куземина — это не ходить к куму стучать. Доносительство на своих ближних поработителю — это поклон в ноги сатане за блага земного мира и мирскую славу. Это последнее искушение остается с человеком и тогда, когда он не испытывает ни голода, ни холода. Зэки в шарашке, где им и тепло, и не голодно, подвергаются только этому последнему испытанию — поклонись сатане, встань на службу ему и получишь освобождение из тюрьмы.

Нержин проходит через это искушение, когда ему предлагают Яконов и профессор Веренев сотрудничать с ними в отделе криптографии, а он отказывается. Нержин, отвечая Вереневу, уже взвесил в уме своем все положительные и отрицательные последствия для себя такого сотрудничества. Он сможет остаться жить в шарашке и, может быть, его освободят. Но...

Так отдалиться в лапы осьминогу криптографии?.. Четырнадцать часов в день, не отпуская и на перерывы, будут владеть его головой теория вероятностей, теория чисел, теория ошибок... Мертвый мозг. Сухая душа. Что же останется на размышления? Что же останется на познание жизни?

Зато — шарашка. Зато не лагерь. Мясо в обед. Сливочное масло утром. Не изрезана, не ошершавлена кожа рук...

Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела?

Милое благополучие! Зачем — ты, если ничего, кроме тебя?..

Все доводы разума — да, я согласен, гражданин начальник!

Все доводы сердца — отойди от меня, сатана! (3, 62-63)

Ответ Нержина повторяет ответ Христа сатане. То же значит надорванный выкрик Герасимовича, когда он

...встал и презрительно посмотрел на брюхастого вислошского тупорылого в генеральской папахе.

— Нет! Это не по моей специальности! — ...

— Сажать людей в тюрьму — не по моей специальности!

Я — не ловец человеков! Довольно, что нас посадили... (4, 696)

Как это было трудно Герасимовичу сказать! От этого ответа зависела жизнь его верной измученной жены и его самого, так как без нее он уже не будет сопротивляться смерти. Все доводы, промелькнувшие в голове Герасимовича, говорили за то, чтобы не отказываться от предложения и получить сокращение своего тюремного срока. А душа его чувствовала, что согласиться — это значит поклониться, стать в еще большую зависимость от поработителя. Прав Бобынин, который говорит, что не во власти Абакумова, Осколупова и им подобных даровать свободу энкам, так как свободы нет и у них самих. Пример этому — судьба Яконова, который сидел в свое время в тюрьме, за выслугу получил сокращение срока, по документам с него снята судимость, но... сатана не умеет прощать и снова над ним нависла угроза тюремного заключения. — «Бездна звала своих детей назад» (3, 171). О той же зависимости служителей Сталина пишется в главе «Верните

нам казнь, Иосиф Виссарионович!» Министр Абакумов, такой могущественный и страшный перед «тройкой лгунов», здесь сам оказался трясущимся, жалким, услужливым, преданным псом, судьба которого уже предрешена.

Сталин смотрел мудро, пронизательно. Он тихо сверялся сейчас со своей обязательной второй мыслью о приближенном — не пришла ли пора его убрать? Он давно уже нащупал этот древний ключ к популярности: сперва самому натравить палачей, а потом вовремя отчураться от их непомерного усердия, от их головокружения. Много раз уже он так делал и всегда удачно. И неизбежен будет тот момент, когда Абакумова придется бросить в ту же яму. (3, 157-158)

Таким образом, как ни тяжело было сделать свой выбор Герасимовичу, его отказ от многосулящего задания был единственным возможным для его неоскверненной совести выходом. Не принесло бы счастья ни Наташе, ни ему его согласие выполнить задание Осколупова. Не мог он не сознавать, что если сконструирует нужные аппараты, то тем самым принесет такое же зло другим людям, как кто-то причинил ему и Наташе.

Путь преодоления трех искушений, указанный Христом, — есть путь ответственности человека за сохранение своей бессмертной души. Так и Достоевский рассматривает смысл Евангельских искушений Христа в Легенде о Великом Инквизиторе. Легенда — это продолжение бунта Ивана Карамазова, которому непосильна такая ответственность. Это он, как автор легенды, говорит устами Великого Инквизитора.

И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах, и что Ты отверг, и

что в книгах названо «искушениями»? А между тем, если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо³⁷.

Чудо трех вопросов в том, что в них заложен ключ к пониманию свободы человеческой совести и настолько тонко и всеобъемлюще, что и все умы мира вместе взятые не смогли бы выдумать таких. Достоевский пишет, если бы не были эти три искушения записаны в книгах и надо было бы их восстановить и для этого созвать:

...правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов, и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, — то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены Тебе тогда могучим и умным духом в пустыне?.. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле³⁸.

Такой глубокий смысл находит Достоевский в трех искушениях Христа. Значение трех искушений во все века подчеркивает и В. Розанов в своем очерке «Легенда о Великом Инквизиторе». Это, пишет он, «горький... плач» человека со времен

³⁷ Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы* (Париж: Имка-Пресс, 1946), стр. 328.

³⁸ Там же, стр. 329.

изгнания его из рая, который понял, что он «...совершенно один, со своею слабостью, со своим грехом, с борьбою света и тьмы в душе своей»³⁹. Именно этот смысл искушений открылся Солженицыну в концлагере, где он сам испытал и был свидетелем, как переносили эти испытания сильные духом товарищи его. И если Достоевскому кажется такая нагрузка слабому человеческому естеству непосильной («Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты?»⁴⁰ — бросает Великий Инквизитор свой выстраданный вопрос Христу), то Солженицын утверждает всеми своими лучшими героями-праведниками — да, может.

В свете трех искушений надо рассматривать и разговор Ивана Денисовича с Алешей-баптистом. Почему Иван Денисович не молится? Оказывается: «Потому, Алешка, что молитвы те, как заявления, или не доходят, или 'в жалобе отказать'» (1, 128) — это значит, он надеялся на чудо для себя, он испытывал свою веру просьбой о чуде. Потому он и говорит Алеше:

Брось ты, Алешка, трепаться. Не видал я, чтобы горы ходили. Ну, признаться, и гор-то самих не видал. А вы вот на Кавказе всем своим баптистским клубом молились — хоть одна перешла? (1, 128)

Опять второе искушение — проверка веры чудом, специально для этого требуемым от Бога. Такое чудо ставит в зависимость того, кто это чудо получит — его вера уже не будет свободной,

³⁹ В. В. Розанов, *Легенда о Великом Инквизиторе* (München: Fink Verlag, 1970), стр. 203.

⁴⁰ Достоевский, стр. 334.

а купленной чудом. Так и Достоевский объясняет отказ Христа от чуда во время искушений в пустыне.

Ты... не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной⁴¹.

И Алеша отвечает, что о чуде они не молились. Не молился Алеша и о посылках, о лишней еде или о сокращении срока. Молиться надо, как он говорит Ивану Денисовичу «...о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал...» (1, 129). Это значит молиться так, чтобы душа бессмертная оставалась всегда чистой, говоря словами Солженицына, неомутненной, неискаженной. Чтобы дух был сильнее плоти, чтобы иметь силы противостоять постоянно присутствующим трем великим искушениям. Но до Ивана Денисовича этот смысл слов Алеши не доходит. Он не задумывается над тем, почему он в шапке не ест, помогает товарищам, делится с Алешей печеньем, — это все ему естественно и просто, как «вдох и выдох» (4, 681). Он твердо знает и практически понимает, почему он на чужой хлеб руки не подымает, почему ему санчасть чужая и почему он не стучит. Так, по словам бригадира Куземина, и в лагере люди живут. Только не знает он, что таким образом сохраняет он свою живую бессмертную душу, свою чистую совесть, остается человеком среди зверей, а срок досидит ли он живым — это никому неизвестно. Алеша же сознательно идет по пути Христа, сознательно живет

⁴¹ Там же, стр. 334.

«не хлебом одним..., но и всяким словом, исходящим из уст Божиих» (От Матфея, 4 : 4), он не искушает Бога молитвой о чуде и не хочет вернуться в мир земного благополучия и земной славы. О сокращении срока тоже молиться не надо, говорит он Ивану Денисовичу:

— Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями загложнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать! Апостол Павел вот как говорил: «Что вы плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть за имя Господа Иисуса!» (1, 130)

Иван Денисович взвешивает свои собственные слова. Хоть и сказал он, что хочет освобождения из тюрьмы, но сам не уверен в этом. А Алешино убеждение передается ему — он верит, что у Алеши действительно все так, как он говорит. Но у Ивана Денисовича в голове оно так просто не укладывается. Эти два героя Солженицына, их отношения и их разговор в конце повести действительно очень схожи с отношениями братьев Ивана и Алеши Карамазовых. Так же, как Иван Карамазов страдает от несправедливости в мире, любя липкие зеленые листочки и миллионы страдающего человечества, так и Иван Денисович любит жизнь и жалеет людей. И так же, как Иван Карамазов, он не может принять Алешкиной истины, потому что кругом вопиющая несправедливость.

— Вишь, Алешка. — Шухов ему разъяснил, — у тебя как-то ладно получается: Христос тебе сидеть велел, за

Христа ты и сел. А я за что сел? За то, что в сорок первом к войне не приготовились, за это? А я при чем? (1, 130)

Но тянется сердце Ивана Карамазова к своему доброму брату, и так же невольно любитесь со стороны Иван Денисович Алешей-баптистом. Ни с кем другим не поделился Иван Денисович своим редким гостинцем, только с Алешей-баптистом.

Почти все герои Солженицына, даже и те, которые не вынесли трех искушений и поклонились пустынному духу, в какой-то момент своей жизни наедине с собою, вспоминают о затерянной своей совести. Их путь очень тяжел и мрачен. В советской действительности это значит, что они когда-то в своей жизни включились в общий план уничтожения невинных ради идеи далекого будущего счастья людей. Удивительно, как этот общий план сходен с тем, что думает и делает Великий Инквизитор у Достоевского. Он сжигает на костре еретиков или тех, кто посмел думать иначе, и делает это, чтобы отнять у людей их бунтарскую свободную волю и потом упорядочить их жизнь — снять с них тяжелую ответственность за свои поступки и этим их осчастливить. Бунтарская свободная воля человека в понимании Инквизитора, если она не идет по пути Христа, то неминуемо обращается на самоуничтожение — «...начав возводить свою Вавилонскую башню без нас (без церкви. — Т. Л.-Р.), они кончат антропофагией»⁴², — говорит Великий Инквизитор, не замечая только того, что сам он уже бунтарь и людоед, который

⁴² Там же, стр. 336.

строит свою Вавилонскую башню. Сталин пошел по такому пути бунтаря без Бога и церкви и тоже стал людоедом. Разница между Инквизитором и Сталиным в том, что первый сжигал из любви к людям, второй — из любви к власти. У Сталина и у его единомышленников, на долю которых выпало управлять судьбами миллионов людей, получилась подмена ценностей: не из любви к человеку служили они идее, но идее служили и сделали человека средством к достижению этой цели. В. Розанов это подчеркивает, говоря:

Как выше уже замечено было, коренное зло истории заключается в неправильном соотношении в ней между целью и средствами: человеческая личность, признанная только средством, бросается к подножию возводимого здания цивилизации...⁴³

У Сталина, как у Великого Инквизитора, есть свита послушных его воле людей и целый народ, который не смеет его ослушаться и который он старается держать в заблуждении. Но у всех помощников Сталина, хотя не у него самого, бывают моменты в жизни, когда свободная и бунтарская натура их просыпается, а с ней и совесть, указывающая на их заблуждения и на их ответственность за свои поступки в жизни.

У Сталина очень коротко и мимолетно бывает пробуждение не совести, а сомнения в неоспоримости своего величия. Он стар, и память его ко-

⁴³ Розанов, стр. 49. Против этого заблуждения XX века выступает и Альберто Моравиа в своей статье „Man as an End“ в книге под тем же названием. Tr. Bernard Wall (New York: The Noonday Press, 1965), pp. 48-49.

ротка. Все мысли, которые появляются в его уме, долго там не задерживаются и быстро угасают. Так, размышляя о своей старости, он думает, как себя увековечить. Думает о том, что уже сделано для этого и что нужно еще сделать.

Понастроить себе памятников — еще побольше, еще выше... — и чтобы голова была всегда выше облаков. И тогда, ладно, можно умереть — Величайшим из всех Великих, нет ему равных в истории Земли.

И вдруг он остановился.

Ну, а... — выше? Равных ему, конечно, нет, ну, а если там, над облаками, выше глаза поднимешь, — а там..?

(Он опять пошел, но медленнее.)

Вот этот один неясный вопрос иногда закрадывался к Сталину. (3, 160)

Закрадывался и так же быстро исчезал. И Сталин снова отдавался своему недоверию к людям и страху перед половиной Вселенной за пределами его кабинета. Каждый герой у Солженицына — какой бы высокий или низкий пост в земной структуре он ни занимал — в первую очередь человек, ответственный за свои поступки, даже если сам он этого не понимает.

Яконов — один из самых ярких приспешников системы Сталина — особенно человечен, потому что показан в момент, когда основа, на которой он построил свою жизнь, шатается. В памяти его воскресает образ красоты, добра и чистоты советсти — его первая невеста Агния — имя ее означает Непорочная⁴⁴. Образ Агнии у Солженицына почти лишен физической плоти, и отношения ее с Яко-

⁴⁴ Р. Плетнев, А. И. Солженицын, стр. 89.

новым лишены посторонних свидетелей и мало похожи на отношения жениха и невесты. Скорее они носят характер внутреннего диалога Яконова с самим собой, со своей совестью. Агния появляется в жизни Яконова в период его жизни, когда надо было решать, как «поскорее и поумнее примкнуть, пока не поздно» (3, 179). В такой момент все, что сказано было между Агнией и Яконовым, могло быть внутренней борьбой Яконова с самим собой, со своей совестью. Он уже был блестяще устроен и мог продвигаться дальше, но для этого надо было «примкнуть». И тут появляется Агния, и Солженицын пишет:

Эта девушка была откуда-то не с земли. По несчастью для себя она была утонченна и требовательна больше той меры, которая позволяет человеку жить. Ее брови и ноздри иногда так трепетали в разговоре, словно она собиралась ими улететь. Никто и никогда не говорил Яконову столько суровых слов, так не упрекал его за поступки, как будто вполне обыкновенные. — она же поразительно усматривала в этих поступках низость, неблагородство. (3, 172-173)

Отмечается легкость ее походки, почти не касающейся земли, ее отчуждение от плотских отношений с Яконовым. Подчеркивается ее особенно чуткое отношение к природе. Даже наилучшее художественное воспроизведение природы ей кажется искажением. Яконов называл ее Лесным Ручейком, и голос ее «тихий», «лесной» (3, 175) звучит журчаньем ручейка. Еще интересно отметить ее самобытность: у нее нет никакой ни семейной, ни исторической преемственности, нет связи ни с матерью, ни с бабушкой. Ее рассуждения неожи-

данны, и в окружающей действительности нерациональны. Ее образ можно сравнить скорее с Беатриче из «Божественной комедии» Данте. Агния — та прекрасная ОНА, которая способна быть путеводителем за пределами человеческого разума. Агния привела его к церкви Никиты Мученика, как к самому красивому месту Москвы, и тут происходит их последний разговор. Это место романа полностью повторяет содержание рассказокрохотки Солженицына «Путешествуя вдоль Оки». Эпизод в романе «В круге первом» содержит все элементы рассказа: красоту пейзажа, колоколенку, вечерний звон колоколов, канон Богоматери — все это то, что Солженицын вкладывает в слова:

В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни. (5, 234)

Церковь с богослужениями и колокольным звоном — как совесть людям, которая напоминает, «...что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли — вечности» (5, 234). Агния, приведя Антона к церкви Никиты Мученика, сама выступает в роли совести и пророка: предсказывает разрушение церкви — самого красивого места в Москве, и предостерегает Антона о потере самого лучшего счастья.

— Наверное, тебя ждет слава, удача, стойкое благополучие, — грустно сказала она. — Но будешь ли ты счастлив, Антон? ...Остерегись и ты. Заинтересовавшись процессом жизни, мы теряем... теряем... ну, как тебе передать... Вот колокол отзвонил, звуки певучие улетели — и уж их не вернуть, а в них вся музыка. Понимаешь? (3, 181)

У Яконова в ответ — много доводов, почему церковь не надо жалеть: церковь много веков гнала (кого, неизвестно) и во время татарского ига выжила потому, что митрополит Кирилл поклонился хану и, добавляет Яконов «...если хочешь, митрополит Кирилл был прав, реальный политик. Так и надо. Только так и одерживают верх» (3, 178). Яконов так и поступил, и Агния от него отступила, вернув ему кольцо с надписью

«Митрополиту Кириллу».

А он испытал облегчение. (3, 182)

Но через двадцать два года, когда пророчества Агнии совершились сполна (церковь разрушена, и Яконов несчастен), она опять промелькнула в его сердце. Но обратного пути у Яконова нет, кроме как через бездну, которая его зовет назад, только путем Володина или путем Данте: через ад, через сознание своего заблуждения и сознание греха. А Яконов слишком низко поклонился сатане ради благ земного мира. Р. Плетнев пишет о нем:

Ради выгод и успеха, ради подделывания к большевизму, гонящему Церковь, он отошел от своей Агнии навсегда. А теперь нет ни церкви, ни канона Рождеству Богородицы... Замечательно и то, что прошлое все в красках, в нем красота ранней осени, экстаз моления, нежная чуткость Агнии, а теперь — теперь холод, промозглая сырость, опасность, туман да «черное гнилоземное пятно — разводье»⁴⁵.

Самое трагическое в судьбе Яконова, что он сам избрал себе жизнь без Агнии.

В главе «Космополит безродный» романа «В круге первом» Солженицын описывает бессонную

⁴⁵ Там же, стр. 89.

ночь начальника Акустической из Маврина — инженера Ройтмана. Еврей по рождению, он в жизни своей не знал другой цели, как только хорошо устроиться — выкарабкаться, устраняя всех и все, что препятствует этой цели. Будучи в средней школе, Ройтман участвовал в общей травле против сверстника, который ходил в церковь и осмеливался думать иначе, чем все. В настоящем Ройтман, по профессии инженер, занимается не своей профессией, а травлей своего соперника Яконова. До сих пор, не ощущая несправедливости по отношению к себе, Ройтман ее вообще не замечал. Но вот несправедливость стала грозить и ему. В прессе промелькнуло угрожающее клеймо для всех евреев — космополит. Это значило, что

...бич гонителя израильтян незаметно, скрываясь за второстепенными лицами, принимал Иосиф Сталин. (4, 588)

Ощувив такую несправедливую угрозу себе, он понял, что до сих пор сам был орудием зла для других и устыдился этого.

Адам Ройтман не был там заводилой, его втянули — но даже и сейчас мерзким стыдом залились его щеки.

Кольцо обид! кольцо обид! И нет из него выхода, как нет выхода из тяжбы с Яконовым.

С кого начинать исправлять мир? — с других? или с себя?.. (4, 593)

Правильно поставил вопрос Ройтман и оставил без ответа. Бессонная тихая ночь наедине с собой прошла, и Ройтман на следующий день опять завертелся в своей обыденной жизни и вместе с Рубиным предал аресту Володина и Шевронка, голоса которых им дали распознать и сравнить с

записанным на ленту телефонным разговором с женой профессора Доброумова.

Лев Рубин безнадежно заблудился и тоскует от безвыходности своего положения, как обитатели Лимбо — первого круга ада в «Божественной комедии» Данте. Шарашка как будто специально создана для таких, как Рубин: он идейный коммунист и готов служить режиму, но в нем живая душа Человека и совесть, которая его привела в тюрьму. И как только убеждения его помогают Рубину выбраться из тюрьмы, так совесть загоняет его обратно. В шарашке он согласен сотрудничать с начальством, но как филолог он никогда не сделает никакого изобретения, за которое ему сократят срок и снимут судимость. Да он и не согласится на такое решение вопроса — он ждет не освобождения из тюрьмы, а пересмотра своего дела и оправдания. Его заблуждение в том, что он верит книгам, печатному слову и не верит жизни. Он слеп к тому, что происходит кругом, не учится опытом, а только теорией, которую не проверяет на практике. Потому он в жизни попадает впросак — бьется головой о потолок, как Шулубин, потому что потолок слишком низкий, а он его не замечает. Сталин для него и на пятом году тюрьмы еще гениальный, а концлагеря и муки невинных людей — неизбежный, нужный этап истории. Такие убеждения заставляют Рубина невольно участвовать в несправедливостях и зле, на которых основана сталинская система. А живая совесть Рубина от этого страдает. В главе под названием «Булатной сабли острый клинок» представлен Ру-

бин ночью, страдающий от головной боли, болей в печени и угрызений совести. Он вспоминает, как ради партии, которая заменяла ему совесть, предал своего любимого двоюродного брата. А теперь скрывал это, сгорая от стыда. С ужасом вспоминает Рубин о своем участии в коллективизации с искусственным голодом и мором.

А сейчас вжато в голову. Врезано каленой печатью. Жжет. И чудится иногда: раны тебе — за это! тюрьма тебе — за это! Болезни тебе — за это!

Пусть справедливо. Но если понял, что это было ужасно, но если никогда бы этого не повторил, но если уже отплачено? — как это счистить с себя? Кому бы сказать: о, этого не было! Теперь будем считать, что этого не было! Сделай так, чтоб этого не было!..

Чего ни выматывает бессонная ночь из души печальной, ошибающейся?.. (4, 579)

Но трагедия Рубина в том, что он, хоть и сознает, что ошибался раньше, — еще не понимает, в чем, и он снова будет повторять свои старые ошибки и добавлять к своим ночным мучениям новые факты, которые будет стыдно вспоминать и захочется стереть из своей памяти. В настоящем времени романа Рубин снова против голоса своей совести участвует в аресте двух невинных людей — этот несчастный, добрый в душе своей автор проекта гражданских храмов, который хочет поднять пошатнувшиеся устои добродетели в новом поколении. Солженицын пишет о нем, что не имея своего личного счастья, он жил интересами всего человечества, которое заменило ему семью. Только никак не мог он понять, что служа Сталину и партии, служит не человечеству, а людоедам. Вот

Рубин слушает впервые запись телефонного разговора Володиной, и вся готовность его помочь угасает. Его жестокое лицо, готовое сразиться с врагом, делается растерянным. Он думает про себя: «Боже мой, это было совсем не то, это дикость какая-то...» (3, 273). Он просит второй раз прослушать, в надежде, что Смолосидов нечаянно нажмет не ту кнопку и сотрет запись, и Рубин не будет участвовать в противном его совести деле. Но освобождения не последовало, и Рубин остался с дилеммой.

Он опустил лицо в пальцы руки. Самая главная дикость тут была в том, что не мог разумный человек с незамутненными мозгами посчитать любое медицинское открытие — государственной тайной. Потому что не медицина та медицина, которая спрашивает у больного национальность. И этот человек, решивший звонить в осажденную квартиру (а может, он и не понимал всей опасности), этот смельчак был симпатичен Рубину — Рубину тоже как простому человеку. Но объективно — ... (3, 274)

Это подчеркнутое «объективно» полно горькой иронии, потому что значит как раз наоборот, не беспристрастно, а как диктует коммунистическая партийная совесть, которая уже не раз заставляла его поступать так, что стыдно вспоминать и хочется вычеркнуть из памяти. И вот опять он втянулся в такое дело против голоса своей человеческой совести, думая, что служит какому-то добру. Рубин — один из самых трагических героев Солженицына. Его душа подвергается постоянному расчленению — в нем постоянно доброе намерение превращается в злое. И это зло остается с ним,

как неизлечимая болезнь, и мучит его. «Фоноскопия» — расчленение звука. Так называется наука, которой он занимается в Маврине, и так называется глава в романе, где описано, как Рубин соглашается опознать виновного по магнитофонной записи. Но наука эта еще в такой стадии, что нельзя ей определить говорившего человека. Все, что можно сделать — это разбить речь на ничего не значащие звуковиды. И во всей процедуре познания говорящего человека на ленте добились одного — дробления души Рубина. Р. Плетнев пишет о нем:

И бессмысленная догма партии и глупые власти виновны в судьбе Рубина, это несомненно, да велика и его, Рубина, вина перед нелицеприятным судом человеческой совести, в бессоннице и головной боли, терзающей Льва Рубина, майора специальных войск, лингвиста и безумного догматика. Не случайно Солженицын дал одной из глав своего романа название: *Но и совесть дается один только раз!*⁴⁶

У многих героев «Ракового корпуса» просыпается совесть. Под влиянием ли нависшей угрозы скорой кончины или по другой причине, но совесть в людях говорит. Ефрем Поддуев и Алексей Филиппович Шулубин каждый по-своему переживают угрызения совести. Единственный герой, который почти лишен их — это Павел Николаевич Русанов.

Русанов вообще не хочет допустить мысли, что он может умереть. Он так панически боится смерти, что даже не может заставить себя произнести это слово. Он избегает говорить со своей женой о

⁴⁶ Там же, стр. 82.

возможном неблагоприятном исходе своей болезни. Постоянное упоминание о смерти Поддуевым раздражает его, как любое упоминание правды, которая в его уме искажена. Он вполне согласен с голосом того, кто в рассказе-крохотке говорит:

Если на всех погибших оглядываться — кто кирпичи будет класть? В трех войнах теряли мы мужей, сыновей, женихов — пропадите, постылые, под деревянной красной тумбочкой, не мешайте нам жить!

Мы-то ведь никогда не умрем! (5, 233)

Он возмущается заявлением доктора Донцовой, которая говорит ему, что умереть можно не только от рака. Положение больного не оказывает никакого влияния на его окаменевшую душу. То, что в ней шевельнулось под влиянием сильного лекарства во сне, — есть страх перед смертью и страх мести товарищей, пострадавших от него⁴⁷. Узнав от жены, что один из них — Родичев, по слухам, вернулся в их родной город, он лишается сна от непрерывного чувства страха. Солженицын подчеркивает это состояние Русанова тремя повторами глагола «бояться» рядом.

Даже никакие не мысли, а просто — он боялся. Просто — боялся. Боялся, что Родичев вдруг вот завтра утром прорвется через сестер, через санитарок, бросится сюда и начнет его бить. Не правосудия, не суда общественности, не позора боялся Русанов, а просто, что его будут бить. (2, 212)

Рак — смертельная болезнь — уравнил все классы советского общества. Партийный вельможа Русанов лежит рядом с бывшим ээком.

⁴⁷ А. Клейман, «Человек и природа», Грани № 86 (1972), стр. 128.

В несколько часов Русанов как потерял все положение свое, заслуги, планы на будущее — и стал семью десятками килограммов теплого белого тела, не знающего своего завтра. (2, 17)

В раковом корпусе он столкнулся с миром, где законы, создавшие его авторитет и благополучие, не действуют. С каждой койки больницы грозяще смотрит на него его будущее — смерть. Умиравший около лестницы прохрипел ему «страшным шепотом»:

— Слушай, браток! А тут — всех вылечивают? Или умирают тоже?

Русанов дико посмотрел на него — и при этом движении остро почувствовал, что уже не может отдельно поворачивать головой, что должен, как Ефрем, поворачиваться всем корпусом. Страшная прилепина на шее давила ему вверх на челюсть и вниз на ключицу.

Он поспешил к себе.

О чем он еще думал?! Кого он еще боялся!.. На кого надеялся?..

Тут, между челюстью и ключицей, была его судьба.

Его правосудие.

И перед этим правосудием он не знал знакомств, заслуг, защиты. (2, 223-224)

Беспомощным и беззащитным чувствует себя Русанов во сне после впрыскивания. И все-таки это не голос его совести вызывает перед ним призраки загубленных им людей, а тот же страх. Дочь прессовщицы Груши, отравившейся по его вине; Ельчанская, у которой осталась малолетняя дочь беспризорной после ее ареста, — обе они разговаривают с ним спокойно, без страданий, которые они должны были переживать. На них отражается бесчувственность самого Русанова, который даже

не понимает, какие страдания причинил людям. Он только волнуется о себе. Несправедливость понимает только тогда, когда она направлена против него. За все свои темные дела он собирается ответить, оправдаться перед Новым Судом — земным, правда, но это и есть для него Верховный Суд.

Вот что он им скажет: не я осуждал! и следствия вел тоже не я! Я только сигнализировал о подозрениях. (2, 244)

Он не жалеет, как Рубин, что сделал столько зла людям. Не страдает морально, не мечтает стереть из памяти злые свои поступки. Наоборот — его анкетное хозяйство кажется ему тонкой, поэтической работой, требующей таланта. Он искренне огорчен, что меняется то положение вещей, в котором его профессия в почете. По мере улучшения состояния здоровья страх смерти отойдет от Русанова. Не будет лечения уколами — не будет мучительных сновидений. А для успокоения насчет опасений наяву, что ссыльные вернутся, довольно бодрого слова нового поколения сталинцев — слова его дочери Авиеты. Он уезжает из больницы тем же куском «теплого белого тела, не знающего своего завтра», как и приехал, только облачившись в свои одежды и сев в свой автомобиль, он думает, что снова стал господином своей судьбы.

На заседании секции прозы Московской писательской организации, на котором обсуждалась первая часть «Ракового корпуса», участники укоряли Солженицына в некоторой карикатурности

образа Русанова и в слишком темном облике души его. На это Солженицын ответил:

Большая часть высказываний, 90%... говорят, что я с Русановым что-то сделал не так... Я пытался Русанова всеми силами рисовать с симпатией, пытался его всеми силами оправдать... ну, не всегда всеми силами... (6, 287)

Ефрем Поддубев более дальновиден и благоразумен. Хотя жизнь свою он прожил грубо, без сочувствия к другим людям, как зверь, — но неизбежность смерти он принял и страшился не земного верховного суда, а невидимого. Он «...не самый плохой человек, из встречавшихся Олегу в жизни» (2, 235). В нем душа не окаменела, и угроза смерти и живое правдивое слово имеют на него благотворное влияние. Рассказ Л. Толстого «Чем люди живы?» открывает ему глаза на ошибки его жизни. «А вот по этой чудной книге так получалось, что Ефрем же во всем и виноват» (2, 120). Он сожалеет, что не знал раньше книги Толстого. И у него, как у Яконова, в жизни была прекрасная женщина — его первая жена Амина. Никаких других своих жен и женщин он за людей не принимал, только одну Амину. О ней и вспомнил он перед смертью. Она единственная во всем мире могла бы его пожалеть «...как просто страдающего человека... Книга-то получалась очень правильная, если бы все сразу стали по ней жить...» (2, 234). Русанов и Поддубев, как два разбойника, распятые вместе со Христом, из которых один опомнился перед смертью, а другой нет. Перед смертью Поддубеву открылась истина, что душа

есть нечто отделимое от смертного тела, есть нечто имеющее свою отдельную непрерывную жизнь. В свой последний день в больнице и на этом свете он не встает с кровати. Боль в шее приковала его к месту.

Стреляло ему от шеи в голову, стреляло не переставая, да как-то ровно стало бить, на четыре удара. И четыре удара вталкивали ему: — Умер. — Ефрем. — Поддуев. — Точка. Умер. — Ефрем. — Поддуев. — Точка.

И так без конца. И сам про себя он стал эти слова повторять. И чем больше повторял, тем как будто сам отделялся от Ефрема Поддуева, обреченного умереть. И привыкал к его смерти, как к смерти соседа. А то, что в нем размышляло о смерти Ефрема Поддуева, соседа, — вот это, вроде, умереть бы было не должно. (2, 233)

Шулубин — такой же трагический герой, как Рубин. Тоже идейный коммунист, сражавшийся в гражданскую войну за большевизм. Он из смелого воина и любящего отца превратился в Пушкинского сумасшедшего мельника. Костоготов это подмечает во время их разговора в больничном парке.

Воля косматыми бровями, всей своей взъерошенностью. Шулубин повернулся к Олегу — ах, вот кто он был! — он был сумасшедший мельник из «Русалки» — «Какой я мельник!.. Я ворон...». (2, 484)

Он страха ради перед властями погубил души своих детей. Сын не интересуется судьбой своего отца, даже не знает, что он смертельно болен, а дочь готова продать своего отца ради партии. И винить их нельзя — они только повторяют то, что делал их отец всю жизнь. Мучительно видеть ги-

бель не только свою, но и своих детей, когда в душе такое тонкое и глубокое понимание добра и бессмертия, как у Шулубина. Скорбь его души отражается на его внешности. Он весь — в огромных круглых глазах и сутулой небольшой фигуре, похожей на птицу. Так его Солженицын не раз описывает. Русанов его называет филином, не зная его имени. Его молчание называется «сычовым», и в походке его определяются движения раненой птицы.

Он скорее ковылял с разбросанными полами халата, неловко наклонялся, напоминая большую птицу — с крыльями, обрезанными неровно, чтоб она не могла взлететь. (2, 359)

Образ птицы присущ тем героям Солженицына, которые своим духом победили плоть. Шулубин изображен в виде птицы, потому что живет интенсивной духовной жизнью. А жизнь его плоти уже почти кончена. Образ птицы в том же значении применяется Солженицыным не только к Шулубину. Когда Шулубин и Костоглотов разговаривают, они оба нарисованы нахохлившимися птицами. Володин в тюрьме запрокидывает голову, как птица, которая пьет.

Душа Шулубина ранена тем, что всю жизнь он сознательно поступал против своей совести. Он чувствует себя предателем всех тех, которые отсидели в тюрьмах и лагерях — они ему кажутся мучениками за *правду*, которую он попирает и предавал, голосуя на партсобраниях против своих убеждений, и которую сжигал в книгах по приказу партии. Это сожжение сам Шулубин сравнивает

с кострами инквизиции: — «Зачем нам костры на улицах, излишний этот драматизм? Мы — в тихом уголочке, в печечку, от печечки тепло!..» (2, 486) Продавая свою совесть за временное земное благополучие семьи и себя, он остался с муками своей совести до конца жизни. И теперь, глядя назад, хотел бы перемениться судьбой с Костоглотовым — «...вы хоть ввали меньше, понимаете? вы хоть гнулись меньше, цените!» (2, 480) Вынашивая такой ад в душе своей, Шулубину нужно высказаться перед смертью и высказаться непременно перед человеком, пострадавшим от того режима, которому он невольно помогал. Весь разговор Шулубина с Костоглотовым — это исповедь, это мольба о прощении раскаявшегося мучителя у мученика, это искреннее раскаяние грешника. Шулубин беспощадно себя унижает. Он говорит:

И когда о каждом из нас история спросит над могилой — кто ж он был? — останется выбор по Пушкину:

В наш гнусный век
...На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник!

.

Нет, выбор нам оставлен тройкий. И если помню я, что в тюрьме не сидел, и твердо знаю, что тираном не был, значит...

— Так вот такая жизнь, думаете, легче вашей, да? Весь век я пробоялся, а сейчас бы — сменялся. (2, 481-482)

Приговор Костоглотова кающемуся чрезвычайно важен. Важно, чтобы Костоглотов понял и простил его за всех пострадавших от его малодушия. Важно, чтобы Костоглотов понял, что такие, как

Шулубин тоже были узниками, хоть и не за решеткой. Они были узниками своего собственного страха. Отсюда эти круглые тяжелые глаза и молчание. Только палата раковой больницы, где законы земного мира теряют свою силу, и операционный стол разрешили обет молчания Шулубина. И Костоглотов понял. Милостивый ответ его снял тяжесть сознания грехов с души Шулубина:

— Нет, Алексей Филиппович, это слишком с плеча осуждено. Это слишком жестоко... всех записывать в предатели — это сгоряча. Погорячился и Пушкин. Ломает в бурю деревья, а трава гнется — так что — трава предала деревья? У каждого своя жизнь. Вы сами сказали: пережить — народный закон.

Шулубин сморщил все лицо, так сморщил, что мало рта осталось и глаза исчезли. Были круглые большие глаза — и не стало их, одна слепая сморщенная кожа.

Разморщил. Та же табачная радуга, обведенная прекрасным белком, но смотрели глаза омытые. (2, 482)

Облегчение душевных страданий Шулубина совершилось — узник простил предателя. Костоглотов восстановил его право называться человеком, право, которого Шулубин себя лишил. А что Костоглотов назвал его «травой» рядом с «деревьями» — это Шулубина не трогает. Он согласен быть маленьким, только бы быть человеком. И таким он стал в глазах Костоглотова, единственного человека в палате, способного его понять. Костоглотов не дал ему умереть в одиночестве, как бесчувственному бревну. Он подошел проститься к умирающему, которому ничего земного больше не надо: ни пить, ни сестры, а только сочувствие живой души.

— Весь не умру, — прошептал Шулубин. — Не весь умру.
(И Костоготов ему: — Т. Л.-Р.)

— Алексей Филиппович, будете жить! Держитесь, Алексей Филиппович!

— Осколочек, а?.. Осколочек?.. — шептал свое больной.
(2, 534)

В этом диалоге открывается Костоготову то, что Шулубину, переходящему в иной мир, уже известно. Не о земной жизни идет здесь речь. Не о ней шепчет Шулубин, не о ней отвечает Костоготов. Олег сначала думает, что слова Шулубина бред, но память ему подсказывает и он тогда понимает, что тот говорит в полном сознании. Он напоминает Костоготову их последний разговор, в котором сказал:

«А иногда я так ясно чувствую: что во мне — это не все я. Что-то уж очень есть неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек Мирового Духа...» (2, 534)

Умиравшему Шулубину и вместе с ним Костоготову приоткрывается вечность. Нечто более глубокое, чем то бессмертие души, которое ощутил Поддуев, умирая. Это место в романе иначе назвать нельзя как проникновением в вечность.

О совести идет речь и в рассказе «Случай на станции Кречетовка». Лейтенант Зотов — такой же заблуждающийся человек с чистой, живой совестью, как Рубин. Он так же искренно верит, что служит добру и не понимает, что добро это в руках людоеда, который своим прикосновением превратил его во зло. В романе «В круге первом» Солженицын пишет о Сталине:

Как царь Мидас своим прикосновением обращал все в золото, так Сталин своим прикосновением обращал все в посредственность. (3, 150)

Зотов принял Тверитинова по-человечески, был готов ему помочь. Но... переименованный именем Сталина город: только то, что Тверитинов забыл, какой город стал называться Сталинградом, — как яд какой-то, отравляет человеческое отношение Зотова к Тверитинову. В Зотове рождается недоверие к отставшему окруженцу, то же недоверие к людям, которым одержим Сталин. Зотов перестает видеть в нем простого человека: Тверитинов перерождается в его уме в подосланного агента, врага, и Зотов начинает лгать, чего раньше никогда не делал. Мало того, он отдает человека — Тверитинова — в органы НКВД, чтобы там разобрались и дали разъяснение его подозрению. Наивный Зотов не понимал, что для бесчеловечных органов НКВД «подозрение» — самое страшное обвинение человеку: он может быть тогда виновен в любом преступлении против Родины. После этого начались у Зотова муки совести. Все вспоминал он этот случай. «Все сделано было, кажется, так, как надо. Так, да не так...» (1, 193). Он справлялся по телефону о судьбе Тверитинова, но органы НКВД никому отчета о своей деятельности не дают. И Зотов остался с муками своей совести навсегда. Никогда в нем не умолкнет голос Тверитинова:

— Что вы делаете! Что вы делаете! — кричал Тверитинов голосом гулким, как колокол. — Ведь этого не исправить!! (1, 192)

Зотов предал человека, как требовала от него партийная дисциплина Людоеда и через это сам стал соучастником уничтожения себе подобных. Взяв это на свою совесть, он уже никогда не обретет душевного покоя, который ощущали ээки, едущие в тайгу из Маврина: они добровольно избрали путь через ад концлагеря, чтобы не быть соучастниками системы зла. Хоробров, который вел себя сознательно вызывающе перед начальством шарашки, желая, чтобы его отправили в лагерь, говорит:

— ...За двадцать грамм маслица все мозги отдай. ...Нет, ребята, — лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой. (4, 803)

Эта истина отзывается в душе Нержина, который два дня тому назад испытал ее в кабинете у Яконова.

И Герасимович еще раз осознал, что иначе поступить не мог, даже ни на минуту не забывая о судьбе своей бедной Наташи. Прав Шулубин, который утверждает, что

Самая тяжелая жизнь совсем не у тех, кто тонет в море, роется в земле или ищет воду в пустынях. Самая тяжелая жизнь у того, кто каждый день, выходя из дому, бьется головой о притолоку — слишком низкая... (2, 479)

Это значит, что он не может выпрямиться во весь свой человеческий рост. Он должен опускаться на четыре ноги, как зверь, сознавая свое человеческое естество. Ээки из Маврина не согнулись, остались людьми, и за это едут в лагеря.

Их ожидала опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее.

Но в душах их был мир.

Ими владело бесстрашие людей, потерявших все до конца, — бесстрашие, достаемое трудно, но прочно. (4, 803-804)

Это удивительное бесстрашие людей, то самое, которое так ясно ощущает в себе Бобынин. Бесстрашие, которое окрашивает все его поведение и обезоруживает Яконова и Абакумова. О таких людях думает Солженицын, когда пишет:

Можно построить Эмпайр Стейт Билдинг. Вышколить прусскую армию. Взнести иерархию государства выше престола Всевышнего.

Нельзя преодолеть какого-то странного духовного превосходства иных людей. (3, 76)

На самом дне ада, который описан у Солженицына в пьесе «Олень и шалашовка», главный герой пьесы Родион Немов приходит к заключению, что «...шкура наша все-таки не самое дорогое, что у нас есть... Может быть, все-таки... совесть» (5, 84).

Глава третья

ЗАЧЕМ ПЕРЕНОСИТЬ ИСПЫТАНИЯ?

Берегись, не склоняйся к нечестию,
которое ты предпочел страданию.

(Книга Иова, 36 : 21)

Очень часто Солженицын изображает своих героев в момент внутренней борьбы со своей совестью. Зотов из «Случая на станции Кречетовка», Нержин, Герасимович и Рубин в романе «В круге первом», Костоглотов в повести «Раковый корпус» (хотя в ином плане) — все они переживают тайный поединок с голосом своей живой совести. И в зависимости от того, какой голос в этом поединке взял верх, складывается дальнейшая судьба их. Нередко в поединке этом решается очень многое, как это было у Нержина и Герасимовича. Что заключают в себе героические восклицания этих двух подвижников духа: «...отойди от меня, сатана!» (3, 63) Нержина и «Я не ловец человеков!» (4, 696) Герасимовича? Что вложено в слова Костоглотова: «Но, Вега! Если б я вас застал, могло бы начаться что-то неверное между нами, что-то насильно задуманное!» (2, 585) Каждая из этих фраз — это принятое решение, выбор коренного пути, по которому потечет вся дальнейшая жизнь этих героев. Примеры их утверждают, что мало

только решиться жить по совести, надо и всю отмеренную тебе жизнь прожить по совести и справедливости в любых условиях и часто даже очень дорогой ценой. Таким образом, Солженицын своими произведениями решает огромной важности вопрос: что должно быть дороже человеку: его жизнь или справедливость? Исследуя этот вопрос, Солженицын испытывает человека насилием над ним, холодом, голодом, страданиями родных, болезнью, смертью и засасывающим влиянием материального благополучия. И неизменно лучшие герои Солженицына остаются верны идеалу справедливости. Потому что для Солженицына она краеугольный камень понятия «быть Человеком». В письме трем студентам он пишет:

Справедливость есть достояние протяженного в веках человечества и не прерывается никогда — ...И в те массово-развращенные эпохи, когда встает вопрос: «а для кого стараться? а для кого приносить жертвы?» — можно уверенно ответить: для справедливости. Она совсем не релятивна, как и совесть. Она, собственно, и есть совесть, но не личная, а всего человечества сразу. (5, 271)

Справедливость как совесть «всего человечества сразу», которая заложена в человеке от рождения, есть понятие абсолютно нематериального, духовного порядка. Потому люди, которые жизнь свою устремляют по руководству «внутреннего стукотка» (5, 272) общечеловеческой справедливости, с материалистической точки зрения, кажутся неразумными, поступающими безрассудно. А у Солженицына именно они остаются правы, потому

что он выступает против этой материалистической точки зрения, такой распространенной в современности. Как защитник духовного существа человека он призывает заменить материалистическое заблуждение человечества — обращенностью «...к Небу, к Вечности — как к источнику иных... прозрений и толкований жизни»⁴⁸.

Часто встречаются на страницах произведений Солженицына персонажи, утверждающие, что ничего дороже земной жизни у человека нет. Дотти и Иннокентий Володиные прожили, не тужа, шесть лучших лет своей молодости, не сомневаясь в том, что от жизни надо взять все, — ведь только раз живем. Дотти с этим убеждением и осталась, когда Иннокентий отошел от него. Чалый в повести «Раковый корпус» убежденно говорит Русанову: «Один раз на свете живем — зачем жить плохо? Надо жить хорошо, Паша!» (2, 356) Сам Русанов, хоть и не говорит этих слов, но живет именно этим принципом. Он донес на своего друга — соседа, чтобы получить его квартиру. Он подчеркнуто привязан к своей квартире, мебели и автомобилю. Меняющиеся модные туалеты жены его играют особую роль в этом плане. У каждого из его детей упомянута какая-нибудь часть его новой одежды — новый синий костюм Лаврика, новая полосатая шапочка Майки, на которую обращает внимание своего мужа помолодевшая от радости Капитолина Матвеевна «в демисезонном абрико-

⁴⁸ Л. Ржевский, *Творец и подвиг* (Франкфурт/М., Посев, 1972), стр. 27.

совом пальто» (2, 510). Все это детали образа Русанова — он и его семья живут для земной жизни и жадно приобретают и обогащают ее любой доступной им ценой. Всех полнее выражает этот принцип Филипп Радагайс, герой пьесы «Свеча на ветру». Он отстаивает право человека на личное счастье, даже пренебрегая страданиями ближнего. В споре со своим оппонентом во взглядах Алексом Кориэлем, он говорит:

— Слушай, Ал, загробной жизни не бывает! У нас одна жизнь, эта одна! — и надо прожить ее во всех красках!.. Совесть? — слишком не-ма-те-ри-альна, чтоб жить ей в двадцатом веке. (5, 159)

Филипп вычеркивает абсолютную справедливость из своего душевного обихода и хладнокровно устраняет препятствие к своему личному счастью — парализованную жену Нику — убеждая новую сожительницу Эни, что через это надо переступить. Список этих жизнелюбцев можно пополнить всеми членами семьи прокурора Макарыгина из романа «В круге первом», кроме Клары и Иннокентия, у которых просыпается чувство справедливости. Туда войдут Яконов и Ройтман, хотя они уже не могут слепо и спокойно наслаждаться своими семьями и материальным благоустройством. Сюда надо причислить и беззаботную, мысленно танцующую, желтоволосую Асю, по молодости лет еще не столкнувшуюся ни с каким горем. Она еще не успела задуматься в жизни ни над чем из области духовного порядка и Демкин вопрос: «Чем люди живы?» не отозвался в ней многогранностью своего содержания. Она борется

за право носить модные прически, танцевать модный рок-н-рол и в Ленинграде ее внимание привлекли только специализированные магазины «по чулкам отдельно, по сумочкам отдельно!» (2, 148) К этой же категории людей относятся Тилия, Джум и Синбар из пьесы «Свеча на ветру», которые духовным содержанием своим напоминают отрицательных персонажей Фонвизина. Джум — это Митрофанушка — недоросль XX века, который просто не учится, и совсем не прочь жениться. Мать его Тилия тоже чем-то напоминает г-жу Простакову. Она такой же полный и невежественный властелин своего дома и мужа, как и ее литературный прообраз XVIII века. Муж ее Маврикий — большая известность в области музыки — загнан в треугольник «холодильник — плита — обеденный стол» (5, 126) и не имеет права мнения в выборе невесты своему сыну, так как это решает Тилия. У нее все черты характера г-жи Простаковой: грубость, властность. Только она лишена еще всякой, даже животной, любви к своему сыну, которая есть у Простаковой. Солженицын и Тилии дает повторить пароль жизнелюбцев. Она говорит:

Я люблю жизнь, Алекс! Я люблю жизнь во всех ее проявлениях! В конце концов, мы живем на свете один раз! Ничего нельзя упустить! (5, 136)

И, наконец, в пьесе «Олень и шалашовка» Солженицын показывает, как устраивается жизнелюбец в нижнем круге ада — в концлагере. Тут Солженицын собрал некоторых гоголевских типов из «Ревизора» и показал, как то же старое взяточ-

ничество (эти гоголевские «грешки») господствует в сталинских лагерях. Хомич — это Хлестаков, попавший за проволоку. Он, не задумываясь, лжет, как обменял красный свитер на рваные трусики у сына шведского миллионера и тут же отдает его в виде взятки лагерному заведующему санчастью. А чтобы устроиться в лагере повольготнее, он объявил себя инженером-мастером на все руки. Добравшись до начальника лагеря, он с ним знакомится так:

Хомич. Инженер Хомич по вашему приказанию.

Овчухов. Инженер — какой? По строительству?

Хомич. Так точно.

Овчухов. А по механизации?

Хомич. То же самое.

Овчухов. А по электрике?

Хомич. Три года работал.

Овчухов. Сантехника?

Хомич. Свободно разбираюсь.

Овчухов. Смотри, золото, а не человек. (5, 67)

Прибыв в лагерь с этапом, Хомич и дня одного на общих работах не проводит. Больше того, — он хвалится Гране, что за четыре года лагерей на общих никогда не работал и в этом лагере не намеревается. Он говорит Гране, предлагая ей лагерный брак:

По трупам пройду — но устроюсь. ...Я выставлю тебе лагерь так — ты не заметишь, что здесь проволока! (5, 39-40)

Начальнику лагеря Овчухову он предлагает самый бесчеловечный план повышения продукции в лагере: повысить процент выработки для получения «гарантийки», то есть регулярного дневного

рациона хлеба. Это те самые (меньше, чем насущные) последние двести граммов хлеба, которые «жизнью правят». Хомичу безразлично, сколько людей он загубит таким образом: голодом и трудом. Ему важно получить место заведующего производством, сидеть в канцелярии и понукать других, а не работать самому. Добившись этой цели, при этом столкнув честного капитана Немова с намеченного места, он радостно восклицает:

— Ах, красивая жизнь, где ты? ... «Милое глупое счастье с белыми окнами в сад...» (5, 76)

Сам начальник лагеря Овчухов по своему характеру очень напоминает городничего из «Ревизора». О нем можно повторить слова Гоголя о городничем: «...очень не глупый, по-своему, человек. Хотя и взяточник, однако ведет себя очень солидно». Он хорошо понимает силу своего положения над зеками. Принимает подчиненных у себя на квартире, как князь. Принимает от них взятки как должное и в ответ на особенно нужную услугу сулит в награду полцарства. Отношение двух персонажей к взяткам совершенно совпадает. Городничий говорит:

— Насчет ... того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят⁴⁹.

⁴⁹ Н. В. Гоголь, *Собрание художественных произведений* (в 5-ти томах, изд. 2-е; Москва: Издание Академии Наук СССР, 1960), IV, стр. 13.

Начальник лагеря Овчухов тоже думает, что взяточничество закономерно. Ему доносит один из самых услужливых эков лагеря Соломон на Немова, будто тот взятки брал с новоприбывших с этапом. Но это не трогает Овчухова. Он отвечает: «Лапу берет? Молодчик! Дурак бы был, если б не брал» (5, 61). И позднее, когда Немов является к нему с отчетом о своей работе, Овчухов неприятно поражен, что Немов никаких взяток не брал и даже не понимает, о чем идет речь.

Овчухов. ...Теперь — от нового этапа хороших вещей набрал?

Немов. Не понимаю.

Овчухов. Ну, джемперов там, пальта кожаные, юбки шелковыс... Сам зажать хочешь?

Немов. Позвольте, как и зачем я могу брать чужие вещи?

Овчухов. Чтобы жить, дурак! «Подохни ты сегодня, а я завтра» — закон лагерный знаешь? (5, 63)

Овчухов боится только одного: чтобы его не сняли с поста начальника лагеря и не послали бы его заведовать другим на север. Ведь он уже прижился на этом месте: у него здесь (опять те же земные ценности) — «Квартира, семья, дом начал строить...» (5, 66)

Тимофей Мерещун, врач зоны — гоголевский Земляника. Он и проныра и плут, как Гоголь говорит о Землянике. У него в санчасти больных вообще нет: только две санитарки и шесть других женщин по графе больных. И Хомич там оказался как больной, вместо того, чтобы идти на общие работы. Настоящие же больные идут на общие

работы, и об этом заботится фельдшер зоны Ага-Мирза, помощник Мерещуна. Мерещун узнает о состоянии санчасти от помощника, сам же плутовски занимается добычей новых для себя льгот (кража пистолета Овчухова).

В таком же стиле представлены два майора в романе «В круге первом» Шикин и Мышин, два кума: кум тюремный и кум производственный. Как-то уж слишком по-гоголевски созвучны фамилии: Шикин и Мышин, как Добчинский и Бобчинский. Да и работа их вся состоит в собирании сведений о зэках и в сочинении новых дел на них. Все эти солженицынские, фонвизинские и гоголевские отрицательные типы получают трагическое значение, потому что жизнь и счастье свое они паразитически приобретают за счет сил и жизни себе подобных. У Солженицына они не выделены в отдельный мирок далекого уездного городка, как у Гоголя, и не наказаны по справедливости, как у Фонвизина. Они живут рядом с угнетаемыми мучениками за справедливость и продолжают свое людоедское дело под защитой бесчеловечного закона.

Несколько выше этого списка отрицательных типов-жизнелюбцев стоит Филипп Радагайс. Он, кроме украшения своей жизни всеми красками (5, 159), еще служит науке. Он хочет

...С эстафетной палочкой, которую в руках держали Ньютон, Максвелл, Эйнштейн — пробежать по второй половине двадцатого века и на черте передать двадцать первому. (5, 144)

Но научные достижения Филиппа в его руках не созидательны, а разрушительны. Потому что он уничтожил в себе чувство совести и справедливости. Первый опыт над человеком изобретенного им стабилизатора человеческой нервной системы уничтожил чуткость души Альды. Из отзывчивой, нежной души ее сделали бесчувственной, равнодушной, могущей спокойно смотреть, как автобус давит собаку. Это отзывается и на способности Альды к музыке. Музыка у Солженицына часто дополняет описание души героя или его внутренних переживаний. После эксперимента, проведенного над Альдой, она стала играть на рояле без души. Как будто осталась у нее одна техника без понимания содержания музыкальной пьесы, которую она исполняет. Алекс в огорчении восклицает: «Разве это поздний Шуберт? Разве это поздний Шуберт!» (5, 168)

Наука в руках бессовестного, безответственного человека — страшное оружие. В руках Филиппа наука еще, как игрушка, и работа его в науке представлена как спортивная игра — эстафетная палочка. Но когда в его игре земные власти заметят свою выгоду, они придут и купят его «игрушку»... (Эту угрозу миру заметили О. Хаксли и Е. Замятин и указали на нее в своих фантастических романах.)

И в один прекрасный день являтся к тебе джентльмены от учреждения из трех букв... Управление Мыслей и Чувств. Поставят охрану около твоих электронных машин — и начнут читать мысли граждан. Уж если и это придет в мир —

пусть не через меня. Не хотел бы я тогда не только работать в твоём институте, но и жить на земле. (5, 201)

— говорит Алекс Кориэл. И этот путь уже в пьесе намечается.

Алекс Кориэл — противник такого безответственного отношения к целям науки, к своей деятельности и к людям, как у Филиппа. Он антипод Филиппа. Тот думает, что совести нет, что жизнь одна и надо ею наслаждаться, а служить надо науке. Алекс убежден, что жизнь одна, но и совесть одна (то же, к чему Володин приходит в романе «В круге первом») и служить надо не науке, а человечеству, помогая людям сохранять в себе самое ценное — живую нравственную душу. Потому целью своей жизни он ставит «...помочь донести . . . эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души» (5, 200) — до Двадцать Первого века. Потому он отказывается сотрудничать с Филиппом. И потому, в плане охранения души человека, он надеется воспрепятствовать созданию электронной машины, которая будет регулировать общество. «Я должен к ним идти», — говорит Алекс Филиппу.

Филипп. Смотри! В надежде на успех...

Алекс. В надежде? Нет! Ты не понял. Не в надежде, а в испуге! в боязни успеха! Я пойду к ним для того, чтоб не дать и им когда-нибудь со временем стать Левиафаном, только электронным. (5, 203)

Левиафан — библейское морское чудовище, о котором говорится в книге Иова:

Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным;
На все высокое смотрит смело: он царь над всеми сы-
нами гордости. (Гл. 41 : 25-26.)

Алекс замечает в Филиппе возгордившегося человека, который за достижениями науки усматривает только заслугу ученых людей всех вместе взятых, и среди них и себя. Такая точка зрения — неотъемлемая часть материалистического мировоззрения, которое объявило человеческий ум всемогущим. Алекс восстает против такого убеждения. Он говорит:

«О великая наука!» Это все равно, что: «О, мы! — великие умы!» или точнее: «О, великий Я!» Поклонялись люди и огню, и луне, и деревянному идолу — но, боюсь, даже идолу поклоняться не так нище, как самому себе. (5. 144)

Алекс осуждает своего дядюшку Маврикия за его равнодушие к дочери Альде и сестре Христине, бедствующей старушке. А поступок Филиппа со своей парализованной женой — тяжелое нарушение человеческой справедливости, продажа своей единственной совести и вместе с ней звания Человека. Алекс среди нравственных уродов, как Тилия, Джум, Синбар и Филипп, идет против течения и путь его будет нелегок. Сохранение души среди бездушных — задача, которая накладывает на него тяжелую ответственность. А сотрудников у него будет мало: парализованная Ника, больной Терболъм и одинокая старушка в покосившемся домике с земляным полом и увечными кошками — тетя Христина, вторая праведница, как Матрена. Но жизненный путь Алекса теоретический.

Вся пьеса написана не в реалистическом стиле. Самое «отвлеченное» произведение Солженицына, пишет об этой пьесе Л. Ржевский⁵⁰. Место действия вообще не обозначено, время — Двадцатый век. Все это не имеет значения для содержания пьесы. Она — о душе человека в XX веке, которая уподобляется в заглавии свече, колеблемой ветром, и в подзаголовке поясняется изречением из Евангелия «Свет, который в тебе». И еще в сцене смерти Маврикия дополняется несколькими выдержками из Евангелия, которые содержат в себе и фразу, взятую в подзаголовок. Тетя Христина читает Евангелие над умершим братом, и оно звучит как предупреждение человеку, заблудившемуся как Маврикий, Синбар или Филипп.

«Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, — но на подсвечнике, чтобы видели свет». (От Луки, 11 : 33)

«Итак, смотри: свет, который в тебе, — не есть ли тьма?» (От Луки, 11 : 35) ...

«И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: Покройся, ешь, пей, веселись». (От Луки, 12 : 19) ...

«Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (От Луки, 12 : 20) (5, 195)

Эти Евангельские выдержки, включенные в текст пьесы, содержат в себе полностью вопрос об образе жизни человека, который исследует Солженицын.

⁵⁰ Ржевский, стр. 25.

Человек, живущий по принципу жизнелюбца, неразумно расточает свое время на пустыки. Алекс говорит Тилии на ее слова, что она так занята, что ей «некогда».

«Некогда»? Это бич современного человека. Тебе некогда, человек? — значит, ты неправильно живешь! Перестань так жить, иначе погибнешь! (5, 137)

Об этом же пороке современного человечества сказал Е. Евтушенко в одном из своих лучших и искренних стихотворений «Остановись».

Проклятье века — это спешка,
И человек, стирая пот,
По жизни, мечется, как пешка,
Попав затравленно в цейтнот⁵¹.

Замечая этот же порок нашего века, Б. Пастернак пишет:

Быть знаменитым — некрасиво.
Не это подымает ввысь.

И в этом же стихотворении призывает к жизни, сосредоточенной на сохранении человечности.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца⁵².

Старик Маврикий, умирая, сознал именно эту ошибку своей жизни. Мучительно звучат его слова, когда ничего изменить он уже не в силах.

⁵¹ Е. Евтушенко, «Остановись!», *Огонек*, № 27 (1968), 12.

⁵² Б. Пастернак, *Сочинения*, Под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова (в 4 томах; New York: Ann Arbor, University of Michigan Press, 1961), III, pp. 62-63.

— Нет, дочь... Последнее время я часто думаю о том, что все, все, что я делал, не так — и жалел об упущенном. Мы мечемся все брать, чтоб только не жалеть. А вот когда страшно пожалеть — умирая... Как это жить, чтоб не жалеть, у м и р а я? (5, 192)

И как будто, в чем уж этот мирный старик, загнанный в кухонный «треугольник», виноват. Он так искренне радушно принимает своего племянника, вернувшегося из ссылки, хочет ему помочь устроиться жить. И все же к нему относятся евангельские слова: «Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя». Потому что за жизненной суетой ему было «некогда» исполнить свой отеческий долг перед Альдой. Ему некогда было позаботиться о бедствующей сестре. И некогда было задуматься над своей жизнью раньше.

Справедливость для Солженицына есть понятие абсолютное, освещающее все поступки человека и отношение его ко всему в жизни. Тот, кто живет по руководящему голосу общечеловеческой, вечной справедливости, направляет свою жизнь по иному пути, чем жизнелюбец. Это трудный путь, потому что постоянно требует от человека какого-то самоотречения — отказа себе в чем-то, что есть даже естественная потребность живого организма. Путь этот есть постоянная борьба человеческого тела и духа, которая происходит невидимо в сердце человека. На этом пути есть бесконечное множество ступеней достигнутой человеком духовной высоты. Этому пути нет предела. Каждый из праведников Солженицына по своему преодолевает земные препятствия и оста-

ется верным справедливости. Руководящая идея этого пути — евангельские слова, которые читает баптист Алеша, будто только для себя, но касаются они всех.

«Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или как вор, или злодей, или как посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь». (Первое Послание Петра 4 : 15-16). (1, 22)

Шухов, баптист Алеша и их друзья в повести «Один день...», Немов, Гай и Граня в пьесе «Олень и шалашовка» честно борются с холодом и голодом в сталинских концлагерях. Борьба эта в ГУЛаге самая ожесточенная и самая острая. Именно там она ясно выкристаллизовывается, потому что обнажается до своих составных элементов, которые разгадал Спиридон: «Волкодав — прав, а людоед — нет». Моральные установки праведных не позволяют им облегчать свою жизнь ценой пренебрежения справедливостью. Шухов уважает «работягу», того, кто честной работой добывает свой хлеб; и презирает «придурка», того, кто облегчает свою участь за счет честных работяг. Где только возможно, Шухов облегчит жизнь себе и друзьям своим, но не погрешит при этом против справедливости. У Шухова целая система преодоления холода и голода: как он одевается, как укрывается, как повязывает лицо тряпочкой от мороза и ветра, как ест баланду и хлеб. Все эти мелкие детали показывают, как сильно он ощущает и холод, и голод, как редки минуты, когда он освобождается от сосущего чувства голода и когда не дрожит он от холода. Только за

увлекающей его работой Шухов забывает этих своих лютых врагов. Не то что он во время работы не голоден, и не то что температура вокруг него делается тогда выше, — ведь замерзает раствор у них на глазах. Он именно забывает о них в увлечении. Это преодоление холода и голода своими духовными силами, а для этого надо быть способным чем-то увлекаться. И Шухов на это способен, хоть редко, но способен. Уже все бригады ушли, чтобы строиться. За задержку всей колонны и опоздание Шухову грозят лобои. Но он не может бросить работы своей, не проверив, «хоть там его сейчас конвой псами трави...» (1, 83)

Алеша-баптист описан так, что кажется, что ни голода, ни холода он не ощущает, а живет в тех же условиях и лишнего пропитания себе не подрабатывает. От милостыни, которую подает ему Шухов — одно печенье — он готов отказаться. Думает о Шухове, которому и самому голодно. Ни единым словом не упомянуто в повести, как Алеша ест или как он прячется от холода, во что одет. О нем только сказано, что уже до подъема он чисто умыт, одет и читает Евангелие, от руки переписанное. Интересно сопоставить, что Шухов так же прячет маленький самодельный ножичек, которым он подрабатывает питание, как Алеша — Евангелие. Шухов рискует, чтобы облегчить себе телесную жизнь, Алеша — духовную. Оба забывают о телесных тяготах лагерной жизни в увлечении: Алеша — духовной жизнью, а Шухов — в своей работе. Это и дает повод Шухову подумать — «С них (религиозных людей — Т. Л.-Р.) лагерь,

как с гуся вода». Алеша доволен, что он в тюрьме, так как никакие житейские заботы не отвлекают его от духовной устремленности — «...есть время о душе подумать!» (1, 130) Это же повторяют Нержин и Алекс в других произведениях Солженицына.

Немов — «олень» из пьесы «Олень и шалашовка» — прямолинейный, честный военный капитан, новичок в концлагере. Он пробует по справедливости вести дела заведующего производством. Но в далекой тайге, где нет на бессовестных никакой управы, где лагерный закон «Подохни ты сегодня, а я завтра», где ничего нельзя, но все можно «устроить» — Немов быстро понял, что быть начальником в таких условиях не по его специальности. Он говорит:

Зачем я полез в начальники? Я думал, это как в армии: офицер! приказ... -хо-го! Какой-то гадливый ужас — чтобы только самому не попасть на общие. Общие — это смерть! (Пауза.) Но начальником здесь быть — еще хуже смерти ... (5, 52)

Хуже смерти потерять совесть, отказавшись от справедливости. Это моральная и духовная смерть человека, и Немов так жить не может. Потеряв место заведующего производством, он доволен. Говорит Любе: «А оказывается, куда вольней простому чумазому... — долбаю шлак и песни пою» (5, 84). Лагерной шалашовке Любе кратковременная, всего одну неделю, искренняя любовь Немова оказалась дороже всех ее многочисленных замужеств, которые ей обеспечивали теплую и сытую жизнь. Немов категорически отказывается делить

Любу с лагерным придурком Мерещуном. Это значит — либо Люба, либо Немов будут отправлены в другой лагерь следующим этапом. Прощаясь с Немовым, Люба говорит: «Я эту недельку глубоко спрячу, я ее — навсегда...» (5, 112)

Гай и Граня — персонажи из той же пьесы и бригадир Тюрин из «Одного дня Ивана Денисовича» — настоящие борцы за справедливость — волкодавы, по афоризму Спиридона. Все трое — необычайно храбрые люди. Каждого из них Солженицын показывает в ситуации нависшей над ними опасности. К Тюрину на стройку прибегает строительный десятник Дэр. Он заметил, что бригада Тюрина где-то достала толь, которым забили окна от холода в недостроенном здании. В ответе за всю бригаду — Тюрин. Дэр грозит отдать Тюрина за этот толь под суд, который присудит ему третий срок. Тюрин не теряет. Рядом с ним его верная бригада, которую он сплотил, как семью. Павло с лопатой в руках и глухой здоровенный Сенька наготове.

Ух, как лицо бригадирово перекосило! Как швырнет мастерок под ноги! И к Дэру — шаг!.. Бригадир наклонился к Дэру и тихо так совсем, а явственно здесь наверху:

— Прошло ваше время, заразы, срокá давать! Если ты слово скажешь, кровосос, — день последний живешь, запомни!

Трясет бригадира всего. Трясет, не уймется никак.

И Павло остролицый прямо глазом Дэра режет, прямо режет.

— Ну что вы, что вы, ребята! — Дэр бледный стал — и от трапа подальше. (1, 77)

Тюрин выиграл бой за справедливость.

Павел Гай попадает в более опасное положение. В бригаду к нему назначают двух блатных, которые просто не работают. Гай им спуска не дает и силой заставляет их работать, зная, что блатные ему за это отомстят.

Граня. Смел ты! Один на двоих, да еще таких.

Гай. А с ними иначе нельзя. Этих блатарей, паразитов, я с первой персылки бью и до последнего лагеря буду бить. Мы — «враги», а они — «друзья народа»! Наверно, их начальство для того и держит, чтоб нашу кровь сосать. Отдали им пятьдесят восьмую терзать, не отделяют ни в камерах, ни в этапах... А наши — боятся ... Куда все — идет? (5, 92-93)

Блатари напали на спящего Гая, но и он, как Тюрин, вышел победителем из этого столкновения. Ему помогла Граня.

Гай страдает душой от несправедливости, которая царит в стране. В то время как другие праведные ограничиваются только личным соблюдением справедливости, Гай борется за справедливость и в других. Случай с блатными свидетельствует об этом. В разговоре с Граней он говорит, что он лагерных несправедливостей никогда не забудет. Он настолько весь поглощен этой борьбой, что даже мысль о возможной лагерной женитьбе ему чужда. На предложение Грани стать его подругой, он отвечает:

Гай. ...если б не жили люди семьями — ни один тиран не удержался бы на троне. Снесли б его, как водой! То-то и оно, что нам шею ломают, а мы всё семьями обзаводимся.

Граня. Паша! Ну что ты сравниваешь — ну какая тут семья?

Гай. Все равно, эта любовь нам все руки-ноги путает. Теперь завели моду при КВЧ танцевать под баян. Так что? Танцуют! Десять лет им влепили ни за хрен, дуракам, — танцуют!! (5, 93-94)

Гай тверд и непоколебим в своей борьбе за справедливость и он никогда не примирится с тем, что переживает. Такой человек, и выйдя за проволоку, не умолчит о пережитом, предаст эти человеческие преступления всемирной гласности, чтобы такие зверства больше не повторились в истории человечества. Так поступил и сам Солженицын.

Граня — женщина-борец за высшую справедливость. В ней есть нечто от Отелло. Она осуждена на десять лет по уголовной статье за убийство. А убила она своего любимого мужа за измену ей. Она, будучи на фронте, была ему верна. Он ей в тылу изменил. Рассказывая об этом Любе, она говорит, что разлучницу и не думала убивать:

Граня. Нет, именно его, раз понимать не может!.. А сейчас жалею... Плохим-то я его не знала, только в то утро...

Люба. Вот я и говорю, что им только это нужно.

Граня. Не может быть! не может быть! (5, 34-35)

Граня, так же как Отелло, убила своего мужа не из ревности, а от горечи в ее душе, от растоптанной и загрязненной чистоты и справедливости. Граня — очень целостная душа. Ни на какие предложения Хомича она не соглашается, хотя тот сулит ей безбедное существование в лагере. Он ей предлагал работу в хлеборезке. Кто работает в хлеборезке, тот всегда сыт, и в его руках самое сильное оружие для порабощения остальных.

Граня от этого отказалась, только чтобы не отступить от принципа справедливости. В ответ на Шурочкино удивление по поводу ее отказа от такого выгодного места, Граня отвечает:

С какой душой можно работягу обвесить хоть на грамм?.. Я для себя решила: по-лагерному не жить. Лишь бы мне сволочью не стать! — а жива-нежива — какая разница? (5, 94)

Умная и смелая, Граня безошибочно разбирается в людях. Поняла до конца натуру Хомича и не подкупилась его обещаниями. Оценила прямооту, честность и смелость Гая и стала его союзником. Хотя нет еще никаких доказательств, что Хомич стал тайным осведомителем, а Граня уже подозревает его в этом злодеянии. Смело и отчаянно она предупреждает его, если только он захочет ей мстить за ее несоглашательство, она по-своему, по методу Отелло, с ним расправится. Она говорит:

Граня. Ты, может, на него... материальчик оформляешь? (Трясет его.) Слушай! Если только опер начнет ему мотать... Или на этап его отправят... я тебя — убью!! ... Смотри, я словами не бросаюсь. Не такого, как ты, убила, а тебя мне убить — что гусеницу раздавить ... зеленую... (Отталкивает.)

Хомич. Ты какая-то заклятая. Я таких женщин не встречал никогда. У тебя сердца нет... (5, 95)

Она отчаянно вступает в рукопашный бой с блатными, которые напали на спящего Гая. Вмешательство ее и, немногим позже, Чегенева решает эту схватку в пользу сторонников справедливости.

И Граню со следующим этапом отправляют из этого лагеря. Причины этого ясны — она слишком опасна Хомичу. Оберегая себя, он так устроил, чтобы ее «пихнули на этап». Граня же борется до конца. Во время посадки на грузовик она во всеуслышание разоблачает Хомича, крикнув: «Хомича берегись! Он — стукач!! Точно!» (5, 120) Она, как и Гай, и за пределами концлагерей не перестанет отстаивать и восстанавливать поправленную справедливость. Слабенькой интеллигентной Шурочке, мечтающей о спокойной свободе, она говорит:

Я здешним воздухом надышалась, столько здесь подлости навидалась — мне теперь ни на какой воле покою не будет. (5, 88)

В Граню и Гая Солженицын вложил шекспировский дух борьбы за справедливость. Им будут, как Гамлету тень его отца, являться души невинно погибших в лагерях для восстановления справедливости. Они будут с нетерпением ждать возможности вывести на свет несправедливости, чтобы они больше не повторялись. Так же Гамлет радовался встрече с духом отца, чтобы узнать правду.

Двойник отца в оружьи! Быть беде!
Обман какой-то. Только бы стемнело!
А там, душа, терпенье: козней след,
Зарой их в землю, выступит на свет⁵³.

⁵³ Вильям Шекспир, Трагедия. Сонеты. Перевод Б. Пастернака, (Москва: Издательство «Художественная литература», 1968), стр. 140.

Драма жизни, происходящая на глазах у Гая и Грани, ни в какой мере не уступает трагедии, которую переживает в своей душе Гамлет. Гай и Граня переживают подобное тому, о чем пишет Б. Пастернак в стихотворении «Гамлет».

Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти⁵⁴.

Во всех этих случаях столкновений борцов за справедливость с паразитами Солженицын показывает путь к преодолению несправедливости. Те, которые делаются паразитами, — делаются такими по своей человеческой слабости. Они боятся, что не вынесут холода и голода, и потому идут на компромисс с совестью, оберегают свою жизнь любой ценой. Идут на низости, подлость и братоубийство. Те, которые побороли в себе этот животный страх, духом сильнее первых. Потому так безоружны паразиты перед справедливым гневом сильного духом. Дэр бледнеет и сдаётся, когда просыпается гнев Тюрина. Блатари покоряются под влиянием сильной воли Гая. Хомич стоит в страхе перед угрозой правдолюбивой Грани. Еще нужно включить в этот список рассказ Костогло-

⁵⁴ Б. Пастернак, *Доктор Живаго*, (New York: Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1959), 532.

това о битве на пересылке между группой арестованных японцев и блатарями, в которой он тоже принял участие и вышел из нее навеки отмеченным шрамом на лице. Это тоже был бой за справедливость — блатари три дня подряд отбирали у японцев и двух русских политических весь их дневной паек хлеба и сахара. После того, как стороны померялись силами, порядок был восстановлен.

Костоготов — тоже активный защитник справедливости. Его часто в критике характеризуют как человека с пытливым умом. А он не столь пытлив, сколь недоверчив к людям из-за того, что привык за тюремные годы опасно относиться к ним и, тем более, к тому, что незнакомые ему люди, не проверенные им, собираются делать с ним. Вере Гангарт он откровенно говорит:

— Да Вера Корнильевна, это жизнь у меня такая окаянная: ничему не верь, все проверяй. А вы думаете я — не рад, когда не надо проверять? (2, 366)

И проверяет он людей не из чувства самозащиты, а из стремления восстановить поправную справедливость. В борьбе с несправедливостью он на каждом шагу своей жизни все проверяет, обдумывает и активно встает на защиту справедливости. Оттого он спорит с Русановым, и спор его именно на тему о социальной несправедливости, царящей в стране. Этот спор, как и вышеупомянутые стычки, кончается тем, что Русанов замолкает, боясь длинных рук и сжатых кулаков Костоготова. И Костоготов, поддержанный Шу-

лубиным (как Гай и Тюрин в описанных сценах), вышел победителем из этого спора. Оттого говорится о нем в романе: «Ух, как любил он прошибать эти лбы и доказывать справедливость — хоть эту маленькую, нищенскую, а все же справедливость! Хоть в этом отстаивании ощутить себя личностью» (2, 580). Слабый и больной, совсем не способный вступить в драку кулаками, он все же перед посадкой на поезд еще раз защитил справедливость — не дал изображающему из себя сумасшедшего человеку, блатарю-полуцвету, залезть без очереди в вагон. Человек этот, по-видимому, бывший заключенный, хотел одурачить лагерным способом неискушенный народ, а Костоготов его остановил. И силы Костоготову с ним не пришлось применить. Человек подчинился слову его. Сцена эта вызывает ассоциацию с Евангельским исцелением бесноватого. В Евангелии от Луки написано:

Был в синагоге человек, имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом: Оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.

Иисус запретил ему, сказав: замолчи и выйди из него. И бес, повергнув его посреди синагоги, вышел из него, нимало не повредив ему.

И напал на всех ужас, и рассуждали между собою: что это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духам, и они выходят? (От Луки 4 : 33-36)

Солженицын указывает, что человек прикидывается сумасшедшим. И как только Костоготов замечает, что лживый, знакомый концлагерный способ и на воле обманывает народ, он бросается

на защиту правды. Солженицын прямо называет этого человека бесноватым, как в Евангелии. Он пишет:

Тогда Олег сорвался с места, в несколько больших шагов дошел до бесноватого и в самое ухо, не щадя перепонки, заорал ему: — Э-э-эй! Я тоже — оттуда!

Бесноватый откинулся, ухо потер: — Откуда?

Олег знал, что слаб сейчас драться, что это все на последних силах, но на всякий случай обе длинные руки у него были свободны, а у бесноватого одна с корзиной. И, нависнув над бесноватым, он теперь, наоборот, совсем громко отмерил:

— Где девяносто девять плачут, один смеется.

Очередь не поняла, чем излечен был бесноватый, но видели, как он остыл, моргнул и сказал длинному в шинели:

— Да я ничего не говорю, я не против, садись хоть ты. (2, 587-588)

Как в Евангелии, народу непонятно, о чем говорит Христос с бесом в человеке и какая сила в Нем повелевает над бесом; так же и у Солженицына «очередь» — люди, стоящие рядом, которых он называет тихими, не понимают ни слов, которые Костоглов говорит бесноватому, ни того, «чем излечен был бесноватый». Что-то произошло на глазах у людей видимое их физическими глазами, но непонятное им, так как оно было из мира духовного. Ведь Костоглов — человек, который прошел через пустынные искушения Христа в концлагере и остался человеком после них. Больше того, Костоглов, кроме пустынных искушений, прошел еще одно, может быть, более тяжкое испытание, не от людей исходящее — ис-

пытание смертельной болезнью. (Об этом будет речь впереди.) В этой ассоциации с Евангелием надо понимать Солженицына так, что человек, оставшийся верным высокой абсолютной справедливости после концлагерей, подымается над рядовым человеком. Так Костоглов духом победил бесноватого. Так же побеждают бесноватых Тюрин, Гай и Граня. Костоглов на воле продолжает их общую борьбу за вечную справедливость. Можно понимать эту параллель с Евангелием и по-иному. Солженицын, может быть, напоминает нам Евангельскую истину, что бес изгоняется только молитвой и постом.

И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста. (От Марка, 9 : 29)

У Солженицына ложь и несправедливость стоят под знаком равенства с бесовским духом, и человек, обманывающий других ради личной выгоды («Кто кого может, тот того и гложет»), подобен бесноватому. Таким образом, Солженицын указывает этим заключительным эпизодом в повести «Раковый корпус» на огромный потенциал силы человеческого духа в том, кто прошел испытания постом (голодом, холодом, унижением концлагерей) и кто умеет молиться: благодарно находить радость во всем, что ему в жизни еще осталось.

По этому же пути хочет пройти Нержин. Он тоже воин за справедливость, но из верхнего круга ада, там, где испытания еще не столь жестоки. Нержина по праву можно назвать — искателем

правды и борцом за нее. Он в поисках правды попал в тюрьму и, пребывая в тюрьме, продолжал разгадывать новые вопросы о жизни и человеке, которые возникали в нем. Солженицын приводит эпизод из романа В. Гюго и делает его образом душевного склада и умственной устремленности Нержина.

Это в «Девяносто третьем», у Гюго. Лантенак сидит на дюне. Он видит несколько колоколен сразу, и на всех на них — смятение, все колокола гудят в набат, но ураганный ветер относит звуки, и слышит он — безмолвие.

Так каким-то странным слухом с отрочества слышал Нержин этот немой набат — все живые звоны, стоны, крики, клики, вопли погибающих, отнесенные постоянным настойчивым ветром от людских ушей. (3, 284)

С двенадцатилетнего возраста пытался Нержин разрешить для себя загадку арестов и расстрелов людей, которые на судах сами на себя клеветали. Он чувствовал, что правду об этом можно узнать только за тюремными стенами и неудержимо желал для этой правды попасть в тюрьму. Солженицын даже пишет, что желание это у Нержина было всепоглощающей страстью его жизни. Страсть эта была в нем сильнее его любви к жене. Солженицын пишет:

Все сбылось и исполнилось, но за этим — не осталось Нержину ни науки, ни времени, ни жизни, ни — жены... Одна большая страсть, раз занявши нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас. (3, 286)

Нержин любит свою жену, но место ее в душе его не первое. Едучи на свидание с Надей, Нержин признается себе, что если бы он был на воле, а

Надя в тюрьме, то он не выдержал бы и года и изменил бы ей. И удивляется Надиной твердости. Он был готов изменить Наде даже в тюремных стенах. Благотворное влияние женской верной и самоотверженной любви остановило Нержина от этого шага⁵⁵. Как-то узнав, что Нержин находится в Московской тюрьме, Надя подстерегла у ворот тюрьмы вывод на работу заключенных. В колонне из двухсот арестантов, одинаково остриженных, одинаково исхудавших, она сразу нашла сердцем и глазами своего мужа. Он же ее не заметил. Было и то, что Нержин не ожидал видеть Надю в Москве. Но более того, он как будто даже не искал — он мог обойтись так, чтобы не видеть Нади, потому что поглощен был своей первой страстью — поисками правды, разоблачением несправедливого суда над невинными. Солженицын пишет:

Такой же желтый, такой же исхудавший, как его товарищи, он весь сиял и с одобрением, с упоением слушал соседа — седобородого статного старика.

Надя побежала рядом с колонной и выкрикивала имя мужа — но он не слышал за разговором и залившимся лаем охранных собак. . . . И, впервые, прозрела боль за себя — что он ее обездолил, что жертва — не он, а она. (3, 291)

Непомерно больше жертва Нади, чем Нержина, в сложившихся обстоятельствах. Она лишалась с арестом Нержина самого ей дорогого на свете, того, что было смыслом и двигателем ее жизни. Для Нержина это было не так. Он остался со сво-

⁵⁵ De Proyart, p. 460.

ей первой страстью — желанием понять происходящее. И за этой страстью что-то из страданий его жены ему непонятно. Иначе не стал бы он так бессердечно разъяснять Наде, что срок его надо считать нескончаемым. «Он не понимал...», — пишет Солженицын, что

Для него его срок был — светлая холодная бесконечность, для нее же — оставалось двести шестьдесят четыре недели, шестьдесят один месяц, пять лет с небольшим — уже гораздо меньше, чем прошло с тех пор, как он ушел на войну и не вернулся. (3, 310)

Для нее вся надежда на будущее — его возврат. Она по своей воле, по своему справедливому внутреннему закону хранит свою любовь к мужу. Для него — жизнь в тюрьме преисполнена глубокого смысла.

...жизнь, осмысленная в мелком и крупном; жизнь от одной дерзкой удачи к другой, где самыми неожиданными ступеньками к цели были уход на войну, и арест, и многолетняя разлука с женой. Со стороны по видимости несчастливый. Глеб был тайно счастлив в этом несчастье. Он испивал его, как родник, он визнавал тут тех людей и те события, о которых на земле больше нигде нельзя было узнать, и уж, конечно, не в покойной сытой замкнутости домашнего очага. С молодости больше всего боялся Глеб погрязнуть в повседневной жизни. Как говорит пословица: не море топит, а лужа. (3, 219)

Это внутреннее духовное удовлетворение своей судьбой в тюрьме разглядела Надя в своем муже, когда сказала ему: «Тебе — идет ... Вообще. Здесь. Все это. Быть здесь ...» И понимала в душе, что «...этот ореол не приближал его к ней» (3, 311).

Нержин сознательно идет к намеченной цели: узнать и понять таинственный ход истории и, разъяснив его, передать его следующим поколениям. Отсюда мелко исписанные листы, которые он тщательно прячет в своем письменном столе и которые ему приходится сжечь перед отъездом из Маврина. Источниками его изучения служат люди, которых он встречает в тюрьме, и его собственный богатый тюремный опыт. Этот опыт показал Нержину, что только скептически наблюдать и оценивать ход истории он не может, так как «В события хочется — вмешиваться» (3, 190). Он понял вопиющую несправедливость, царящую в жизни, и, поняв это, при любой малейшей возможности в тюремных условиях защищает справедливость. Потому среди начальства приобрел он себе славу «дерзкого» — «...ибо вообще Нержин был арестант дерзкий и всегда доискивался за ко- н о в » (3, 217). С тюремным начальством он законник, буквоед. Он блестяще отвоевывает себе назад незаконно отобранный у него томик стихов Есенина. На все примитивные причины, приведенные Шикиным, чтобы не вернуть книги, Нержин находит умный, бесспорный аргумент. Все заученные психологические воздействия Шикина остаются бесполезными: он хотел оставить Нержина стоять — Нержин сел; он хотел помучить Нержина долгим молчанием, многозначительной паузой, — «но Нержин заметал ее словами» (4, 778), требуя, на основании определенного пункта закона, вернуть ему его книгу. В Нержине разгорался гнев человека, чувствующего свою правоту. Он уже не

просто требовал свою книгу назад. Он с этим томиком Есенина защищал права своей любимой жены.

Нержин гневно встал, не отводя глаз от Есенина. Он представил себе, как эту книжечку когда-то держали милосердные руки жены и писали в ней:

«Так и все утерянное к тебе вернется!»

Слова безо всякого усилия выстреливали меж его губ:

— Гражданин майор! Я надеюсь, вы не забыли, как я два года требовал с министерства госбезопасности безнадежно отобранные у меня польские злотые, и... — все-таки... их получил. Я надеюсь, вы не забыли, как я требовал пяти граммов подболточной муки? Надо мной смеялись — но я их добился!?

...Я предупреждаю вас, что эту книгу я вам не отдам! Я умирать буду на Колыме — и оттуда вырву ее у вас! (4, 780)

Шикин, как и все прежде описанные сытые и довольные оппоненты борцов за справедливость, сдался. Сдался, потому что боялся Нержина. В этом случае Солженицын откровенно пишет, что такого рода боязнь — есть обычное явление.

Перед зэками, которые Шикина не боялись, Шикин сам испытывал тайную боязнь — обычную боязнь хорошо одетых и благополучных людей перед плохо одетыми и неблагополучными. Его власть сейчас плохо защищала его. (4, 779)

Тот же страх и робость ощущали Яконов и Абакумов перед непреклонным и бесстрашным Бобыниным.

Нержин так же смел и независим, как Бобынин, только у него есть еще одна уязвимая Ахиллесова пята — его далекая, но нежно любимая жена. И

хотя ему кажется, что тюрьма — благо, что она его многому научила и спасла от затягивающего влияния бытового счастья, а после свидания с женой в его душе больно отозвалось это лишение. Вернувшись в Маврино, он ищет тихий уголок и отдается своим грустным размышлениям.

Годами живешь без того, что отпущено на земле человеку.

Оставлены тебе: разум (если он вмещается в тебя). Убеждения (если ты до них созрел). И по самое горлышко — жертвенности и забот об общественном благе. Кажется, афинский гражданин — идеал человека.

А косточки — нет.

И одна эта женская любовь, которой ты лишен, словно перевешивает весь остальной мир. (3, 352)

Радость видеть своих жен для эков каждый раз бывает и болью. Тяжелая ежедневная серая арестантская рутина заглушает тоску по родным и загоняет ее глубоко в душу, помогая переносить разлуку. Встреча обеим сторонам воскрешает затаенные надежды и чувства и снова требует их хоронить. Солженицын образно сравнивает встречи арестантов с родными с древнегреческими стеллами, на которых заключенные выступают как живые мертвецы. Такие душевные страдания испытывают Нержин и Надя после свидания. Нержин, сидя около в одиночку работающего художника Кондрашева-Иванова, мучительно возвращал свою растревоженную душу обратно в хладнокровную, как он ее называл, арестантскую шкуру, успокаивая себя словами жены:

«Тебе идет здесь» — сказала она.

То есть, в тюрьме.

В этом есть правда. Иногда совсем не жаль пяти прожитых лет. Они какие-то своеобразные стали.

Где лучше узнать людей, чем здесь?

И над самим собой подумать?

От скольких молодых шатаний, от скольких бросаний в неверную сторону оберегла его железная предугазанная единственная тропа тюрьмы? (3, 353)

Пример Нержина — это одно из тяжелых испытаний, через которое Солженицын проводит человека. Его судьбой показывает, что самоотверженная устремленность к правде и справедливости Нержину несравненно дороже жизни. Он остается верен своему идеалу, он идет испытывать себя еще в нижних кругах ада. Но перед тем Солженицын дает ему подкрепить свои духовные силы. Через искусство Кондрашева-Иванова Нержин увидел идеал стойкого человека-праведника, не предающего высокую справедливость в условиях суровых, бесчеловечных лагерей. Он услышал от художника об идеале Совершенства, который хранится в душе человека и который иногда встает перед духовным взором его. Эту мысль Кондрашев вложил в свою картину — видение замка Святого Грааля. Такое видение Совершенства пережил Нержин в тюремном ателье Кондрашева. Такое видение идеальной подлинной мужской дружбы увидел Нержин в тот же вечер за «лицейским столом» и понял, что она возможна только среди людей, закаленных испытаниями. Он подымает тост за эту дружбу.

— Друзья! — увлекся Нержин. — Мне тридцать один год. За эти годы жизнь меня уже и баловала, и низвергала.

И по закону синусоидальности будут у меня, может быть, и еще всплески пустого успеха, ложного величия. Но клянусь вам, я никогда не забуду того истинного величия человека, которое узнал в тюрьме! Я горжусь, что мой сегодняшний скромный юбилей собрал такое отобранное общество. Не будем бояться возвышенного тона. Поднимем тост за дружбу, расцветающую в тюремных склепах! (4, 448)

Все эти пережитые Нержиным видения Совершенства будут возникать в его памяти и удерживать его от падений, как удержала мысль о жене от измены.

Верные жены заключенных тоже проходят тяжелые испытания и выносят их героически во имя сохранения добра. Надю Солженицын изображает распятой на кресте оконной рамы после ее духовной победы над своей и чужой чувственностью. Сцена эта заканчивается тостом «...за воскресение мертвых!» (3, 408) Крест — образ страданий. Надя через страдания свои жива. Она сохраняет свою живую душу. И когда Шагов произносит свой тост, он одновременно относится к заключенным в тюрьмах (за их освобождение) и к ним самим — Наде и Шагову: они в этот вечер оба воскресли для новых, добрых отношений друг к другу. Надя еще только на полпути своих долгих лет испытаний. Она романтически вспоминает жен декабристов и думает, что они сделали больше для своих мужей, чем она.

Наталья Павловна Герасимович, которая переживает второй срок своего мужа, уже совсем лишена всякой духовной силы переносить дольше свое положение. Горько звучат ее слова:

— Милая! Легко было любить в девятнадцатом веке! Жены декабристов — разве совершили какой-нибудь подвиг? (3, 301)

И еще горше слышать от нее о невыносимом положении жен заключенных среди вольных. Она доведена до последнего предела отчаяния, потому на вид кажется, что ей все безразлично. Ее уволили с работы за то, что она жена заключенного, и ей надо было теперь решать: «отрекаться или не отркаться...» (3, 318) от своего мужа. Это надо было спросить ей у мужа на свидании и именно этот вопрос она не задала. У нее с болью вырвалось то, чего она совсем не хотела говорить.

— ...Я больше не в силах! ... Мне лучше — умереть! ... Ларик, родной мой, ... Ну, изобрази им что-нибудь! Спаси меня! Спа-си меня! ...

Она совсем не хотела этого говорить, сокрушенное сердце! ... (3, 319)

Герасимовичи, доведенные до предела человеческих сил, оба поступают все же по совести. Ни она не отказывается от своего мужа, ни он не идет на сделку с совестью — не соглашается избрести предмет нежелательного свойства и едет за это в тайгу. Ни у него, ни у нее никакой перспективы на лучшее будущее нет, кроме смерти. Им обоим совесть дороже жизни.

До сих пор разбирались случаи в творчестве Солженицына, где испытания человека были от произвола злой воли людей. Был страдающий, был и виновник этого страдания. Но есть страдания людей, в которых нет непосредственного виновника — это страдания в болезни. Через такие испы-

тания проводит Солженицын человека в повести «Раковый корпус». Таким испытаниям подвержены все люди без исключения. Тут и те, которые считают себя господами над судьбами многих подчиненных — бессильны; и те, которые в жизни много переносили — не свободны от этой возможности. Заболевают раком и Русанов, и Костоглов. Заболевают и старый, и молодой — и Шулубин, и Демка; Вадим и Сибгатов; и тетя Стефа, и Ася. Нет ответа на вопрос, почему человеку послана в какой-то момент его жизни смертельная болезнь. Перед тайной смерти в страхе стоит человек и, если в полном здоровье не задумался о цели и смысле своей жизни, то этот вопрос непременно у него возникнет в болезни, если только он остался Человеком.

Ефрем Поддубев в сознании нависшей над ним смерти глубоко прочувствовал смысл рассказа Толстого «Чем люди живы?». Благодаря ему, на этот вопрос отозвались и все другие больные в палате, и этот вопрос перелетел даже за порог палаты. Демка задал его Асе. По рассказу Толстого, если человек не проявляет любви и милосердия, он не живой, на нем тогда и при жизни отпечаток смерти. Сапожник Семен и его жена Матрена были подобны смерти в глазах Михайлы, пока не проявили милосердия. Толстой пишет:

Женщина была еще страшнее человека — мертвый дух шел у нея изо рта, и я не мог продохнуть от смрада смерти. Она хотела выгнать меня на холод, и я знал, что умрет она, если выгонит меня. И вдруг муж ее напомнил ей о Боге, и женщина вдруг переменилась. И когда она

подала нам ужинать, а сама глядела на меня, я взглянул на нее — в ней уже не было смерти, она была живая, и я и в ней узнал Бога⁵⁶.

Такое изображение человека очень близко Солженицыну. Его понятие абсолютной справедливости очень близко понятию Толстого о Боге. Бог у Толстого — Любовь и милосердие. Все жизнелюбцы Солженицына именно тем и погрешают против справедливости, что у них нет любви к людям, нет милосердия к страдающим. Они часто не считают угнетаемых ими людей — за людей. А потеряв раз это незаменимое чувство справедливости и совести, они сами перестают быть живыми. Солженицын не случайно, описывая вечернее свидание Костоглотова с сестрой Зоей, вводит в это описание неизвестного умирающего, которому они вместе несут кислород. Глава, в которой описан этот эпизод, называется «И пусть у гробового входа...», строка из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», в котором Пушкин разумно и спокойно размышляет о неизбежной кончине.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть.
И равнодушная природа
Красою вечною сиять⁵⁷.

Здесь слышится ирония Солженицына к рациональному взгляду на смерть XVIII века. Хочется

⁵⁶ Л. Н. Толстой, *Сочинения*, (12-е издание; Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко., 1911), 11-я часть, стр. 25.

⁵⁷ Пушкин, 1, стр. 131.

повторить его слова, сказанные по поводу философии Эпикура: куда как легко рассуждать о смерти, на «шумных улицах»! Костоглотов и Зоя, будучи в непосредственной близости от смерти, отнеслись к ней легкомысленно, и к умирающему — как «равнодушная природа». Предсмертные страдания человека не отозвались в сердцах их, они были слишком заняты своим. И Солженицын пишет:

Он был жив еще — но не было вокруг него живых.

Может быть, именно сегодня он умирал — брат Олега, ближний Олега, покинутый, голодный на сочувствие. Может быть, подсев к его кровати и проведя здесь ночь, Олег облегчил бы чем-нибудь его последние часы.

Но только кислородную подушку они ему положили и пошли дальше. (2, 275)

Солженицын здесь называет Костоглотову и Зою «не живыми», как Толстой Матрену и Семёна из рассказа «Чем люди живы?».

Смерть Солженицын называет той силой, которая отрезвляет и пробуждает совесть и сознание справедливости. Алекс в пьесе «Свеча на ветру» утверждает это. Он возражает Синбару, который думает, что нет внутреннего закона морали и нет никакой силы на земле, которая может заставить человека повиноваться такому закону. А Алекс говорит, что такая сила — смерть.

— ...Постоянная загадка смерти! ... Смертно все во Вселенной — даже звезды! И мы вынуждены философию свою строить так, чтобы она была годна и к смерти! Чтоб мы были готовы к ней! (5, 185)

Молодой заключенный, измученный работой, желая разбудить совесть Поддуева, который заставлял их сверх силы работать в мокрую, холодную погоду, напомнил Поддуеву о неминуемой смерти. «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» (2, 232) Но так странно устроен человек, что напоминание о смерти не отзывается в его душе, пока он силен и здоров. Поддуев понял эти слова молодого заключенного только в день своей смерти. Солженицын указывает, что надо бы, наоборот: помнить о своей смерти, пока ты в полных силах и жить по совести и справедливости, чтобы «не жалеть, умирая» (5, 192).

Эта же мысль главной нитью проходит в рассказе «Правая кисть». Мимо больничного корпуса по несколько раз в день проходят похоронные процессии, так как единственное кладбище города — рядом с медицинским городком. И Солженицын пишет:

Здоровые лишь чуть оглядывались и снова спешили, куда было нужно им (они хорошо знали, что было нужно). А больные при этих маршах останавливались, долго слушали, высовывались из окон корпусов. (5, 211)

Здоровые не задумываются над своей жизнью и своим будущим. Иронически звучит фраза: «они хорошо знали, что было нужно». Случай, описанный в рассказе, — дальнейшее углубление этой темы. Больной человек у ворот просит помощи. Он изнемог и не может сам дойти последних нескольких сот метров до больницы. Толпа здоровых проходит мимо него, не слыша его призыва.

Отозвался на него автор рассказа — тоже больной человек, который довел его до больницы.

Так однажды перед вечером я стоял у главных ворот и смотрел. Мимо стремился обычный поток, покачивались зонтики, мелькали шелковые платья, чесучевые брюки на светлых поясах, вышитые рубахи и тюбетейки. Смешивались голоса, торговали фруктами, за загородкою пили чай, метали кубики, — а у загородки, привалившись к ней, стоял нескладный маленький человечек, вроде нищего, и задыхающимся голосом иногда обращался:

— Товарищи... Товарищи...

Пестрая занятая толпа не слушала его. Я подошел:

— Что скажешь, браток? (5, 213)

По Толстому вся толпа людей — не живая. Она мертва. По Солженицыну люди в толпе — не люди. Они только вешалки для всех перечисленных пестрых одежд. Люди здесь только: страдающий больной и выздоравливающий автор. В какой-то мере — темное прошлое больного настоящими страданиями его искупается.

Костоглотов задает себе аналогичный вопрос: чего наша жизнь стоит и чего нет. Его мучит сознание, что от лечения гормонами он теряет возможность во всей полноте воспринимать радость и красоту жизни. Стоит ли тогда спасать жизнь! Костоглотов пишет в письме к Кадминым:

Я и раньше давно задумывался, а сейчас особенно, над тем — какова, все-таки, верхняя цена жизни? Сколько можно за нее платить, а сколько нельзя? Как в школах сейчас учат: «Самое дорогое у человека — это жизнь, она дается один раз». И значит, любой ценой цепляйся за жизнь... Многим из нас лагерь помог установить, что предательство, что губление хороших и беспомощных людей — цена слишком высокая, того наша жизнь не стоит. Ну, об угодниче-

стве, лести, лжи — лагерные голоса разделились, говорили, что цена эта — сносная, да может так и есть.

Ну, а вот такая цена: за сохранение жизни заплатить всем тем, что придает ей же краски, запахи и волнение? Получить жизнь с пищеварением, дыханием, мускульной и мозговой деятельностью — и все. Стать ходячей схемой. Такая цена — не слишком ли заломлена? (2, 332)

Этот вопрос Костоглотова — тот же вопрос Толстого, только более конкретно и детально обдуманный. Если человек ограничен в свободе устраивать свою жизнь, если лишен здоровья и некоторых функций организма, необходимых для полной жизни, — чем тогда человеку жить? Этот вопрос Солженицын решает в судьбе Костоглотова.

Костоглотов готов недолечить свою зловещую опухоль, готов сократить свою жизнь — лишь бы оставили ему короткую возможность пожить на земле полноценно. Это второй лермонтовский Мцыри, который убежал в грозовую ночь из монастыря.

...Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах⁵⁸.

Как Мцыри в свой родной аул, Костоглотов рад был бы убежать из больницы в Уш-Терек, где впервые после концлагеря ощутил свободу, где

⁵⁸ М. Ю. Лермонтов, *Полное собрание сочинений*. Ред. Б. М. Эйхенбаум, (в 4 томах; Ленинград: Государственное Издательство «Художественная Литература», 1939), II, стр. 444-445.

впервые шел без конвоя. Предел мечтаний Костоглотова тоже близок к тому, что Мцыри ценил больше всего в своей короткой жизни. Костоглотов пишет в письме к Кадминым:

Ведь не прошу же я долгой жизни! — и что загадывать вдаль?.. Не прошу ни Ленинграда, ни Рио-де Жанейро, хочу в нашу глушь, в наш скромный Уш-Терек. Скоро лето, хочу это лето спать под звездами на топчане, так, чтоб ночью проснуться и по развороту Лебеда и Пегаса знать, который час. Только вот это одно лето пожить так, чтобы видеть звезды, чтоб не засвечивали их зонные фонари — а после мог бы я и совсем не просыпаться. (2, 331)

Мцыри и Костоглотов готовы заплатить своей жизнью за кратковременную свободную жизнь в гармонии с природой. Но такая оценка жизни мало отличается от тех, которые любой ценой цепляются за жизнь здесь на земле. Отношение к природе Мцыри и Костоглотова граничит с языческим почитанием природы как божества.

Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

.
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...⁵⁹

— говорит Мцыри старику-монаху, а тот молчит. Мцыри и не нуждается в ответе. Он упрямо уве-

⁵⁹ Там же, стр. 448-449, 463.

рен в своем. А Костоготов бросает свой вопрос Вере Гангарт и ждет от нее ответа.

...я плачу за жизнь слишком много. И ... даже вы — способствуете этому и меня обманываете. ...Как вы могли так горячо меня уверять, что уколы — нужны, но я не пойму их смысла? А что там понимать? Гормонотерапия — что там понимать? ...— Ведь если и так уже потеряна вся жизнь. Если в самих костях сидит память, что я — вечный арестант, вечный зэк. Если судьба мне и не сулит лучшего ничего. Да еще сознательно, искусственно убить во мне эту возможность — зачем такую жизнь спасать? Для чего? (2, 370, 372)

Ответ Веры Костоготову — вся ее тоже неудачно сложившаяся жизнь и ее принципы. И никак она не могла в перевязочной при переливании крови передать ему опыт всей своей жизни. Никакие слова не вместили бы его. И Вера ушла из поля зрения Костоготова и долго молчала. Если ее образ жизни ошибочен, а Костоготов прав — тогда рушилась вся основа, на которой она стояла, и у нее возникает тот же вопрос: «А если только так — то среди кого ж тогда жить? Зачем? ... И можно ли?..» (2, 373) Тут столкнулись два противоположных подхода к жизни: один, который расценивает свои поступки с точки зрения вечности, любви и абсолютной справедливости; другой, который рассматривает жизнь во времени и с точки зрения любви и справедливости к себе. Костоготов один на свете и в данный момент одинок, потому что утерял связь с убеждениями своей молодости — не сохранил связи с основами вечных ценностей. Он потерял свою невесту в лагерях и ни для кого не сохранил

идеалов своей юности, как это делала Вера, никого так не любил, как это делали Кадмины. Потому он одинок и потому он до конца своей жизни жадно чего-то хочет для себя. Вера же одна, но не одинока. У нее живая, непрерывная духовная связь с ее погибшим женихом.

Не то, чтоб она считала себя навечно связанной общением: «всегда твоя». Но и это тоже: слишком близкий нам человек не может умереть совсем, а, значит, — немного видит, немного слышит, он — присутствует, он есть. И увидит бессильно, бессловно, как ты обманываешь его. (2, 384)

Таким образом, всегда существует для Веры ее единственный жених. И то, что он «бессильный» и «бессловесный», еще больше обязывает Веру по абсолютной справедливости — ведь он не может ничем ответить, он безоружен. Вера верна не собственному единичному идеалу, а общему идеалу: матери, жениха и других, подобных им, людей. Связь Веры с ними непрерывна, несмотря на разделившую их смерть. С точки зрения подхода к жизни, с которой Костоготов задал свой вопрос Вере — это абсурд, и потому Вера сначала промолчала и задала свой вопрос ему в ответ. Но дома, мысленно, она довела свой разговор с Костоготовым до конца, высказала все. Она один за другим разбивала взгляды на жизнь, которым из жалости к себе последовал было Костоготов.

Хемингуэевские сверх-мужчины — это существа, не подневшиеся до человека... Совсем не это надо женщине от мужчины... А с женщиной запутали еще больше. Самой женственной объявили Кармен. (2, 381-382)

А ее жизнь свидетельствует о совсем противоположном. Тот, кому она посвятила свою жизнь, — мальчик с чистеньким лицом и невинными глазами. Она сама антикармен. Она не ищет наслаждений, а бежит от них. И, продолжая свой мысленный разговор с Костогловым, она думает:

Конечно, если мыслить на уровне Фридланда (его упомянул Костоглов в перевязочной. — Т. Л.-Р.), то — вздор, аномалия, сумасшествие: помнить какого-то мертвого и не искать живого. Этого никак не может быть, потому что неотменимы законы тканей, законы гормонов, законы роста.

Не может быть? — но Вега-то знала, что они в ней все отменились!..

Да какие могут быть законы роста клеток, реакций и выделений, причем они, если другого такого человека нет! Нет другого такого! Причем же тут клетки? Причем тут реакции? (2, 384)

Этого всего не могла Вера высказать Костоглову при переливании крови, но что-то от этого сильно прозвучало в ее ответном вопросе с позиций людей, живущих вечными духовными ценностями. И Костоглов понял свое заблуждение, он, оказывается, забыл, утерять чистый идеал своей юности, а Вега ему напомнила о нем, возродила его в нем. Их действительный разговор не диалог мужчины и женщины, а — души с душой. В комнате полная тишина и разговор идет шепотом, почти на одном дыхании, затем входят в разговор глаза, устремленные в глубину и, наконец, дело, для которого они сошлись вместе — переливание крови — становится второстепенным.

Ампула, игла и переливание — это была их общая соединяющая работа над кем-то еще третьим, кого они вдвоем дружно лечили и хотели вылечить. (2, 370)

Затем следует разговор, который ничего общего не имеет с курсом лечения пациента. Лечится уже не тело, а душа Костоглотова.

После разговора — жизнь уже не кажется Костоглоту бессмысленной, даже после разрушающего действия лекарств. Он высказывает диаметрально противоположные взгляды тем, которыми начал свой разговор. Если жить по Фридлянду, то...

— ...Ведь это уничтожает все человеческое на земле. Ведь, если этому поддаться, если это все принять... — Он теперь с радостью отдавался своей прежней вере и убеждал — ее! (2, 374-375)

Эта победа Веры Гангарт — победа ее взглядов на жизнь, подтверждение того, что не зря, не впустую она несла тяжелое, никому не заметное бремя верности мертвому. Как самый большой праздник отзывается эта победа в душе Веги. И Солженицын пишет:

Праздник в том, чтобы почувствовать себя правой. Твои затаенные, твои настойчивые доводы, осмеянные и непризнанные, ниточка твоя, на которой одной ты еще висишь — вдруг оказывается тросом стальным, и его надежность признает, уверенно виснет и сам на него такой бывалый, недоверчивый, неподатливый человек.

И как в вагончике подвесной канатной дороги над немыслимой пропастью человеческого непонимания, они плавно скользят, поверив друг другу. (2, 377)

Под влиянием Веры Костоглотов понял, что смысл жизни есть для него и после лечения гор-

монами. Надо только уметь радоваться тому, что у тебя есть. Благодарно принимать то, что тебе посылает еще жизнь. Понимание этой возможности и открылось Костоглову. Потому он с такой радостью встречает первое утро после выхода из больницы. Он не надеялся вообще дольше жить, ехал в больницу умирать. А вот его вылечили. И эта жизнь после болезни представляется ему особым даром. «Первый день творенья» — называется глава, в которой Солженицын описывает выход Костоглова из больницы. Только выступив за дверь больницы, Костоглов обвел глазами весь видимый ему мир от зеленых деревьев до неба и обрадовался.

Это было утро творения! Мир сотворился снова, для одного того, чтоб вернуться Олегу: иди! живи!..

И только зеркальная чистая луна была — не молодая, не та, что светит влюбленным.

И — лицом разойдясь от счастья, улыбаясь никому — небу и деревьям, в той ранневесенней, раннеутренней радости, которая вливается и в стариков и в больных, Олег пошел по знакомым аллеям... (2, 536)

Костоглов радуется жизни с сознанием своего лишения. Оттого луна немолодая и радуется он, как доступно старикам и больным.

Костоглов, может быть, ангел Михайла из рассказа Толстого. Появление его в раковом корпусе очень напоминает собой появление Михайлы в жизни сапожника Семена. Семен подбирает умирающего от холода Михайлу и спасает его жизнь. Вера Гангарт подымает с пола умирающего Костоглова и лечит его. Михайла за ослу-

шание Бога должен был жить на земле, как смертные люди, и узнать через это правду о жизни людей. В нем Толстой повторил евангельскую судьбу человека: за послушание в раю Адам и Ева были изгнаны из рая и жизнью на земле должны были искупить свой грех. Костоглотов у Солженицына проходит полный евангельский путь человека. Он в молодости за вольнодумие был низвергнут из свободного мира в тюрьму. Там он узнал, что жизнь человека не стоит его совести и справедливости. Спасать свою жизнь нельзя любой ценою, а только той, которая не противоречит абсолютной общечеловеческой справедливости. Он понял, что счастье человека не зависит от материальных благ. Первая истина о жизни человека открылась ему. В болезни Костоглотов узнал вторую правду о людях, что человек не для себя живет, не для удовлетворения своих желаний, а для любви и сочувствия к другим. Этому он научился у Вегги, Елизаветы Анатольевны, Кадминых и у доктора Масленникова. И когда это ему открылось, он был отпущен из своей второй тюрьмы — из ракового корпуса на волю, в свой рай на земле — в Уш-Терек, где получил свое первое исцеление, где пустили его идти самого: «Возьми постель свою и ходи!» (2, 295). И к Вегге он не поехал именно потому, что понял эту последнюю истину. Он к ней стремился из чисто эгоистических побуждений. Жить с Веггой ему казалось верхом возможного для себя счастья. Это чувство влекло его неудержимо к ней. Он думал, сознавая свои ограничения, что возможно

жить с Вегой не как все... Приезд его к ее дому убедил его, что это невозможно. Выставленные на балкон постели и подушки превратились в его воображении в неприступный бастион. Они убедили Костоглотова, что

Птица — не живет без гнезда, женщина — не живет без постели. (2, 569)

Все же Костоглов сделал еще одну попытку поехать к Веге. Под влиянием радости, что, может быть, ссылка его будет отменена, что ему разрешат жить, где хочет. Он сможет тогда жениться на Веге. С этой радостью он снова поехал к ней. Но по пути, в трамвае, случай напомнил ему о его ограничении.

Ну, да ведь предупреждали ж его: останется ли б и д о . И только оно!..

И, выпрямляясь с ослабевших, подогнутых колен, понял Олег, что едет к Веге — на муку и на обман.

Он едет требовать от нее больше, чем от себя.

...Он едет к ней бодро уверять в одном, а думать измученно другое. (2, 577-578)

Это последнее окончательно убедило Олега не ехать к Веге. Придя к этому решению, он успокоился, как человек, поступающий правильно. Эту же причину он высказал в прощальном письме к Веге.

...хорошо, что я вас не застал. Все, что мучились вы до сих пор и что мучился до сих пор я — это по крайней мере можно назвать, можно признать! Но то, что началось бы у нас с вами — в этом нельзя было бы даже сознаться никому!.. еще прежде, чем вы доплывете до равнодушной старости, вы благословите этот день, когда не разделили моей судьбы. (2, 585-586)

Костоготов понял теперь, что в мире есть «нерасчетливая доброта» (2, 524), понятие, которое прежде не вмещалось в его сознание. После этого он может вернуться в «рай» — на земле или на небе, это безразлично. Умер он на вагонной полке в поезде или заснул, для конца повести не важно. Важно, что он стал Человеком в самом глубоком смысле этого слова. Жизнь его такая, какая она у него была, с семью годами армии и семью годами лагеря, ссылкой и болезнью — имеет огромную ценность. Такая жизнь более ценная, чем мирно, спокойно прожитая, которая может оставить человека, в результате безмятежности, духовно слепым. Как пишет Солженицын, вспоминая Евангельские слова «...они своими глазами смотрят, и не видят» (от Марка 4 : 12) — «Две тысячи лет уже как сказано, что иметь глаза — не значит видеть. Но тяжелая жизнь углубляет способности зрения» (2, 525). Олег и стал видеть, но только пройдя много испытаний. В начале повести он знал и видел только свою беду и свои желания. Он вместе с сестрой Зоей прошел мимо умирающего брата. В конце повести Олег за тем же столом во время ночного дежурства беседует с санитаркой Елизаветой Анатольевной, ссыльной одинокой женщиной с восьмилетним сыном. Она рассказывает Костоготову свою жизнь, которая тяжелее его жизни. И Костоготову делается стыдно за свои пустые заботы.

А еще ему стало стыдно, что выше памирских пиков вознес он эту пытку: что надо женщине от мужчины? не меньше — чего? Как будто на этом одном заострилась

жизнь. Как будто без этого не было на его родине ни муки, ни счастья. (2, 531-532)

И уже не думая о себе, Костоглотов спустился вниз, в комнату, где лежал Демка и куда положили после операции Шулубина. К умирающему Шулубину подошел Олег, как брат, и оказал ему последнее сочувствие, которое он не проявил умирающему на лестнице.

В «утро творения» Костоглотов испытал чувство полного освобождения от всего земного. За пределами ракового корпуса внимание его устремилось ввысь: он увидел сперва «молодой воздух», затем «зеленеющий мир» и небо со встающим солнцем, облаками и ладьей ущербленного месяца.

Это было утро творения! Мир сотворился снова, для одного того, чтобы вернуться Олсгу: иди! живи! (2, 536)

Это чувство благодарной радости бытия, не обремененного никакими земными привязанностями, не хотел Олег променять ни на какие новые земные узы. К. Померанцев, замечая в творчестве Солженицына присутствие такой совершенной радости, пишет:

Солженицын словно хочет раскрыть одну из глубочайших тайн бытия — претворение зла в добро через страдание⁶⁰.

⁶⁰ К. Померанцев, «Добро и зло у Солженицына», *Новый Журнал*, кн. 95 (1969), 150.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тревога за человечество, которую выразил Солженицын в «Нобелевской лекции», слышится и в его произведениях. Куда ведет потеря общей справедливости, опустошение души и отрицание духовных ценностей? Что готовит себе человечество, живя принципом наилучшего удовлетворения своих эгоистических земных желаний и потребностей? Солженицын наблюдает, как эгоизм и страх, полонивший опустошенную душу, переселяется и в следующее поколение, и часто в увеличенном виде. Первое поколение обездушенных людей еще сохраняет какое-то внешнее воспитание, следующее теряет и это последнее сдерживающее начало. Если Русанов еще боится обездоленных им людей, старается скрыть свои злодеяния, то дети его (кроме Юры), уже ничего не стыдятся. Ничто не может смутить Авиету, которая в четырехлетнем возрасте, на радость своих родителей, издевалась над беременной женщиной, которую Русановы выживали из квартиры. Уродливо звучат воспоминания Русанова, особенно слово «терпеть» в таком извращенном понимании его.

И только к следующей зиме её выселили, а длинные месяцы пришлось терпеть и жить с ней бок-о-бок — пока она носила, пока родила и еще до конца декретного. Ну, правда, теперь ей Капа пикнуть не давала на кухне, и Аве уже шел пятый год, она очень смешно ее дразнила. (2, 214)

Новое поколение в таких условиях росло зверьми. Такой зверёныш описан в лице Джума в пьесе «Свеча на ветру». Но самая страшная картина будущего поколения зарисована Солженицыным в очерке «Пасхальный крестный ход». Он выразил в нем самые тревожные свои опасения за наше общее будущее. Наблюдая жизнь, он видит симптомы смертельной болезни человечества. Он пишет:

Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников. (5, 235)

Все внимание Солженицына в очерке сосредоточено на изображении толпы молодых, которые пришли, или были подсланы, хулиганить около церкви во время пасхальной Заутрени. Ужас поведения этой толпы хулиганов в том, что она представляет собой новое поколение русского народа, идущее на смену старому. Солженицын особенно выделяет эту мысль, так как это и есть то многое, что нам должна разъяснить эта картина. «Евреев мы все ругаем, — пишет он — евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь» (5, 237).

Толпа молодежи не имеет понятия, что она делает. Из жизни и понимания этих молодых уже исчез смысл пасхального богослужения, колокольного звона и духовного смысла религии. Для них крестный ход — это зрелище «...как будут попы

чудаковать» (5, 239). К старому поколению и к верующим они относятся пренебрежительно.

...на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух. (5, 236)

Отношения их между собой — звериные: ничто их не удержит в любую минуту начать поножовщину. Крестный ход, идущий через эту толпу, напоминает первых христиан, ведомых на казнь.

Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые на смерть, если спустят на них тигров. (5, 238)

И эти тигры, вы чувствуете, стоят здесь наготове.

Это картина нового поколения, у которого нет совести, нет облагораживающей душу религии, нет сознания вечности и ответственности за свои поступки. Это люди, превращающиеся в людоедов. Солженицын заканчивает свой очерк:

Что ж будет из этих рожденных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия и обнадуженные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут! (5, 239)

Очерк этот — предупреждение художника о той катастрофе, которую он предвидит даром своего творческого зрения. И как спасение от этой катастрофы он предлагает идти путем лучших героев его художественного творчества. Он зовет идти по пути, зачастую мученическому и жертвенному. За такой призыв некоторые читатели нападают на

Солженицына, выражая мнение, что нельзя заставлять людей идти на мученичество и жертвы. На это Солженицын отвечает

В дилемме Вы пропустили главный выход, к которому я и призываю: через личные жертвы зримо перевоспитывать окружающий мир. ...

Приневоливать к жертвам — конечно, нельзя. Но звать — то можно? Уж почему и звать запрещаете?⁶¹

⁶¹ А. Солженицын. «Письмо А. Солженицына», «Посев» № 9, XXVIII (сентябрь, 1972), 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступ ление	5
Роль художника в современности. Солженицын возрождает средневековые духовные ценности. Передает эти ценности через свои художественные произведения.	
<i>Глава первая</i>	
Праведники	19
Образ ветхозаветного ковчега у Солженицына. Определение праведника. Подвиг Володина. Нержин в сравнении с Рубиным и Сологдиным. Праведные врачи. Праведники из народа.	
<i>Глава вторая</i>	
Совест ь	77
Критерий Спиридона. Перерождение Володина. Солженицын — христианский писатель. Солженицын испытывает совесть человека тремя великими искушениями Христа: хлебом, чудом и земной властью. Сталин. Совесть, отданная за земное благополучие. Живая совесть ошибающейся души — Рубин. Страх вместо совести — Русанов. Поддубев — пробуждение совести перед смертью. Исповедь Шулубина. Зотов — отравленная совесть. Сохранившие чистую совесть ценой своей жизни.	

Глава третья

Зачем переносить испытания? 122

Справедливость как совесть всего человечества. Земные ценности против вечной Справедливости. Справедливость дороже жизни. Борцы за Справедливость. Испытание смертельной болезнью. Духовное прозрение под влиянием физических и моральных испытаний.

З а к л ю ч е н и е 175

Солженицын как художник предостерегает человечество от трагических последствий предательства людьми Вечной Справедливости.

Татьяна Алексеевна Лопухина (Родзянко) родилась в 1928 г. в Твери (теперь — г. Калинин), в семье, ведущей свою родословную от старинного русского боярского рода, к которому принадлежала первая жена Петра Великого — Евдокия Лопухина.

С помощью родных, находившихся в Эстонии, семье Лопухиных в 1934 г. удалось покинуть СССР. Жизнь в эмиграции была нелегкой: довоенные годы (1935-1941) прошли в Эстонии, военные и послевоенные (1941-1949 гг.) — в Германии, а с 1949 г. семья Ло-

пухиных поселилась в Соединенных Штатах Америки.

Т. А. Лопухиной (Родзянко) пришлось получать образование на языках тех стран, в которых довелось жить, но родной язык никогда не забывался в семье, постоянно хранившей верность православию и любовь к русской культуре.

Уже в США, выйдя замуж и став матерью пятерых детей Т. А. Лопухина-Родзянко получает степень доктора по русской литературе в Нью-Йоркском университете.

В основу этой книги положена диссертация Т. А. Лопухиной-Родзянко. Анализируя произведения А. Солженицына, автор приходит к выводу, что все творчество писателя в основном направлено на раскрытие духовного мира человека, на уяснение вопроса «как и почему человек теряет или приобретает свое духовное содержание». Исходя из этого вывода, Т. А. Лопухина-Родзянко подробно рассматривает образы праведников в произведениях Солженицына; показывает, как писатель трактует проблему сохранения чистой совести «во враждебном добру мире»; анализирует понимание Солженицыным справедливости как совести «всего человечества сразу», понимание им смысла человеческой жизни.